

МИНИСТЕРСТВО ОБЩЕГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Пермский государственный университет

А.В. КОЛОБОВ

***РИМСКИЕ ЛЕГИОНЫ
ВНЕ ПОЛЕЙ СРАЖЕНИЙ***
(Эпоха ранней Империи)

Учебное пособие по спецкурсу

Пермь 1999

ББК 63.3(03)3

К 61

Колобов А.В.

К 61 Римские легионы вне полей сражений (Эпоха ранней Империи): Учеб. пособие по спецкурсу / Перм. ун-т; науч. редактор И.Л. Маяк. – Пермь, 1999. – 132 с.

ISBN 5-7944-0114-1

В учебном пособии, учитывающем достижения науки, впервые в отечественной историографии освещены социальные, экономические, политические, идеологические проблемы, связанные с римской армией эпохи принципата. Работа отражает современное состояние источниковой базы и мировой историографии по данной проблематике. Среди приложений особого внимания заслуживает латинско-русский военный словарь.

Книга рассчитана на студентов, аспирантов, преподавателей исторических специальностей, а также на читателей, интересующихся античной историей и историей Европы в целом.

Рецензенты: кафедра всеобщей истории Пермского педагогического университета; кандидат исторических наук, доцент Московского государственного педагогического университета А.М. Сморгков.

Печатается в соответствии с решением редакционно-издательского совета Пермского университета

ISBN 5-7944-0114-1

© А.В. Колобов, 1999

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Введение</i>	4
<i>Глава I. Изучение римских легионов</i>	5
<i>Глава II. Социальный состав римских легионов</i>	13
<i>Глава III. Место легионеров в обществе Римской империи</i> . . .	24
<i>Глава IV. Легионные ветераны в имперском обществе, экономике и системе управления</i>	31
<i>Глава V. Будни солдатской жизни</i>	46
<i>Глава VI. Религия и праздники римских легионов</i>	61
<i>Глава VII. Снаряжение римского легионера</i>	78
<i>Примечания</i>	86
<i>Приложение 1. Легионы эпохи принципата</i>	103
<i>Приложение 2. Каталог римских фалер с изображением "Амура"</i>	106
<i>Приложение 3. Латинско-русский военный словарь (эпоха принципата)</i>	107
<i>Список сокращений</i>	125
<i>Список источников</i>	125
<i>Библиографический список</i>	128

ВВЕДЕНИЕ

Изучение проблематики, связанной с историей армии Римской империи, является одним из важных направлений современного антиковедения. К сожалению, в нашей исторической науке данная проблематика не получила должного развития. Между тем история римской армии – это не только история сражений и войн, но и история важного инструмента внутренней и внешней политики, особого социального организма. Невозможно объективно оценить сильные и слабые стороны системы принципата, не имея представления о роли армии в формировании структуры имперского общества, его экономики.

Чтобы определить своеобразие цивилизации античной Европы в версии Imperium Romanum, необходимо рассмотреть имперскую армию – один из важнейших элементов и символов этой цивилизации – в буднях и праздниках. Без учета религиозных культов, распространенных в римской армии, не будет полноценным наше представление о путях утверждения античных духовных ценностей на окраинах Римского мира. Судить об уровне развития военно-технической мысли, оружейных ремесел у римлян, осознать движущие факторы их эволюции позволит анализ истории римского военного снаряжения эпохи принципата.

Автор выражает глубокую признательность профессору МГУ, доктору исторических наук И.Л. Маяк, профессору Познанского университета Л. Мрозевичу (Польша), профессору Гейдельбергского университета Г. Альфельди (Германия), профессору Загребского университета М. Заниновичу (Хорватия), доктору М. Шашель-Кос (Академия наук Словении) за любезную помощь при написании работы. Автор признателен также Немецкой службе академических обменов (DAAD) и Институту "Открытое общество" за финансовое обеспечение командировок, связанных с написанием книги.

ГЛАВА I

ИЗУЧЕНИЕ РИМСКИХ ЛЕГИОНОВ

Источники. Важнейшее значение для исследования римской армии играют археологические источники. Раскопки, проведенных на месте существования военных лагерей, лimesных укреплений, путей сообщения, дают возможность наиболее полно характеризовать повседневную жизнь римских легионеров данные археологических исследований¹. Именно они позволяют нам узнать об организации фортификационных сооружений, казарм, культовых мест, захоронений. Благодаря археологическим свидетельствам мы можем судить о жизни и быте римских воинов, их вооружении. Несмотря на гигантскую протяженность государственных границ, вдоль которых размещались войска с установлением Империи, и обилие войн в I-II вв., подлинное римское вооружение встречается археологам крайне редко. Известно, что после сражений оружие, оставшееся на поле битвы, тщательно собиралось: деревянные части сжигались наряду с телами павших, а металлические элементы поступали в переплавку. Именно на основе лома, обнаруженного, главным образом, на Рейне, Дунае, в Британии и в северной Африке, строятся представления современных ученых о римском вооружении. Находки неповрежденного римского вооружения уникальны и связаны, по преимуществу, с водоемами, куда они попадали либо случайно, либо как жертвоприношения.

Для характеристики римского вооружения данного периода важны так называемые репрезентативные источники, т.е. памятники, содержащие изображения легионеров и их вооружения. Многообразие изобразительного материала связано с феноменом имперской пропаганды, воплощенной в монументальном зодчестве, нумизматике и т.п. Наиболее информативны триумфальная арка Тиберия в Оранже (Франция), колонны Траяна в Риме и в Адамклиши (Румыния). Особым реализмом отличаются выполненные на превосходном техническом уровне изображения на солдатских надгробных памятниках, полувивших с начала Империи небывалое распространение. Весьма ин-

формативны монеты и геммы, изображавшие воинов, как правило, в парадном облачении.

Особое место среди археологических находок занимает эпиграфический материал. Многочисленные посвятельные, благодарственные и прочие надписи на камне, металле, дереве, папирусе и т.д. являются отличительной особенностью римской античной цивилизации эпохи ранней империи. Эпиграфика служит основным источником по вопросам комплектования, имущественного и правового статуса солдат и ветеранов римских легионов ранней Империи. Основная часть инскрипций собрана в начатой Т. Моммзеном свыше ста лет назад много-томной серии *Corpus Inscriptionum Latinarum* и продолжаемой в настоящее время под руководством Г. Альфельди². Не указывая многочисленные региональные собрания римских надписей, отметим выходящий с 1903 г. парижский ежегодник *L'Année Epigraphique*, где регулярно публикуются римские надписи, найденные в любом уголке земного шара. С начала Империи широко распространяется обычай создания надгробных памятников умершим солдатам и ветеранам. Тогда же получают распространение выбитые в камне индивидуальные и коллективные посвящения различным божествам и духам. На этих памятниках указывались многие важные для исследователей детали. Указанное в надписи имя (собственное имя, имя отца, имя рода, а также пожизненное "прозвище") позволяет судить об этническом, а порой и социальном происхождении его носителя. Когномен – "прозвище" в воинских надписях выступает и в качестве датирующего момента: указывать их в эпиграфике стали с середины I в. В надписях (чаще в эпитафиях) упоминаются также место рождения и, поскольку речь идет о римских гражданах, территориальный округ – триба, к которому был приписан солдат. Существенное значение имеют указания в солдатских надписях рангов и должностей, а в ветеранских – выборных магистратур. Римская эпитафия предполагала также обязательное упоминание лиц, поставивших надгробный памятник. Эта информация позволяет уточнить социальную среду, в которой обитали герои нашего исследования, круг их родственных связей. Важную роль играет также иконография эпитафий: скульптурные изображения умершего, его близких, друзей, боевые награды, знаки служебного положения и т.п.

Эпиграфические памятники – вотивные и надгробные надписи на камне и на металле – дают возможность выявить характер социальных связей внутри солдатского коллектива, а также между военными и окружающим гражданским населением. Повседневную жизнь римских солдат пограничных гарнизонов также характеризуют официальная

документация и личная переписка на папирусе и деревянных дощечках³.

Надгробные памятники и посвящения римской знати, в которых указывались занимаемые ими в течение жизни общественные и государственные посты, помогают определить круг офицерских званий, занимаемых представителями сенаторского и всаднического сословия, а также структуру их *cursus honorum*. Из многочисленных собраний эпиграфических памятников, связанных с римской имперской элитой эпохи принципата, помимо вышеуказанных, хотелось бы особо отметить начатую в конце XIX в. немецкими учеными *Prosopographia Imperii Romani*⁴.

Особую категорию эпиграфических памятников составляют военные дипломы (в целом для легионов не характерные), выдававшиеся тем отставным воинам, которые до поступления на службу не обладали правами римского гражданства⁵. Легионерские дипломы, отмеченные только в период триумvirата Октавиана и бурных событий 68-70 гг., дают представление о характере правовых льгот военных ветеранов той поры. Концом II в. отмечены очень интересные и редкие источники – *laterculi* – списки подлежащих демобилизации ветеранов, известные на Дунае и на Востоке⁶.

Среди сообщений античных писателей особый интерес представляют сведения Тацита, Диона Кассия, Плутарха, Плиния Младшего, авторов "Истории Августов", а также Вегеция Рената⁷. Их информация касается, большей частью, легионов, расположенных в Европе. Ценность сообщений древних авторов определяется тем, что в качестве императорских чиновников и военачальников многие из них порой являлись непосредственными очевидцами описываемых событий, использовали документы из несохранившихся римских государственных архивов. В то же время, как известно, античные авторы нередко пренебрегали точностью изложения информации в угоду риторичности изложения. Поэтому к данным античной традиции следует относиться осторожно и, по возможности, проверять ее в других источниках.

Особого доверия заслуживают сообщения профессионалов-военных, живших в рассматриваемый период: Иосифа Флавия, Фронтин, Витрувия, а также Юлия Цезаря, хронологически близкого к эпохе раннего принципата. Более осторожно следует обращаться с информацией Тацита, много и увлеченно рассказывавшего о том, что он определил как "великую тайну власти", однако зачастую приносившего реалии в жертву риторическим приемам. Сочинение позднеантичного автора Вегеция Рената, широко цитировавшееся в старой литературе

как один из основных источников по римскому легиону эпохи ранней империи и даже поздней республики, больше касается, как теперь выяснилось, реалий III в. Обратив внимание читателя на необходимость осторожного обращения с "Кратким изложением военного дела" Вегетия Рената, мы признаем тем не менее значимость данной работы в освещении как данного, так и иных вопросов, связанных с организацией военного дела римлян.

Значимость представляют также данные римских юристов о правовом положении воинов и ветеранов. Представленные в правовых собраниях последующих эпох (эпохи домината и ранней Византии), эти источники, прежде всего "Дигесты Юстиниана", характеризуют положение солдат начиная с III в., однако некоторые из них касаются и более раннего периода⁸. Важны также сведения римских землемеров в связи с вопросом о ветеранской колонизации⁹.

Историография. Научное исследование римской армии в контексте социальной истории началось после издания первых томов "Corpus Inscriptionum Latinarum" в конце XIX в. Пионеры исследования римской армии как социального института Т. Моммзен и А. Домашевски опирались, прежде всего, на эпиграфический материал из европейских и африканских провинций Империи¹⁰. В российской науке к проблеме легионного ветеранства одним из первых обратился ученик Т. Моммзена Ю. Кулаковский¹¹. Особую значимость представлял просопографический метод исследования, выработанный немецкими антиковедами в конце XIX в. Суть его состояла в реконструкции жизненного пути (прежде всего карьеры) отдельных персоналий, преимущественно из среды элиты посредством литературных, нумизматических, а главным образом эпиграфических памятников. Наиболее красноречивым примером просопографического исследования на ранней стадии развития данной дисциплины явился труд Э. Риттерлинга и Э. Штейна, анализирующий командный состав римских войск, размещенных в Германии¹².

Благодаря Р. Сайму просопографический метод из инструмента мелочной и сухой статистики, предназначенного для выявления деталей служебной карьеры отдельных людей, превратился в орудие анализа состояния и динамики развития целых общественных групп. Новые возможности просопографии Р. Сайм блестяще продемонстрировал, прежде всего, на анализе правящей римской элиты периода становления Империи¹³. Весомый вклад в разработку проблемы участия сенаторов в командовании легионами внесли Эрик Бирли, Энтони Бирли-младший, Т. Франке, В. Эк, Г. Альфельди¹⁴. Х. Девижвер пред-

ставил просопографический анализ всаднических государственных, а прежде всего, военных карьер для периода всего принципата, а Б. Добсон создал исследования посвященные центурионам и, в частности, примипилам¹⁵. М. Клаусс посвятил свою монографию принципалам – обладателям старшего солдатского ранга в легионах. И, наконец, проблема социального происхождения рядовых легионеров раскрывается в обобщающих работах Дж. Форни¹⁶.

Если вопросы рекрутирования легионеров и увольнения легионеров рассматриваются вместе в исследовании Дж. Манна, то Ф. Фиттингоф особое внимание уделяет роли легионных ветеранов в урбанизации пограничных европейских регионов¹⁷.

Едва ли можно согласиться с распространенной особенно в марксистской литературе прежних лет точкой зрения, согласно которой профессионализация легионов уже вскоре после военной реформы Гая Мария привела к выделению их в особую социальную группу, чуждую античному обществу¹⁸. Для автора этих строк наиболее убедительным представляется мнение Г. Альфельди, согласно которому римская армия I-II вв. являлась как бы зеркальным отражением стратифицированного имперского, но все еще античного общества. Однако в III в., слившись с населением пограничных территорий, она, как полагает Г. Альфельди, обособилась от гражданского общества остальной части Империи¹⁹. В то же время, необходимо учитывать то обстоятельство, что постоянная армия в любом государстве, независимо от конкретно-исторического контекста, является сама по себе, не обязательно превращаясь при этом в общественный класс или сословие, неким корпоративным образованием, отличным от гражданского общества. Под влиянием Ф. Миллара в современной историографии римской античности сформировалось представление об армии эпохи принципата и, прежде всего, легионах как о своеобразной клиентеле императоров²⁰. Р. Макмаллен в своей концептуальной статье "Римский легион как общество" призвал исследователей больше обращать внимание на солдатскую массу как специфическую социальную группу с общей психологией и духом корпоративизма²¹.

Тема императорских легионов как своеобразных социумов находит отражение в исследованиях регионального характера. Так исследование римских легионов в Египте, в том числе проблем их комплектования, материального и правового положения воинов, их взаимоотношений с провинциальным обществом, статуса ветеранов, было положено Ж. Лекье и развито Х. Девижвером, изучившим интересные документы на папирусе²².

Исследование общественного положения римских военных в Северной Африке было начато известным эпитафистом Р. Канья и в настоящее время наиболее плодотворно разрабатывается Я. Ле Боеком²³.

Социальные аспекты римской военной истории интенсивно изучаются на материале европейских территорий. Анализ социального состава римского гарнизона Иберийских провинций предпринят в исследованиях Х. Ролдан-Херваса и П. Леруа²⁴. Традиционно пристальное внимание данным вопросам уделяют исследователи рейнского лимеса и прилегающих к нему территорий²⁵. Особенно следует отметить прогресс, достигнутый в изучении данной темы на материале Балкано-дунайских территорий. Традиции исследования римской армии в этом регионе с позиций социальной истории были заложены в первой половине XX в. австрийскими учеными К. Патчем, А. Бетцем и др.²⁶ В 1950-х гг. к изучению римской армии как социообразующего фактора на Дунае и Балканах обратились российские ученые О.В. Кудрявцев, Т.В. Златковская, И.Т. Кругликова²⁷. Позже роль римской армии в Паннонии и, в частности, легионного ветеранства как особой общественной группы исследовала Ю.К. Колосовская²⁸. Отечественные антиковеды советского периода поставили важный для понимания процессов, происходящих в общественно-экономической жизни провинций в эпоху принципата, вопрос о соотношении ветеранского землевладения и античной формы собственности на землю²⁹.

Проблемы легионного комплектования, роль ветеранов в формировании античного общества на рубежах Империи освещены в трудах, посвященных отдельным провинциям: А. Мочи – по Паннонии и Верхней Мезии³⁰, Л. Мрозевича и Т. Сарновского – о Нижней Мезии³¹, Г. Альфельди, Дж. Уилкса, М. Заниновича – по Далмации³².

Начало исследованию повседневной жизни римских легионеров положили немецкие юристы, обратившиеся во второй половине XIX в. к рассмотрению проблемы лагерного пекулия³³. Однако, еще почти сто лет о буднях армейской службы авторы обобщающих монографий по римской императорской армии судили, опираясь прежде всего на сообщения античных авторов³⁴. Во второй половине XX столетия, когда был накоплен достаточный и разнообразный источниковый материал, появилась возможность вырваться из плена нарративной традиции. Наиболее значимыми, с нашей точки зрения, работами, отражающими современное состояние проблемы в целом, являются труды Р. Макмаллена, Л. Виршовски, М. Юнкельмана и др.³⁵

Начало изучению религиозной жизни римской армии положил в конце прошлого века А. Домашевски – выдающийся знаток военной

истории Римского принципата, труды которого до сих пор не утратили своего значения. Используя все возможные типы источников: эпиграфики, раскопки крепостей, нумизматики, сообщений античных авторов и т.д., А. Домашевски, по признанию Э. Бирли, определил все основные направления изучения этого вопроса: имперские культы, в том числе культ императоров, проблема *dii militares* и собственно "военной" религии, неофициальные культы военных, религиозное содержание войсковых ритуалов: присяги, парадов, мероприятий, связанных с открытием и завершением военных операций и т.д.³⁶

Наиболее впечатляющие результаты достигнуты при изучении отдельных римских провинций. Богатый материал накоплен исследователями британского гарнизона, одними из первых обратившими внимание на духовную жизнь размещенных на Альбионе римских воинских частей³⁷. После второй мировой войны наиболее успешно работали венгерские ученые, осуществившие исследования как по духовной жизни отдельных гарнизонов Паннонии, так и паннонского лимеса в целом³⁸.

Исследуются также отдельные популярные в римской армии божества, не вошедшие в официальный пантеон³⁹. Больше внимания духовной жизни армии стало уделяться в работах, посвященных римской религии в целом⁴⁰. Религиозные аспекты рассматриваются и при изучении армии императорского Рима, а обобщающие компендиумы по данному вопросу представлены в работах Э. Бирли и Дж. Хельгеланда⁴¹. В российском антиковедении религия римской армии до сих пор не стала предметом монографического исследования, хотя имеются интересные публикации по данному вопросу⁴².

Научное исследование римского вооружения эпохи Империи первыми начали ученые Германии во второй половине XIX в. с археологических изысканий в зоне рейнского лимеса и проработки музейных коллекций Майнца, Страсбурга и т.д. Русскоязычный читатель, заинтересованный вооружением древних римлян, до последнего времени был вынужден удовлетворять свой интерес, главным образом, работами П. Винклера и Г. Дельбрюка⁴³, отражающими уровень развития науки рубежа XIX-XX вв. Первая обобщающая работа по данной проблеме была создана в 1911 г. историком из Австро-Венгрии В. Хоффилером, который ввел в научный оборот много археологического материала с придунайских территорий⁴⁴. Накопленный учеными из Германии, Австрии, Франции и Великобритании опыт по изучению римского вооружения эпохи Империи в межвоенный период был обобщен П. Куссеном⁴⁵.

После второй мировой войны на передний план в изучении данной проблемы выходят специалисты из Англии. Успешные опыты по воссозданию защитного снаряжения римлян были осуществлены Х.Р. Робинсоном, заложившим основы реконструктивного метода в археологии римского оружия. В настоящее время одним из ведущих специалистов по данной проблеме является М. Бишоп, с помощью которого в Великобритании с 1983 г. ежегодно собираются научные конференции по римскому вооружению. Кроме того, М. Бишоп является издателем специализированного журнала, а также одним из авторов обобщающей монографии по военному снаряжению римлян⁴⁶.

ГЛАВА II

СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ РИМСКИХ ЛЕГИОНОВ

Солдаты. Согласно античной традиции военная служба являлась обязанностью римского гражданина. В соответствии с установлениями Сервия Туллия от нее были избавлены только принадлежавшие к низшему имущественному разряду пролетарии, которые не могли вооружиться за собственный счет. Господствующим во времена Республики формально считался принцип всеобщей воинской повинности, однако допускалось замещение "военнообязанных" добровольцами. После военной реформы Гая Мария (конец II в. до н.э.) доступ к легионной службе получили пролетарии Рима, а с окончанием Союзнической войны – и всей Италии, что, как полагают большинство исследователей поздней Республики, привело к пролетаризации легионов. Основным принципом комплектования войска в это время стал добровольческий, который сохранил свое значение и в эпоху принципата. Вербовкой новобранцев в период Империи занимались специальные должностные лица – *acquisitores* – из свиты наместника провинции, в которой размещались войска. По всей видимости, ежегодное пополнение легиона новичками происходило в связи с увольнением ветеранов и составляло 100-300 человек¹. Таким образом, легионы, количество которых в период от Августа до Септимия Севера увеличилось с 25 до 33, ежегодно нуждались в пополнении 5-10 тысячами человек. Анализ источников, прежде всего эпитафических, привел многих ученых к выводу о том, что в указанное время социальный состав солдатской массы легионов существенно изменился.

По известной концепции М.И. Ростовцева, крушение Республики и установление Империи были делом рук пролетаризированных легионов и стоящих во главе их "революционных" вождей². С утверждением принципата и завершением политической "революции", как предположил Ростовцев, легионы стали пополняться главным образом из среды более благонадежных зажиточных горожан северной Италии и романизированных провинций. Ориентация государства в политике комплектования основного рода войск на "средние слои", т.е. на верхушку

плебса, диктовалась не только политическими причинами. Императоры эпохи принципата стремились к тому, чтобы армия была небольшой, но боеспособной. Суть выработанных при Августе условий службы легионеров сводилась к тому, чтобы поменьше проливать крови и побольше платить денег. Известный французский исследователь римской императорской армии Я. Ле Бок обращает внимание на то обстоятельство, что новобранцы должны были иметь уровень образования и воспитания, достаточный для овладения искусством обращения с оружием, боевой техникой, навыками тактики и дисциплины – науки безупречного взаимодействия воинских подразделений, точного и оперативного выполнения команд офицеров и командующего³. Принцип качественного комплектования предполагал и соответствующие физические кондиции волонтеров. Подробная информация о требованиях к новобранцам легионов содержится в первой книге Вегеция. Согласно ему, оптимальным возрастом для начала военной службы было "начало возмужалости" (Veg. Epit. Rei. mil. I. 4), которое, как показывают солдатские инскрипции, чаще всего приходилось на 18 лет. Для легионера желательно было иметь высокий по римским понятиям рост – от 175 до 180 см (Veg. Epit. rei. mil. I. 5). Требованиям к физическому состоянию легионера-новобранца, описанным древнеримским писателем Вегецием, могут позавидовать призывные комиссии наших военкоматов: "Пусть же юноша, которому предстоит отдаться делу Марса, будет с живыми глазами, прямой спиной, широкой грудью, мускулистыми плечами, крепкими руками, длинными пальцами, умеренным животом, задние части у него должны быть более худые, икры и ноги не чрезмерно толсты от мяса, но подобраны в крепкие узлы мышц... Больше пользы в сильных воинах, чем в высоких" (Veg. Epit. rei. mil. I. 6. Пер. С.П. Кондратьева). Вербовщики проверяли кандидатов в легионеры на физическую силу, выносливость и храбрость.

Не только италийцы и латиноязычные провинциалы с Запада служили в легионах. Военная служба в грекоязычных провинциях Империи и особенно явно – в Египте в силу традиции рано обрела черты наследственного занятия. Другим существенным источником пополнения легионов становятся потомки ветеранов, получивших земельные участки на Востоке (прежде всего в Малой Азии) в конце Республики и начале Империи. Впрочем, тенденцию к местному комплектованию переоценивать не следует. Уроженцы восточных провинций служили также на Дунае и в северной Африке, причем не только в I в., но и позже, когда принцип местного комплектования, как будто бы, стал основным⁴. Думается, указанные категории населения восточных про-

винций, поставлявшие легионеров, могут быть отнесены к средним слоям общества. М. Шпейдель – превосходный знаток римских войск, расположенных на Востоке Империи, – не исключает, что среди легионеров были даже члены аристократических родов небольших городов.

Что же касается легионов, расположенных в Европе и северной Африке, то в первый век Империи они более чем наполовину состояли из уроженцев римских колоний и муниципиев северной Италии – так называемой Цизальпинской Галлии. На военную службу вербовались потомки ветеранов, получивших здесь земельные участки от Октавиана-триумвира в 40-30-х гг. до н.э., а также выходцы из местных галльских общин, обретших опять же при Октавиане-триумвире или еще при Цезаре права римского гражданства. Активное участие общин северной Италии в пополнении легионов объяснялось в немалой степени отношениями патроната-клиентелы между ними и династией Августа. Потомки ветеранов, получивших от Октавиана большие земельные наделы, могут быть отнесены к средним слоям имперского общества, которые, несмотря на поддержку государства, размывались по мере формирования биполярной сословной структуры. То же можно сказать и о выходцах из местных племен: кельтов и венетов. Поскольку в легионах могли служить только римские граждане, очевидно, таким статусом могли обладать представители достаточно авторитетных и состоятельных семейств.

Обращает на себя внимание некоторая разница в источниках пополнения легионов на западе и на востоке Империи. В характере комплектования расположенных в восточных провинциях легионов проявились черты, характерные для эпохи эллинизма. Размещенные в Малой Азии и на Ближнем Востоке легионы пополнялись не только уроженцами Италии, но и в значительной степени из местных авторитетных и состоятельных семейств. Верхи туземного населения на прилегающих к Италии территориях активно стремились стать "настоящими римлянами": участвовали в организации культа Августа, занимали выборные должности в городском самоуправлении, изменяли традиционную именную систему на римский манер⁵. Вероятно, служба в римских легионах воспринималась ими как еще один канал социального самоутверждения и продвижения.

Жители провинциальных общин римского права – потомки италийских переселенцев и романизированные кельты – появились в легионах еще при ближайших преемниках Августа, однако начали в них преобладать с последней трети I в. Сокращение числа легионеров, представленных населением Италии, отчасти объясняется нежеланием

служить вдали от родных мест на необжитых, суровых землях, а также завершением переустройства общества и экономики на античный лад в северных районах Апеннинского полуострова⁶. Думается, немалое значение имела и переориентация клиентских связей новой династии – с общин Италии на города римского права в Галлии и Испании. Для потомков италийских переселенцев и, особенно, для новых граждан – романизированных кельтов и иберов – служба в легионах являлась средством преодоления провинциальности, способствовала осознанию своего места в новой государственной системе. Фактор материальной заинтересованности при зачислении на военную службу, с учетом принципа майората при наследовании отцовского имущества, также имел значение, особенно, для средних и младших сыновей в больших патриархальных семьях.

Система "качественного" комплектования легионов давала сбои в срочном и массовом наборе солдат, а также при необходимости немедленной организации новых воинских частей, т.е. во время войн и особенно гражданских конфликтов. В I в. в сложные для государства периоды к легионной службе привлекались peregrini – провинциалы, не обладавшие правами римского гражданства, создавались целые легионы из военных моряков, являвшихся peregrini или вольноотпущенниками.

В 1884 г. вышла из печати работа Т. Моммзена "Порядок комплектования римской армии эпохи Империи"⁷, в которой впервые была изложена концепция "местного комплектования" легионов. Согласно его теории, основанной главным образом на анализе многочисленных данных из нумидийского легионного лагеря в Ламбезисе, при Флавиях легионы начинают все более комплектоваться по месту дислокации, и окончательно эта система утверждается при Антонинах. Современные исследования, построенные на многократно возросшей за истекшее столетие базе источников, показывают, что во II в. существовало несколько региональных вариантов пополнения легионов. Тенденция к местному комплектованию отмечалась и ранее, прежде всего на Востоке. Наиболее отчетливо она проявилась в Северной Африке и в меньшей степени в Испании и паннонских провинциях. В Германии и особенно в Британии легионы, как свидетельствуют данные эпиграфики, пополнялись больше из разных провинций римского Запада⁸.

К концу II в., как отмечают многие исследователи, под воздействием внешнеполитических и социально-экономических факторов качество желающих служить в легионах падает: среди добровольцев преобладают сельские жители из провинции. Это сказывается на боеспо-

способности легионов, о чем свидетельствуют участвовавшие поражения римской армии и нивелировка легионов по социальному составу и вооружению со вспомогательными войсками. На ухудшение социальных источников пополнения легионов указывают воинские эпитафии. Начиная со второй половины II в. наблюдается их деградация: больше грамматических ошибок в тексте, мельче и грубее буквы, топорнее оформление могильных камней и посвячительных надписей. Уменьшается общее количество солдатских надписей в камне, что говорит о прогрессирующей неграмотности легионеров. Упадок системы качественного комплектования легионов приводит на рубеже II-III вв. к проведению реформ Септимием Севером. Наряду с мероприятиями по улучшению имущественного и правового положения солдат и младших командиров, были установлены обязательная военная служба для детей ветеранов в пограничных провинциях и принудительная воинская повинность на тех территориях Империи, которые не могли платить налоги в денежной форме. Реформы Севера замедлили процесс ухудшения качества новобранцев легионов, однако способствовали отрыву армии, сраставшейся с обществом пограничных провинций, от остальной империи. Очевидно, комплектование легионов, характерное именно для времени Северов, представлялось идеальным Вегецию, который ошибочно распространял его на всю эпоху принципата (Veg. Epitoma rei mil. I. 2).

Легионеры не представляли собой единообразную массу. Около 80% их – являлись рядовыми (*milites gregarii*, или *munifices*). Это были солдаты, получавшие одинарный оклад (10 ассов в день до Домициана, а затем, до конца II в., он был увеличен на четверть) и исполнявшие все рутинные обязанности, положенные легионеру. Среди рядовых выделялись новобранцы (*tirones*), составлявшие несколько сот человек. Как полагают некоторые исследователи, новобранцы легионов получали наименьший оклад – 75 денариев в год⁹. Согласно Вегецию, новобранцы становились настоящими воинами по истечении четырех месяцев, пройдя своеобразный "курс молодого бойца". Молодые солдаты заносились в списки части и получали клеймо или татуировку в виде точки (Veg. Epitoma rei mil. II. 5). Только затем они приносили присягу.

Особую категорию составляли так называемые иммуны и принципалы. На них приходилось 20% солдатской массы (около 1 тыс. воинов в легионе). Обладатели этих званий были освобождены от повседневной службы. Иммуны – это главным образом исполнители специализированных функций: писари, трубачи, санитары и т.д., полу-

чавшие, впрочем, оклад рядового солдата. В легионе их было около 600 человек¹⁰.

Наиболее привилегированную часть солдатского корпуса представляли принципалы – знаменосцы, бенефициарии, спекуляторы, опционы и т.д., получавшие полуторный и двойной оклад (в легионе их насчитывалось около 500 человек)¹¹. Принципалы, с одной стороны, выполняли в центурии функции унтер-офицеров, с другой – играли роль штабных служащих при высших офицерах легиона и в ставке наместника провинции. Структура солдатских званий и должностей в легионе начала оформляться еще в I в., но окончательно сложилась во II в.: существовало свыше 100 промежуточных ступенек между рядовым и центурионом.

Офицеры. Особую категорию офицеров легиона составляли центурионы-профессионалы высшего класса, во многом благодаря мужеству, знаниям и опыту которых римская армия и стала эталоном военной организации на все времена. Обычно легионные центурионы рассматривались как высшая прослойка солдатской массы, соответствующая рангу старшины или фельдфебеля в современных армиях¹².

Материалы современной просопографии позволяют утверждать, что источники комплектования легионных центурионов были разнообразны. Конечно, немалая часть их вышла из легионеров, за 15-20 лет службы прошедших многочисленные должности на уровне иммунов и принципалов. Некоторые легионеры становились центурионами, пройдя стажировку на младших командирских должностях во вспомогательных войсках. Встречались среди армейских центурионов ветераны преторианской гвардии.

Особый разряд составляли выходцы из муниципальной аристократии Италии и провинций, получавшие командную должность в легионе после выполнения магистратур в городском самоуправлении без предварительной военной службы. Поступали на военную службу со звания центурионов и некоторые представители всаднического сословия, по каким-то причинам неспособные пройти обычный для римских всадников *cursus honorum*, например, дети центурионов высшего ранга – примипилов. В последних двух случаях определяющую роль в достижении поста центуриона играла протекция столичного сенатора, а лучше – наместника провинции, в которой дислоцирован легион, либо легионного легата. Именно такие центурионы, более молодые и здоровые, а также располагавшие поддержкой влиятельного лица, чаще по сравнению со своими заслуженными коллегами, достигали примипилата и даже должности лагерного префекта – третьего по значению в

легионе, после легата и легионного трибуна, сенаторского звания. А примипилат открывал доступ во всадническое сословие. После реформ Септимия Севера золотое кольцо римского всадника стал получать каждый центурион.

А. фон Домашевски, один из первых исследователей римской армии, предположил, что начиная с Флавиев, центурионы оставались единственными италийцами в легионе, тогда как все солдаты были провинциалами¹³. Современная наука внесла существенные коррективы в столь радикальное заключение: во-первых, большинство солдат-провинциалов имело италийские корни, во-вторых, доля уроженцев провинций в среде центурионов оказалась не меньшей, чем в среде легионеров.

В легионе насчитывалось 60 центурионов. Как известно, с 320-х гг. до н. э. низшей тактической единицей в легионе стала манипула (в легионе – 30), состоящая из двух центурий (в легионе – 60). Численность центурии достигала 100 человек, а манипулы – 200. Таким образом, в каждой манипуле было по два центуриона: главный – *primus* и его заместитель – *posterior*. Такой порядок сохранялся до Адриана, когда осуществился переход к центуриатной тактике и каждый центурион стал командиром самостоятельного подразделения. Проведя аналогию с современностью, обычного центуриона можно сопоставить с армейским капитаном.

Шесть центурий и, соответственно, три манипулы составляли когорту. Центурионы первой когорты являлись центурионами первого ранга – *primi ordines*, не только бывшими полевыми командирами, но и принимавшими участие в военном совете при штабе командира легиона. В середине I в. происходит увеличение численности первой когорты с 500 человек, как было в остальных девяти, до 800 с одновременным уменьшением количества центурионов в ней до 5 человек. Центурионы первой когорты являлись наиболее опытными командирами, поскольку служба центуриона обычно начиналась с последней 30-й манипулы или, позже, с 60-й центурии. Разумеется, центурион в своей карьере не был обязан пройти все 30 или 60 ступенек, но градация по когортам существовала. Когда центурионы попадали в первую когорту, служба в которой была наиболее престижна, это были уже в высшей степени умудренные боевым опытом воины. Необходимо отметить также, что практиковался ежегодный перевод центурионов из одного легиона в другой. Поэтому к концу своей карьеры (центурионы выходили в отставку позже, чем солдаты, обычно в 60-70 лет) они имели опыт, приобретенный на службе чуть ли не на всех границах

империи. Вершиной центурионской карьеры являлся ранг примипила – командира первой центурии первой когорты, в сражении защищавшей легионного орла. Достижение примипилата требовало, как правило, 15-30 лет центурионской карьеры. После годовичного исполнения примипилата центурион мог занять должность трибуна городской когорты, открывавшую путь к карьере наместника маленькой провинции, либо стать префектом легионного лагеря (комендантом), и спустя три года выйти на пенсию. Таким образом, по значению ранг центуриона безусловно относится к разряду офицерских.

Жалование обычного центуриона составляло 5 окладов рядового солдата, центуриона из числа *primi ordines* – 10, а примипила – 20 окладов рядового легионера¹⁴. Несмотря на то, что по размеру окладов центурионы значительно превосходили основную массу легионеров, сам факт получения жалования сближал их с солдатами, ибо в римской армии периода Ранней империи высшие офицеры за службу денег не получали.

Каждый центурион имел особую большую палатку, тягловое животное для перевозки багажа на марше, лошадь для верховой езды, оруженосца из лагерных служек. Вести рутинную документацию в подразделении центуриону помогал писарь из числа легионеров¹⁵. В мирных условиях центуриона отличали красный плащ и розга, которой всегда находилось применение. Во время боя центурионы сражались в своих подразделениях, показывая пример владения щитом и дротиком-пилумом. Одновременно они руководили центурией. Узнать центуриона в бою можно было по поножам, которые обычные солдаты не носили, и гребню, прикрепленному поперек шлема.

Высшие офицерские звания в легионе начинались с военного трибуната, предназначенного для выходцев из всаднического сословия. К концу I в. оформляется схема наиболее типичной для этого сословия воинской карьеры: префект когорты (пехотной части из 500 человек) вспомогательных войск – легионный трибун – префект алы (конного подразделения из 500 человек) вспомогательных войск. Впрочем, многие римские всадники начинали военную карьеру именно с легионной службы. В каждом легионе было по 5 трибунов всаднического достоинства – *tribuni angusticlavii*. Они носили белую тунику с узкой красной полосой.

В I-II вв. всаднические трибуны являлись, как правило, выходцами муниципальной аристократии средней Италии и наиболее романизированных провинций, до военной службы зарекомендовавшими себя активным участием в городском самоуправлении. Военная служба для

римских всадников, как и для рядовых граждан, была делом добровольным. Большую поддержку, особенно поступавшим на военную службу в звании легионного трибуна, минуя ранг префекта когорты, оказывал патронат императора, консулов, провинциальных наместников¹⁶. Особое значение при получении офицерских должностей имели земляческие связи.

Известных по эпиграфическим памятникам всаднических трибунов можно разделить на две возрастные категории. Первая – это молодые люди 20-25 лет, начавшие военную карьеру со звания трибуна явно по протекции. Вторая – это люди в возрасте около 40 лет, имевшие за плечами опыт руководства вспомогательной пехотной частью. Просопографические штудии ставят под сомнение бытующее в литературе представление о всадническом легионном трибуне как чисто штабном офицере, неопытном в ратных делах. Служба всаднического трибуна продолжалась 3-4 года, что давало возможность даже неискушенному в военном деле человеку приобрести ратный опыт¹⁷. В эпиграфике часто упоминается о всаднических трибунах как командирах вексилляций – легионных подразделений, выполнявших особые задачи. Учитывая, что вексилляция в период принципата была весьма распространенным воинским подразделением, следует признать, что по крайней мере часть всаднических трибунов обладала компетенцией, необходимой для выполнения столь ответственных заданий. Многие римские всадники занимали входящие в *cursus honorum* командные армейские посты в одном и том же регионе, что позволяет предположить их профессиональную специализацию.

Реформы Септимия Севера значительно ограничивали доступ для всаднического сословия в офицерский корпус легионов. С начала III в. легионными трибунами становились, как правило, выходцы из солдатской массы, ветераны преторианской гвардии, дети центурионов. К середине III в. представители всаднического сословия исчезают из офицерского корпуса легионов.

Помимо римских всадников, которые представлены в рангах от центурионов до военных трибунов и лагерных префектов, в легионе служили представители высшего – senatorского – сословия. Военная служба для высшей римской знати также была добровольной. До конца правления императоров дома Юлиев-Клавдиев офицеры-сенаторы являлись по преимуществу выходцами из староримской аристократии. С конца I в. в их числе растет доля знатных уроженцев городов Италии и провинциалов – потомков италийских переселенцев.

Сенаторская карьера в легионе начиналась с ранга военного трибуна. Легионный трибун senatorского достоинства в легионе был один и назывался *tribunus laticlavus*, т.е. обладающий широкой пурпурной каймой на тунике. Раньше считалось, что члены senatorского сословия поступали на военную службу неопытными юношами и годичный легионный трибуна́т для них являлся чисто формальной процедурой, необходимой, однако, для осуществления карьеры государственного мужа¹⁸. Следует признать, что современные ученые знают о senatorских легионных трибунах в силу малочисленности соответствующих эпиграфических памятников немногим больше, чем их коллеги 100 лет назад. Можно лишь предположить, что senatorы – легионные трибуны – были штабными офицерами, курирующими бумажную работу в легионе. В ратном деле они были малоопытны и военную службу использовали преимущественно только как ступеньку на пути к квестуре.

Должность легата – командира легиона – также относилась к разряду senatorских. Легионных легатов можно условно разделить на две группы. Первую группу составляли люди в возрасте между 30 и 40 годами, получившие командный пост в армии после исполнения претуры. Такие senatorы, как верно отмечено в научной литературе, действительно были полководцами-любителями, не достаточно компетентными в военном искусстве¹⁹. Впрочем, срок исполнения легатуры – 3-4 года – позволял способному администратору превратиться в сносного генерала. Другое дело, что в условиях военных действий этот срок оказывался гораздо короче.

Вторую группу легионных легатов составляли профессионалы из числа так называемых *viri militares* – военных советников, сопровождавших императора на театре военных действий. Среди них, как отмечает М. Жиромски, не часто встречались представители senatorской элиты²⁰. Некоторые из таких легатов являлись выходцами из всаднического сословия. Обладавшие значительным военным опытом, они в ускоренном порядке проходили этапы senatorской карьеры (Признают существование определенной схемы senatorской военной карьеры Г. Альфельди, Э. Бирли, В. Эк, отрицают – Р. Саллер и Дж. Кэмпбелл²¹). Согласно реконструкции Б. Добсона, *cursus honorum* таких военных специалистов проходил следующим образом: контроль над дорогами или разбор судебных тяжб в коллегии 20 (*vigintiviratus*) – военный трибуна́т – 6-10 лет гражданской карьеры, включая претуру и консулат – высшие военные посты консулярного ранга²². Senatorы-профессионалы командовали легионами на наиболее ответственных участках границы и нередко занимали пост легионного легата дважды. До конца

принципата именно из их среды чаще всего выбирались консулы, которые после завершения магистратуры командовали провинциальными группами войск в качестве наместников пограничных территорий.

ГЛАВА III

МЕСТО ЛЕГИОНЕРОВ В ОБЩЕСТВЕ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

В научной литературе распространена точка зрения, согласно которой после реформ Гая Мария римская армия превратилась в особую общественно-корпоративную систему, оторванную от гражданского общества и чуждую античным социально-политическим ценностям¹. По логике этих авторов, армия, лучше осознавая свои политические интересы и будучи лучше организованной, чем остальная часть римского гражданства, энергично боролась с Республикой и превратилась в главную опору Империи.

Действительно, легионы последнего века Республики состояли преимущественно из низов римского гражданства, обездоленного и отстраненного от участия в большой и региональной политике. Демонстративное невнимание Сената к нуждам армии прежде всего отсутствие государственного механизма пенсионного вознаграждения ветеранов породило кризис доверия солдат к верховному органу власти. Однако едва ли армия выступала против существующей системы организации власти в целом. Будучи, по общему мнению античных авторов, обособленными от остального общества, солдаты и ветераны выражали, тем не менее, свои требования к государству в категориях античной гражданской политической культуры. Как было свойственно римским гражданам, свои отношения с Сенатом солдаты рассматривали в контексте взаимоотношений патрона и клиентов. И если Сенат оказывался неблагодарным патроном, то солдаты искали взаимопонимания у своих полководцев². Корнелий Сулла, Юлий Цезарь, Марк Антоний и Октавиан-триумвир, следуя логике гражданских войн, стремились превратить легионы римских граждан в свою личную клиентелу. Однако солдатская масса не подчинялась бездумно полководцам. Собираясь на сходки в соответствии с республиканскими традициями, воины нередко вынуждали своих лидеров подчиняться коллективной воле в интересах "спасения Отечества". Не вызывает сомнения, что "спасенным Отечеством" была для воинов именно "Res publica restituta", как опре-

делил суть государственного строя после окончания гражданских войн Октавиан Август. Установленный Августом государственный строй, по нашему мнению, не порывал с прежней политической системой столь категорически, как полагают некоторые ученые³. Процесс оформления принципата как политической системы, принципиально отличной от республиканского строя, представлял собой длительную эволюцию, растянувшуюся до конца I в. На наш взгляд, безоговорочное разделение понятий "воин" и "гражданин" для конца Республики неоправданно. В конце концов, солдаты и ветераны стремились к реинтеграции в античное общество, желая занять в нем достойное место. Установление же принципата, как известно, вело не только к переменам в политическом строе, но и к преодолению социального кризиса, характерного для Республики начиная со второй половины II в. до н.э.

Действия Октавиана Августа в качестве принцепса, как кажется, были направлены на обособление солдат от гражданского общества. Прежде всего, армия, по крайней мере в Европе, была удалена от очагов античной цивилизации. Прошло не менее ста лет, пока в зоне лимеса начали появляться города римского права. Между тем сам легионный лагерь имел в планировке много общего с античным городом (*Veg. Epitoma rei mil.* II. 18), а легион представлял собой особую форму античного сообщества⁴. Именно в качестве коллектива римских граждан легион обретал право юрисдикции в окрестностях лагеря⁵.

Также с именем Августа, видимо, следует связывать расширение имущественных прав солдат, которое ослабляло власть над ними *patris familias* – главы большой патриархальной семьи – одного из важных институтов античного общества.

Первые упоминания о "лагерном имуществе" (*bona castrensia*) встречаются в трудах правоведов первой половины II в. Юлиана и Помпония (*Dig.* XLIX. 17). Детализированное представление об имуществе, находящемся в пользовании легионера и называемом уже "лагерный пекулий" (*peculium castrense*), формируется у юристов III в., разработавших особую отрасль "военного права": Ульпиана, Папиниана, Тертуллиана, Макра, Мэциана, Трифонина, Павла (*Dig.* XLIX. 16-17). Первый исследователь лагерного пекулия Х. Фиттинг, основываясь только на нарративных источниках, предположил, что юристы эпохи Антонинов имели дело с явлением, возникшим, вероятно, в самом начале Империи, если не при Юлии Цезаре⁶. В пользу данного предположения свидетельствует сообщение историка рубежа II-III вв. Диона Кассия, согласно которому во время правления Клавдия (41-54 гг.) солдаты "имели права женатых людей" (*Dio's Roman History.* LX. 24).

Публикация "Корпуса римских надписей" не оставила сомнений в правоте Х. Фиттинга: в многочисленных солдатских эпитафиях I-II вв. в качестве наследников имущества указываются сослуживцы и вольноотпущенники. Следовательно, у легионеров было имущество, которым они могли самостоятельно распоряжаться.

Суть проблемы состоит в том, что правоспособность воинов была ограничена отцовской властью. *Pater familias* согласно римским традициям обладал верховной властью, в том числе и в области имущественного права над своими сыновьями до тех пор, пока они не женятся. После официального запрета вступать в брак, введенного Августом, военные оказались в зависимости от отцовской власти в сфере имущественного права вплоть до выхода в отставку. Кроме того, молодые люди до 25 лет – а именно из них набирали легионеров – принадлежали согласно римским традициям, к младшей возрастной категории так называемым *minores*, и их имущественные интересы даже в случае отсутствия отца должен был представлять опекун⁷. Считается, что Август запретил отцам лишать сыновей-солдат наследства и объявил, что имущество, нажитое военными за время службы, не подлежит юрисдикции *patris familias*⁸. Расширение при Августе имущественных прав солдат вследствие введения *bona castrensia* способствовало их эмансипации от родительской власти. Причины появления лагерного пекулия были, вероятно, политического характера: император стремился сделать военную службу более привлекательной для добровольцев и укреплял отношения патроната-клиентелы с солдатской массой⁹.

Личным имуществом воина являлось прежде всего его вооружение и прочее боевое снаряжение, которое по окончании службы можно было продать сослуживцам. Значительную часть лагерного пекулия составляли денежные сбережения. Жалование легионеру выдавалось три раза в год равномерными долями. Следует отметить, что регулярная оплата воинской службы не являлась нарушением полисной традиции. Солдатское жалование (*stipendium*) у римлян известно с конца V в. до н.э. Более того, регулярная выдача жалования подчеркивала римско-гражданский статус легионов и отличала их по крайней мере на первых порах, от вспомогательных войск¹⁰. Другое дело, что с допуском в легионы низов гражданства, не имевших иных источников дохода, размеры солдатского жалования были значительно увеличены. С конца I в. по размерам жалования солдаты делились на три основные группы. Новобранцы получали третью часть жалования рядового воина¹¹. Ординарное жалование выплачивалось рядовым – строевикам и так называемым *иммунам* – солдатам, которые занимали должности,

как правило, технического характера и были освобождены от рутинных обязанностей, т.е. основной массе легионеров. Принципалы – знаменосцы, хранители оружия, легионные всадники, штабные служащие – имели полуторный и двойной оклад¹². С начала Империи жалование рядового легионера составляло 225 денариев в год (Tac. Ann. I. 17). Домициан (81-96 гг.) увеличил его на треть (Suet. Dom. 7). Последнее повышение солдатского оклада в рамках принципата – в 1,5 раза – произошло при Септимии Севере (193-211 гг.).

Из своего жалования солдаты должны были покупать боевое снаряжение, одежду и еду. Для совершения длительных переходов им выдавались специальные средства – *clavarium*. Для сравнения можно напомнить, что в эпоху раннего принципата средний годовой доход ремесленника составлял 300 денариев. Учитывая инфляционные процессы, охватившие Империю во второй половине I в. и усилившиеся с конца II в., можно предположить, что жалование рядового легионера, по крайней мере до III в., не позволяло иметь значительных сбережений. После реформ Северов в начале III в. жалование легионеров было существенно увеличено, и с тех пор солдаты стали значительно превосходить трудящихся по доходам, особенно, если принять во внимание, что с этого времени они могли легально заниматься куплей-продажей земли и по сути дела, проживая с семьей вне лагеря, "врастали" в среду гражданского населения пограничных территорий.

Поскольку поначалу солдатское жалование было скромным, и с выдачей его государство, особенно в I в., испытывало серьезные трудности, большое значение для образования лагерного пекулия имели донативы – денежные подарки от императоров. Корни этого явления находим в республиканской традиции праздничных раздач членам гражданского коллектива. Не случайно даже в период Империи донативы получали только состоящие из римских граждан войска: гвардия и легионы¹³. Донативы в наибольшей степени подчеркивали отношения патроната-клиентелы между императорами и их воинами. Денежные выдачи осуществлялись по случаю вступления на престол, с okazji триумфов – выдающихся военных успехов, в связи с совершеннолетием престолонаследников, как знак благодарности лояльным частям во время попыток узурпации престола, по завещанию правителей.

Солдаты не могли свободно распоряжаться всем донативом. Половина императорского подарка оставалась в кассе, которая существовала при знаменном святилище каждой когорты (это был мешок – *follis*, куда складывались донативы, а при Северах появился еще один мешок – для похоронной коллегии всего легиона – *Veg. Epitoma rei mil.*

II, 20), откуда деньги выдавались солдатам на руки при демобилизации. Таким образом, в легионной казне накапливались изрядные суммы, которые порой использовались мятежными наместниками, стремящимися к узурпации императорского престола. Кроме того, по случаю знаменательных побед солдатам выдавали вознаграждения военачальники, обладающие империумом – правом верховного командования в отсутствие принцепса. Командирами такого ранга часто были родственники правителя. Размеры донативов и иных разовых выдач определялись статусом военнослужащего и различались у новобранцев, рядовых и принципалов. Есть основания полагать, что раздача донативов, являвшаяся каждый раз серьезным испытанием для императорской казны, служила вполне реальным источником формирования лагерного пекулия.

В состав имущества, находившегося в распоряжении солдата, попадали также его боевые награды – *dona militaria*¹⁴. При Августе произошло разделение наград на солдатские и офицерские. К числу солдатских наград относились браслеты (*armillae*), ожерелья (*torques*), медали (*phalerae*). Браслеты и ожерелья обычно выдавались в комплекте, а медали – наборами из 5, 7, 9 штук. Награды изготовляли из серебра или посеребренного металла. Кроме того, медали делали из стекла и полудрагоценных камней: например, из халцедона. Как явствует из источников, *dona militaria* обладали материальной ценностью (Тас. Hist. I. 57).

Однако боевая награда для римского легионера, как и для многих его современных коллег, служила предметом гордости, а не купли–продажи. *Dona militaria* всегда отмечались в воинских эпитафиях: словами или изображением. Их клали также в солдатские захоронения. Поэтому как один из элементов лагерного пекулия военные награды можно рассматривать с большой натяжкой. Награды выдавали в связи с боевыми кампаниями или маневрами. Естественно, что у тех, кто участвовал в сражениях, боевых наград было больше, чем у тех, кто охранял мирную границу. Однако и среди фронтовиков, как, в частности, показывает анализ надгробных памятников легионеров с рейнской границы, являвшейся самой беспокойной до конца I в., имевших боевые награды было немного¹⁵. Можно предположить, что в римской императорской армии были весьма жесткие критерии награждения. Браслеты, ожерелья и медали в качестве солдатских наград выходят из обихода во II в., став отличительными знаками исключительно центурионов, и исчезают в эпоху Северов. В III в. в качестве форм поощре-

ния солдат выступают уже увеличение пайка, денежная премия (*Veg. Epitoma rei mil.* II. 7).

Наиболее существенным источником материального обеспечения, который могло предложить солдату государство до правления Северов, являлась, как мы полагаем, военная добыча (*praeda*): движимое имущество и рабы. Согласно традиции взятый штурмом город отдавался на четырехдневный грабеж солдатам-победителям (*Tac. Ann.* III. 39). В случае добровольной сдачи контрибуцию получал полководец (*Tac. Ann.* III. 19), который делился с солдатами в соответствии с их рангами. Награбленное солдатами имущество чаще всего распродалось торговцам из гарнизонного поселка – канабы, во время похода следовавшим за войском. Захваченные пленники частью становились лагерными служками, частью продавались. Из эпитафий известно о существовании личных рабов, прежде всего у легионных всадников. Император Адриан (117-138 гг.) разрешил солдатам освобождать рабов (*Digestae XLIX. 17. 13*) и тем самым признал право легионеров быть патронами (что традиционно считалось прерогативой *patris familias*). По данным же эпиграфики вольноотпущенники легионеров известны уже с начала Империи¹⁶. Вероятно, Адриан узаконил давно существующую практику.

Завершая разговор о "лагерном пекулии", следует отметить, что солдаты, особенно относящиеся к разряду *principales*, а с начала III в. и все остальные, имели достаточно возможностей для обзаведения каким-то скарбом и накопления денег. Косвенными признаками достаточной кредитоспособности легионеров служат денежные клады, нередко попадающиеся археологам, исследующим стоянки римских войск¹⁷, обломки дорогой посуды и прочей утвари, оставшейся в горах мусора на месте легионных лагерей, а также таверны и бордели – неотъемлемые атрибуты канаб – поселков, возникавших в непосредственной близости от воинских частей. В пользу состоятельности значительной части легионеров свидетельствуют многочисленные выполненные на высоком художественном уровне надгробные памятники умершим солдатам. Погребения отдельных легионеров, как показывает, в частности, замечательная реконструкция в Кельнском музее Римско-Германской Комиссии, достигали порой высоты двухэтажного дома и выглядели подлинными мавзолеями.

Можно заключить, что с I по III в. материальное положение легионеров улучшалось, тогда как жизненный уровень большинства гражданского населения в III в. существенно снизился¹⁸. Расширилась и юридическая дееспособность легионеров на фоне прогрессирующего

ущемления прав гражданского населения. С середины II в. в легионах были представлены выходцы почти из всех слоев римского гражданства. С начала II в. в легионах возрастает доля уроженцев пограничных провинций, тогда как представительство внутренних территорий в основном роде войска империи неуклонно сокращается.

Маркоманнские войны (166-180 гг.) открыли эпоху бедствий, обрушившихся на Римское государство и, в частности, показали недостаточную эффективность существовавшей системы комплектования в условиях широкомасштабных конфликтов, одновременно возникавших на разных участках границы. Думается, проблема заключалась и в том, что глубинные кризисные процессы, начавшиеся поначалу в обществе и экономике наиболее развитых территорий государства и постепенно распространявшиеся на периферию, ускорили размывание средних слоев римского гражданства, составлявших костяк легионов. Прогрессирующее ухудшение физических кондиций новобранцев, снижение их образовательного и нравственного уровня, неизбежное при наборе из низов общества, негативно сказывалось и на боеспособности вооруженных сил.

Реформы Септимия Севера, призванные укрепить армию, ставшую наряду с пограничными провинциями социальной опорой принципата, и радикально улучшить качественный состав новобранцев, по сути дела завершили процесс разрыва армии с гражданским обществом Империи. Легионеры превратились в зажиточную и привилегированную социальную группу, сросшуюся с обществом пограничных территорий. Благодаря мужеству легионов и стойкости населения лимитрофных провинций Империя была спасена. Однако политика "солдатских" императоров, опиравшихся на легионы и пограничные провинции, нацеленная на сохранение античных форм жизни, оказалась глубоко чужда жителям внутренних территорий, где античность изжила себя исторически.

ГЛАВА IV ЛЕГИОННЫЕ ВЕТЕРАНЫ В ИМПЕРСКОМ ОБЩЕСТВЕ, ЭКОНОМИКЕ И СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ

Во времена Республики ветераном считался каждый, кто отслужил в армии шесть лет подряд. Термин *veteranus* появился в середине I в. до н.э., а до того заслуженный воин назывался *evocatus* или *emeritus*¹. До военной реформы Гая Мария вопрос о пенсионном вознаграждении ветеранов не вставал, поскольку легионеры набирались только из состоятельных римских граждан, которые, как считалось, после военной службы возвращались к мирным занятиям. Открыв доступ к военной службе для пролетариев, не имевших источников доходов в гражданской жизни, Гай Марий поставил государство перед проблемой вознаграждения отставных воинов. Впрочем, сенатская олигархия эту проблему решать не желала, полагая, что обеспечение ветеранов является личным делом полководца – патрона своих солдат. Рассчитываться с ветеранами полководцы должны были за свой счет. Решение проблемы ветеранского вознаграждения в период гражданских войн осложнялось тем обстоятельством, что демобилизовывались сразу целые армии и необходимо было одновременно рассчитать десятки тысяч человек.

Хотя Гай Марий в годы своего консулата нашел наиболее дешевый и приемлемый для солдат и полководцев способ вознаграждения ветеранов – путем наделения земельными участками в провинциях², далее вопрос ветеранского обеспечения решался исключительно через экстраординарные политические институты: диктатуру и триумvirаты. Трудность решения указанной проблемы заключалась в том, что легионеры, преимущественно уроженцы Италии, желали получать землю на родине. Между тем к I в. до н.э. *Ager Publicus* в Италии был полностью поделен. Диктатор Сулла, опираясь на насилие, положил начало практике наделения ветеранов землей за счет передела *Ager Publicus* в плодородной Кампании. Впоследствии там же, но уже с использова-

нием законных средств, находили для ветеранов землю триумвиры Помпей и Цезарь.

Именно с деятельности Гая Юлия Цезаря – сначала консула в рамках неформального триумvirата с Помпеем и Крассом, а затем и диктатора – начинается период наиболее интенсивного развития ветеранского землевладения. Еще в бытность консулом 59 г. до н.э. он добился принятия двух аграрных законов, которыми руководствовался впоследствии. В соответствии с этими законами ветераны получали наделы из категории государственных земель – *Ager Publicus*. Участки должны были выкупаться у желающих продать наделы за счет военной добычи и сбора податей с новых провинций. В духе аграрного законодательства братьев Гракхов предполагалось, что полученные ветеранами участки не подлежали продаже в течение двадцати лет³.

После завершения войны Цезаря с Помпеем основным районом получения солдатами земли стала Цизальпинская Галлия – область, с одной стороны, сильно романизованная, а с другой – обладавшая некоторым запасом земель из категории *Ager Publicus*. Наделение ветеранов землей проходило в строгом соответствии с законами при широком привлечении личных средств Цезаря. Поскольку землю здесь получали солдаты-выходцы из местных общин, не было необходимости в основании новых городов. Нередко при этом происходило "переселение" колонии, которая благодаря ветеранскому контингенту получала название Юлиевой и устанавливала клиентские отношения с самим Цезарем. В том случае, если ветеранам отводилась земля на территории муниципия, он обычно не получал статуса колонии, а ветеранское поселение при нем существовало в виде автономного анклава⁴.

Многие ветераны – вероятно, римские граждане из провинций по происхождению – получили землю в заальпийской Галлии, Испании, Африке, Иллирике, Эпире, Ахайе, Азии, Вифинии⁵. Трудно сказать, сколько из 80 тысяч человек, ставших при Цезаре владельцами земли в провинциях (Suet. Jul. 42), было легионных ветеранов. Ясно только, что речь идет о десятках тысяч человек. В отличие от Италии в провинциях ветераны часто основывали новые города, в том числе высшего по римским законам, колониального, статуса. Названия некоторых легионов Цезаря были отражены в названии ряда поселений: Нарбонн – колония дециманов (десятого легиона), Форум Юлия – октаванов (восьмого), Бэтерры – септиманов (седьмого), Арелат – секстиманов (шестого), Араузион – секунданов (второго)⁶. Впрочем, как резонно заметил еще Т. Моммзен, едва ли каждая ветеранская колония создавалась исключительно за счет солдат одного легиона⁷. В ее основании

участвовали воины разных боевых частей, а также гражданские переселенцы. Численность последних в новой колонии обычно составляла от нескольких сот до 3 тысяч человек, хотя встречались и исключения как, например, в Венузии, где получили землю сразу 20000 ветеранов⁸.

Основанию ветеранского поселения предшествовала колоритно описанная римским землемером Гигином центуриация земель (Thulin С. *Corpus agrimensorum romanorum*. Leipzig, 1913; Гигин-Младший (Громатик). *Устройство лимитов* / Пер. И.А. Гвоздевой // *Хрестоматия по истории древнего Рима* / Под ред. В.И. Кузищина М., 1987. С. 191-201). Участки нарезались по количеству будущих владельцев и даже с некоторым запасом. На бронзовой табличке, называемой *forma coloniae*, отображались результаты центуриации, причем отмечались детали местоположения каждого участка, его размеры и форма. Участки назывались по именам получивших их ветеранов⁹.

Между отставкой и наделением ветерана участком проходило несколько лет. Сначала будущие колонисты собирались в Риме, а затем отправлялись на место поселения, построенные по своим боевым подразделениям, со значками и орлом, под руководством старших командиров и военных трибунов. Думается, образцом для торжественной процедуры основания ветеранских колоний служил обряд закладки военных колоний в Италии в V-IV вв. до н.э. для обеспечения землей римских плебеев. Позже, согласно заведенному с установлением Империи обычаю ветераны делились в соответствии с рангом на несколько групп, и в каждой группе участки получали по жребью (Nug. 141). Основание колонии являлось важным событием и порой увековечивалось на выпускаемых римскими колониями монетах. Так на одном из серебряных денариев 45 г. до н.э. запечатлены символы ветеранской колонизации: легионный значок – *signum*, игравший роль войскового знамени орел, копьё и плуг¹⁰. Возможно, уже Цезарь стал наделять ветеранов какими-то правовыми привилегиями, но характер их неизвестен.

Политика массовой ветеранской колонизации, начатая Цезарем, была продолжена в еще больших масштабах Октавианом – сначала в период триумvirата, а затем в первой половине принципата. После разгрома армии последних защитников Республики Брута и Кассия триумvir Октавиан наделяет землей ветеранов-цезарианцев, которых насчитывалось свыше 150 тысяч¹¹.

Ветеранская колонизация триумvirов развернулась главным образом в Италии. Здесь получили земельные участки около 50000 человек¹². Было принято решение о наделении ими ветеранов за счет во-

семнадцати общин в самых разных районах Апеннинского полуострова (App. Bel. civ. IV. 3). Насильственные методы ветеранской колонизации и агрессивность самих ветеранов вызвали массовое недовольство и даже привели к военным столкновениям в Этрурии, известным как Перузийская война 41-40 гг. (App. Bel. civ. V. 12-14; 32-49). Размеры ветеранских участков при триумвирах, как полагает Л. Кеппи – один из авторитетных исследователей ветеранской колонизации в период перехода от Республики к Империи, превышали нормы, установленные Цезарем, и составляли в среднем 50 югеров. По его мнению, в это время был отменен введенный законом 59 г. до н.э. запрет продажи ветеранского надела в течение первых 20 лет¹³.

В период второго триумvirата Августа оформляются юридические привилегии ветеранов. Октавиан обещал каждому легионеру по возвращении в гражданскую жизнь статус декуриона – члена городского совета в общине римского права (App. Bel. civ. V. 127). После победы над Марком Антонием и завершения гражданских войн в 31 г. триумvir Октавиан издал специальный эдикт о ветеранах (Edictum Octaviani triumviri de privilegiis veteranorum // FIRA. T.1. S.315-317). На основании этого эдикта, датированного тем же периодом (CIL XVI, P.145. № 10), а также "гераклейской таблицы" (ILS 6085) можно судить о ветеранских привилегиях в период второго триумvirата. Ветераны, их жены, родители и вольноотпущенники приобретали максимально возможный для римских граждан иммунитет – прежде всего налоговый, во всех делах. Ветераны получали право льготной "прописки" в любую трибу, право заочного голосования в комициях, возможность добровольного исполнения жреческих обязанностей, магистратур и любых выборных должностей в общине. Дома их освобождались от постоя. Подтверждались прежние преимущества, привилегии и льготы ветеранов. Надписи сообщают о создании в городах Италии особых ветеранских коллегий, сохранившихся в качестве потомственных корпораций до III в.¹⁴ Наиболее состоятельные ветераны, несмотря на свои привилегии, активно участвовали в городском самоуправлении и несли связанные с исполнением магистратур расходы.

Во время правления Августа в качестве принцепса имели место три значительные акции по увольнению отслуживших легионеров. Первая проходила с 30 г. до н.э. и была связана с роспуском легионов, участвовавших в последней гражданской войне. Тогда же начался набор новобранцев в императорские легионы, служба в которых согласно правилам продолжалась 16 лет. Следовательно, вторая массовая демобилизация была начата около 14 г. до н.э. Обе демобилизации осуще-

ствлялись в форме выведения основной массы отставников в ветеранские колонии. Как утверждается в "Деяниях божественного Августа" – важнейшем источнике по данному вопросу, в ветеранских колониях было поселено около 120000 человек (RGDA. XVI-XVI).

В Италии было основано 28 колоний, которые, по замечанию Августа, в его правление являлись многолюднейшими и богатейшими (RGDA. 28). На этот раз Октавиан стремился избегать беззаконий, допущенных им в качестве триумвира, и заплатил общинам Италии за землю, выкупаемую для ветеранов, 600 миллионов сестерциев (RGDA. 16). Стоит отметить, что, как и при Цезаре, города не создавались, а переосновывались, т.е. получали титул Августовых старые римские колонии. Единственное исключение – колония ветеранов преторианской гвардии Августа Претория. Кроме того, статус колоний приобрели муниципии. Едва ли можно восстановить полный список городов Италии, в которых в эти годы получили земельные участки ветераны Августа. Как полагает Л. Кеппи, они поселились в северной и средней Италии, но больше всего ветеранских поселений вновь оказалось в Цизальпинской Галлии¹⁵. В период данной колонизационной кампании в Италии получили землю 40-50 тыс. человек¹⁶.

Еще больше (точное количество установить затруднительно, хотя число 75 представляется несколько преувеличенным¹⁷) ветеранских колоний было основано в провинциях Африка, Сицилия, Македония, Дальняя и Ближняя Испания, Ахайя, Азия, Сирия, Нарбонская Галлия, Писидия (RGDA. XXVIII). Здесь, также в соответствии с введенной при Цезаре практикой, ветеранские колонии часто представляли собой новые поселения. Как сообщает Август, за выделяемые для ветеранов земли он заплатил провинциалам 260 миллионов сестерциев (RGDA. XVI). В провинциях обосновывались чаще легионеры, нанятые за пределами Италии. Большинство их составляли потомки италийских переселенцев, однако среди солдат эпохи гражданских войн встречались и перегрины, получавшие римское гражданство уже на службе. Достаточно характерна для провинций, на наш взгляд, ветеранская колонизация, осуществленная Августом в 25-7 г. до н.э. на Пиренейском полуострове, где в первой половине принципата Августа была сосредоточена крупнейшая группировка войск, там были созданы три ветеранские колонии: Эмерита, Цезаравгуста и Акки¹⁸. Все они образованы путем поселения в одном месте воинов из нескольких легионов: в Эмерите – V, X; Цезаравгусте – IV, VI (X-?); Акки – I, II. Существенно также и то, что первая из ветеранских колоний на Пиренеях – Эмерита, площадь которой составляла 120 га, – по величине наделов

значительно отличалась от остальных, возникших после 14 г. до н. э., т. е. после проведения цензов 29 и 18 гг. до н.э.¹⁹ Как известно, проведение ценза всегда сопровождалось кропотливой работой по упорядочению землепользования. После двух цензов императору все труднее было находить землю для организации значительных ветеранских поселений. Кроме того, как полагают некоторые исследователи, возможности императоров по распоряжению землей в провинциях были далеко не безграничны²⁰.

Возможно, затруднения с организацией ветеранских колоний подвигли Августа на реформы в сфере ветеранского вознаграждения. После 13 г. до н.э. был увеличен срок службы в легионах. Отныне солдаты после 16 лет обычной службы должны были еще 4 года проводить в особом ветеранском подразделении (Dio. LIV. 25). Следует отметить также, что после образования в начале принципата Августа постоянных легионов прекратилась массовая демобилизация легионеров. Теперь ежегодно из каждого легиона увольнялось не более 100-300 человек, т.е. не более 2,5-7,5 тысяч человек из всех легионов. После 14 г. до н.э. в Италии, а после 7 г. до н.э. в провинциях перестают возникать ветеранские колонии. Наиболее распространенной формой ветеранского вознаграждения становится земельный надел в каком-либо италийском или провинциальном муниципии (RGDA. III). На это Август потратил 400 миллионов сестерциев из своих личных средств (RGDA. XVI). Неизвестно, сколько человек получили подобное ветеранское вознаграждение. Из "Деяний божественного Августа" можно понять, что вместе с получившими позже ветеранское вознаграждение в форме денежного пособия их было 180 тысяч человек (RGDA. III; XV).

Около 5 г. (или 5 г. до н.э.?), т.е. тогда, когда пришло время очередной массовой демобилизации и очередного набора, Август вновь увеличивает срок службы для легионеров. После 20 лет активной службы воины должны были еще 5 лет находиться в ветеранских когортах (Dio. LV. 23; Suet. Div. Aug. 49) Основной формой ветеранского обеспечения стало денежное вознаграждение в 12 тысяч сестерциев. По мнению Л. Кеппи, выдача денежного пенсионера отставным легионерам началась с 7 г. до н.э., хотя размеры его не известны²¹. Денежный вариант вознаграждения нравился солдатам, поскольку давал большую свободу в организации послевоенной жизни, чем получение земельного участка. Для выдачи ветеранского вознаграждения было создано специальное казначейство – *aerarium militaris*. Военная казна должна была формироваться за счет новых налогов: однопроцентного – от про-

даж и пятипроцентного – от наследства (Dio Cas. LV. 23. 1). Помимо выплаты пенсий военная казна была призвана обеспечивать выдачу жалования солдатам действительной службы и в какой-то степени покрытие текущих расходов армии. Однако переход на денежную форму вознаграждения ветеранов оказался непосильным испытанием для государства. С одной стороны, централизованная налоговая служба в лице особых прокураторов только зарождалась, а потому основная тяжесть по сбору налогов по-прежнему лежала на коллегиях публиканов и общинных органах провинциального самоуправления. С другой стороны, налоговые поступления государству из провинций всегда были меньше, чем расходы, связанные с их обороной²². Оказалось, что доходов от налогов с провинций для содержания военной казны было недостаточно. Не спасали положения и косвенные налоги с римских граждан, традиционно не обремененных налогами, а потому появление новых обязательных выплат в пользу государства воспринималось болезненно. Поэтому Август был вынужден четырежды оказывать военной казне помощь из личных средств в сумме 320 миллионов сестерциев (RGDA. XVII). Как явствует из сообщений римских авторов и воинских инскрипций, третья Августова демобилизация растянулась более чем на десять лет и была завершена после его кончины. Задержки с увольнением ветеранов вызвали в 14 г. волнения в войсках на Рейне и в Иллирике.

Перейти к обеспечению ветеранов исключительно в денежной форме не удалось, и либо в последние годы правления Августа, либо в начале правления Тиберия возобновляется раздача земельных участков с организацией ветеранских поселений. Военная же казна, в управление которой входили сначала 10, а затем 3 претора-сенатора, занимавших должность в течение 3 лет, существовала до середины III в.²³

Таким образом, в правление Октавиана, триумвира и принцепса, оформился характер ветеранского обеспечения, существовавший с небольшими изменениями до начала II в. Выслуживший полный срок службы легионер получал почетную отставку (*honesta missio*), которая предусматривала наделение ветерана налоговыми льготами (*immunitas*), юридическими привилегиями (*beneficia*), деньгами или земельным наделом (*praemia*).

В течение I в. продолжалось наделение ветеранов землей путем создания ветеранских поселений в форме колоний или подселения воинов в общины римского права. Несмотря на отсутствие свободных земель и отрицательное отношение общества к предоставлению легионным ветеранам земельных наделов в Италии, императоры продолжали

формировать ветеранское землевладение на Апеннинском полуострове. За исключением образованной на стыке правления Августа и Тиберия колонии Эмоны (современной Любляны), что находилась на границе античной Италии и Иллирика, большинство ветеранов I в. получили землю и были поселены в южной части Апеннинского полуострова. Наибольшую активность в наделении ветеранов земельными участками на территории Италии проявляли Нерон и Веспасиан. Характерно, что ветераны получали землю в тех же общинах, где находились участки воинов Октавиана триумвира и Августа принцепса²⁴. Однако масштабы на этот раз были гораздо скромнее. При Юлиях-Клавдиях ветераны, включая преторианцев и моряков, были поселены в 11 городах, при Флавиях и Нерве – в 7²⁵. После Нервы централизованного наделения отставных военных земель в Италии не происходило. Вероятно, наиболее значимые ветеранские поселения возникли в Анции – на родине Нерона и в Реате – месте рождения Веспасиана. Императоры I в. селили вместе воинов, не только принадлежащих к разным легионам, но и относящихся к разным родам войск: например, легионеров, преторианцев и военных моряков. Трудно судить о численности ветеранов, получивших в данный период участки на Апеннинском полуострове. Учитывая репрезентативность эпиграфических источников (в дошедших до нашего времени надписях, оставленных военными в I в., отражено менее 1% личного состава), можно предположить, что речь идет о нескольких тысячах человек. Л. Кеппи насчитал 15 надписей, оставленных легионными ветеранами, получившими землю в Италии при Нероне и Веспасиане²⁶.

Наделяя ветеранов земельными участками в Италии, императоры, как мы полагаем, в первую очередь заботились об увеличении личной клиентелы, а также о возрождении мелкого и среднего землевладения, ведь, как известно, собственники малых и средних рабовладельческих хозяйств составляли важный социальный оплот принципата. Активная ветеранская колонизация Италии в I в. до н.э., при которой земельные участки получили около 150 тысяч человек, и колонизация I в., осуществлявшаяся в гораздо более скромных масштабах в какой-то степени задержали упадок мелкого землевладения, но предотвратить процесс концентрации земельной собственности в руках латифундистов не могли. Следует иметь в виду, что с периода правления династии Флавиев уроженцы Италии составляли меньшинство легионеров, а потому перспектива поселиться в благодатном, но чужом краю была для многих солдат-неиталийцев мало привлекательна. Впрочем, твердо говорить о неудаче ветеранского землевладения в Италии нельзя. Например, от-

ставные центурионы имели возможности для создания там крупных хозяйств. Долго оставалась зоной господства мелкого и среднего землевладения бывшая Цизальпинская Галлия, некогда плотно заселенная ветеранами Цезаря и Августа. Однако в целом, ветеранское землевладение в Италии было обречено. Если сами ветераны нередко исполняли декурионские магистратуры, требующие немалых денежных затрат, то их потомки, как правило, были беднее и не входили в высшее городское сословие.

Гораздо большие размеры в I в. приобрело наделение ветеранов землей в провинциях. Уже при Тиберии обнаруживается тенденция к созданию маленьких ветеранских поселений, не получавших титул колоний, неподалеку от места дислокации воинских частей. Так обстояло дело в Далмации, Паннонии²⁷. Мощный импульс ветеранской колонизации в провинциях дал император Клавдий (41-54 гг.), сам рожденный в галльском Лугдунуме (современном Лионе). Кроме поселения ветеранов в галльских городах Нарбоне и Лугдунуме, имевших давние ветеранские корни, Клавдий основывает ветеранские колонии в Далмации (*Colonia Claudia Aequum*), пограничных провинциях Паннонии (*Savaria*), Нижней Германии (*Colonia Claudia Ara Agrippinensium* = *Koeln*), только что завоеванной Британии (*Camolodunum* = *Colonia Victrix* = *Colchester*), Сирии (*Ptolemais*), Нумидии (*Colonia Lixum*). Важно отметить, что ветеранские колонии создавались только в императорских провинциях, причем неподалеку от военных лагерей либо на их месте²⁸.

Поводом к образованию колоний служил, как правило, перевод легиона на новое место. Поскольку из каждого легиона ежегодно демобилизовывалось не более 300 ветеранов, им приходилось ждать несколько лет, пока накопится необходимое число уволенных – вероятно, около 3 тысяч, причем из разных легионов – для создания колонии. Образование ветеранских колоний продолжалось при Флавиях в Балкано-Дунайском регионе: *Deultum* = *Burgas*, *Scupi* = *Skopje*, Африке: *Ammaedara* = *Flavia Augusta Emerita*, Британии: *Colonia Lindum* = *Lincoln*. При Нерве была основана еще одна ветеранская колония в Британии: *Glevum* = *Gloucester*. Серия ветеранских колоний – на Дунае: *Oescus*, *Poetovio* = *Ptuj*, *Sarmizegethusa*, *Ratiaria* (?), *Mursa* (?), на Рейне: *Colonia Ulpia Traiana* = *Xanten*; в Африке: *Timgad* – была образована Траяном. Последние ветеранские колонии были основаны Адрианом: в Африке (*Cyrene*) и Иудее – на месте Иерусалима (*Colonia Aelia Capitolina*). Возникновение ветеранского поселения на месте священного города иудеев привело к антиримскому восстанию. Веро-

ятно, после этой акции, дорого стоившей римлянам, принцепсы окончательно отказались от традиции создания ветеранских колоний.

Более широкое распространение, чем создание ветеранских колоний, в период раннего принципата получает наделение ветеранов земель в приграничных муниципиях – в Британии и Дакии, на Рейне и Дунае – индивидуально или небольшими группами. Подобное пенсионное вознаграждение давало возможность legionным ветеранам, как позволяют предположить источники, стать типичными сельскими жителями. Они, как правило, проживали на своем участке, вели хуторское хозяйство с помощью своего семейства, заведенного зачастую еще во время службы, и максимум нескольких рабов. В жизни близлежащих городов ветераны, за редким исключением, активного участия не принимали²⁹. Они, судя по всему, продолжали воспринимать себя как часть армии, будучи связанными культовыми, деловыми и прочими узами с гарнизонами на лимесе. Ветераны сохраняли корпоративную солидарность, создавая ветеранские коллегии³⁰.

После осуществления в первые годы правления Веспасиана широкой программы наделения землей ветеранов, участвовавших в гражданской войне 69 г., ведущим видом ветеранского увольнения становится *missio nummaria*. Пока в легионах было много потомков италийских переселенцев из внутренних провинций Империй (вторая половина I в.), было широко распространено возвращение таких ветеранов после службы домой. Вернувшись в города Галлии, Испании, Далмации, Паннонии, они приобретали на денежный пенсион земельный участок или становились хозяевами ремесленной мастерской либо торговой лавки.

С начала II в., когда оформился принцип местного комплектования, в окрестностях лагеря оставалось все больше ветеранов. Императоры Адриан и Антонин Пий, с одной стороны, укрепляя лимес, а с другой – стремясь сделать его на некоторых участках более открытым, последовательно сокращали "легионную территорию" – зону отчуждения, свободную от местного населения и управляемую военными. В непосредственной близости от крепостей, но уже не на "легионной территории", с I в. прежде всего на Рейне стали возникать поселения местных жителей, используя римскую терминологию, *vicī*³¹. Землепользование осуществлялось здесь в обычных для peregrinorum – свободных провинциалов, не обладавших правами римского гражданства, и римских граждан формах *possessio* и *usus fructus*. Поэтому, хотя часть обитателей этих вигов, занималась торговлей и ремеслами, основой экономики в них было сельское хозяйство. При Антонинах солдаты полу-

чили право приобретения земельных участков за пределами "легионной территории", на которых они могли хозяйствовать после выхода в отставку, проживая в виках. Ветеранское землевладение со II в. сосредоточивается в пограничных провинциях.

В научной литературе нет единства мнений о том, являлось ли ветеранское землевладение формой крестьянского хозяйства или разновидностью мелкорабовладельческой виллы. Опираясь на встречающиеся у Тацита упоминания о нежелании ветеранов в некоторых случаях получать земельные наделы (Тас. Ann. I. 17) и оставлении ветеранами Нерона земельных участков в Италии (Тас. Ann. XIV. 27), равно как и на засвидетельствованные инскрипциями факты оставления некоторыми ветеранами наделов в некоторых паннонских дедукциях³², часть исследователей – П. Брант, Дж. Форни и некоторые другие – убеждены в несостоятельности ветеранских, по сути своей крестьянских, хозяйств³³. Теоретическую основу таких суждений составляет выдвинутое Э. Мейером и, казалось бы, убедительно обоснованное М.И. Ростовцевым положение о полном упадке в I в. мелкого землевладения в Италии и наиболее романизированных провинциях, о монопольном утверждении там латифундий и колонатных отношений³⁴. Другие исследователи, ориентируясь прежде всего на многочисленные следы в зоне римского лимеса, в европейских пограничных провинциях, в округе ветеранских колоний – следов центуриации, а также *villae rusticae* – комплексов построек аграрного назначения, которые можно считать разновидностью мелкорабовладельческих вилл, связывают их с ветеранскими хозяйствами и настаивают на процветании ветеранского землевладения в этих регионах³⁵.

Надел на провинциальной территории, полагавшийся, судя по всему рядовому в связи с почетным увольнением, составлял около 50 югеров (примерно 12 га), что значительно превышает площадь типичного крестьянского участка (обычно 8-10 югеров). Известные случаи, когда площадь ветеранского надела достигала даже 200 югеров (ср.: CIL VI. 3828 – Deultum, Фракия), скорее всего связаны со старшими солдатскими рангами, если не с центурионством. Ветеранские земли, на которых выращивали обычно зерновые, виноград и оливки, обрабатывались членами семьи ветерана и, как указывают, правда, немногочисленные, эпитафии, двумя-тремя рабами.

С.Л. Утченко, анализируя характер ветеранской колонизации в Италии в конце Республики, пришел к выводу о противоречии ветеранского землевладения античной форме собственности на землю, поскольку собственность ветерана на участок не определялась его член-

ством в той или иной общине римского права³⁶. Ю.К. Колосовская вполне справедливо возразила ему, указав, что ветеранское землевладение, особенно в провинциях, соответствовало основным чертам античной формы собственности на землю³⁷. На наш взгляд, землевладение легионных ветеранов безусловно являлось разновидностью мелко-рабовладельческого и отчасти ориентированного на рынок хозяйства. Распространение ветеранских вилл из Италии через внутренние провинции на рубежи Империи отражает эволюцию основных форм античного землевладения, убедительно отслеженную отечественными антиковедами-марксистами³⁸. В конце III в. ветеранское землевладение, равно как и весь основанный на античных принципах мир пограничных провинций Империи, приходит в упадок. Земля передавалась ветеранам уже не в собственность, а во владение. Мельчали до величины крестьянских и размеры участков, приобретаемых солдатами еще во время службы³⁹.

Начиная со II в. все больше ветеранов оставалось в гарнизонных поселках – канабах. По мере стабилизации легионов на границах Империи возле крепостей возникают канабы – поселки, населенные всевозможными искателями приключений, торговцами, ремесленниками, женщинами легкого поведения, солдатскими семьями. Можно предположить, что до начала II в. при гарнизонах жили наименее обеспеченные и чаще всего одинокие отставные воины⁴⁰. О занятиях этих ветеранов известно немного. Поскольку в силу особого статуса территории вокруг легионной крепости частная собственность на землю здесь не допускалась до рубежа II-III вв., можно предположить, что ветераны из канаб занимались преимущественно торговлей и ремеслом. Возможно, некоторые ветераны, – а это были люди, как правило, в возрасте после 45 лет, т.е. по тогдашним меркам уже пожилые, – не заводили никакого дела, а просиживали остаток дней с друзьями в поселковой таверне за кружкой пива, вспоминая былую солдатскую жизнь. Вместе с остальными римскими гражданами ветераны-канабарии составляли корпорацию *Civium Romanorum consistentes ad legionem*. Не вызывает сомнений то, что ветераны в канабах являлись наиболее уважаемыми людьми и, как показывают источники, часто исполняли руководящие должности в поселковом совете, находившемся, впрочем, под жестким контролем легионного командования. Из инскрипций известно о существовании должностей куратора римских граждан, квестора, магистра ветеранов. Что касается правового положения ветеранов, то можно предположить, что до правления Домициана объем их льгот и привилегий по сравнению с временем второго триумvirата был несколько

сокращен. Домициан, как сообщают источники, восстановил их в прежнем объеме (*Edictum Domitiani de privilegia veteranorum* // *Fontes iuri Romani antejustiniani (FIRA)* / Ed. S. Riccobono. Florentia, 1930. Pt.1. P.427-430).

До недавнего времени исследователи недооценивали двойственную природу гражданских поселений вокруг римских крепостей и под урбанизацией в зоне лимеса, развернувшейся во II-III вв., понимали исключительно наделение канаб правами муниципия или колонии⁴¹. Между тем выяснилось, что во многих случаях подлинными городами в первую очередь становились не канабы, а соседние вика: *Colonia Ulpia Traiana* в Германии; *Novae, Troesmis, Durostorum* в Нижней Мезии; *Carnuntum, Aquincum, Vindobona, Brigetium* в Паннонии⁴¹. Очевидно, наделение поселения хартией города римского права происходило не произвольно, а по установленным критериям. Одним из важнейших критериев было наличие достаточного количества римских граждан, в том числе – способных выполнять обязанности декурионов. Насыщение вигов поселенцами с римскогражданским статусом в значительной степени осуществлялось за счет ветеранов. Поселившиеся в виках ветераны вместе с другими римскими гражданами создавали особую форму римскогражданского коллектива – *consistentes*, распространенную на границах и в мало романизированных провинциях. Ветераны составляли одну из привилегированных групп римского гражданства в городах приграничных провинций.

При Северах происходило дальнейшее укрепление положения военных ветеранов, как и армии в целом. Перевод армии на централизованное обеспечение через *annona militaris*, в значительной степени легшее на плечи населения внутренних территорий, приводит к свертыванию "легионной территории". Освобожденные вследствие этого из-под военного контроля многие канабы сливаются с виками и превращаются в новые муниципии и колонии. Подавляющее большинство ветеранов легионов и вспомогательных частей, которые в это время также набирались исключительно из римских граждан, поселялись в пограничной зоне. В связи с отменой запрета солдатам вступать в брак во время службы начинает формироваться "милитаризованное общество". Красноречиво описал такой социум в зоне лимеса провинции Норик (территория современных Австрии и Словении) Г. Альфельди⁴³. Широкое распространение получают браки солдат с дочерьми ветеранов. Военная служба становится наследственной. Большинство новобранцев во всех родах императорских войск, за исключением флота, были выходцами из лимитрофных провинций. Люди, связанные с ар-

мией, стали составлять основную часть экономически и политически активного населения пограничных провинций в европейской части Империи.

В оформленном при Северах "военном праве" зафиксированы предоставленные ветеранам "солдатскими" императорами правовые льготы. Значительно увеличились размеры ветеранского вознаграждения. Мы разделяем популярную в зарубежной и отечественной историографии точку зрения, согласно которой так называемые "солдатские" императоры, стремясь сохранить гибнущую античную цивилизацию и связанный с ней тип имперской государственности в виде принципата, опирались на более "молодые" по уровню общественно-экономического развития территории – прежде всего дунайские – и на армию как на мощное средство выражения интересов этих территорий. Закрывая глаза на обнищание населения внутренних провинций Империи, государство в лице "солдатских" императоров Септимия Севера, Максимиана Фракийца, Филиппа Араба, Проба и других обогащало армию и ветеранство, которое превратилось во влиятельную социальную группу. И в период потрясений, когда целые регионы – Галлия, Сирия, Британия и т.д. – восстали против римских императоров, когда варвары захватили Декуматские поля и Дакию, парфяне вторглись в восточные владения Рима, а само государство стало ареной бесконечных внутренних войн, именно зона лимеса, заселенная прежде всего военными ветеранами и их родственниками, стала опорным краем державы, непрестанно питая гибнущие в схватках с превосходящими силами противника легионы и сохраняя верность *Imperium Romanum*. Примером тому являются многочисленные инскрипции во здравие императоров, во спасение государства, статуи Юпитера Всеблагого Величайшего – главного хранителя римского государства, установленные обитателями канаб и виков, начиная с Могонтиака в Верхней Германии и кончая устьем Дуная с середины I до середины III в.⁴⁴ В значительной степени благодаря патриотизму приграничного населения и связанных с ними войск Империя пережила кризис III в.

В то же время пограничные территории, объективно являвшиеся последним оплотом античной цивилизации, кроме общего характера общественно-экономического устройства и языка, мало что общего имели с миром италийцев и эллинов. Ветераны III в. не были знакомы с жизнью больших городов и о богатой культурной традиции греко-италийского мира имели самое поверхностное представление. Это были люди малограмотные либо с грамотой не знакомые, о чем свидетельствует обилие грамматических ошибок в надписях надгробных памятни-

ков из поселений в зоне лимеса и даже отсутствие надписей. Религиозные воззрения ветеранов являли собой удивительную смесь верований традиционно римского, даже официозного пантеона с верованиями, распространенными среди местного неримского населения. Модель социального поведения ветеранства, о котором можно судить по убранству и планировке жилищ и погребений, иконографии и текстам надгробных памятников, была ориентирована не только на античные, прежде всего римско-италийские, образцы, но и на нравы и обычаи, распространенные среди местной кельтской, германской, паннонской и прочей, как правило, лишь частично романизированной аристократии. Во второй половине III в. легионное ветеранство все более превращается в сельское население, отрываясь от городской жизни. Военные реформы Диоклетиана и Константина, изменившие легионы до неузнаваемости и превратившие их в маломощную пограничную милицию, а также их далеко идущие социально-экономические преобразования объективно способствовали снижению прежде высокого социального положения легионов ветеранов, хотя Константин и Лициан подтверждали наделение правами и привилегиями, соответствующими *missio honesta*, ветеранов преданных им легионов (*Epistula Impm. Constantini et Licinii de privilegiis militum et veteranorum* // FIRA. Pt. 1. P. 455-459).

ГЛАВА V

БУДНИ СОЛДАТСКОЙ ЖИЗНИ

Секрет побед римского оружия заключался в редком сочетании высокого мастерства каждого воина с безукоризненным умением сражаться в большом и малом коллективе. Римская армия не была ни монолитом наподобие эллинистических фаланг, ни подвижной, богатой сильными в индивидуальном поединке бойцами, но неспособной к регулярному сражению дружиной германцев или кельтов. Римляне, как никто из их противников, умели четко и стремительно перестроиться во время сражения: рассыпаться на мелкие подразделения, собраться воедино, закрыться в глухой обороне, перейти в сокрушительную атаку, согласованно выполняя приказы командиров на любом тактическом уровне – от отделения до когорты и легиона в целом. Каждый солдат в бою знал свое место, был уверен в товарищах и командирах.

Поразительное "чувство локтя" и дисциплинированность римских легионеров были, с одной стороны, результатом тщательного отбора в армию физически и интеллектуально развитых молодых людей, а с другой – плодом системы обучения воинскому искусству, краеугольным камнем которой была воспетая Вегецием (*Epitoma rei mil. I*) и Фронтином (*Strategemata. IV*) дисциплина. Впрочем, дисциплина для римлян была больше, чем навык беспрекословного повиновения и точность в выполнении приказа. В понятие дисциплины входили и доведенные до автоматизма навыки действия оружием, и высокая тактическая грамотность каждого легионера, и удивлявшее противников взаимодействие римских воинских частей и родов войск. Не случайно Дисциплина (*Disciplina* или *Discipulina*) являлась одним из почитаемых в армии божеств.

Овладение боевым искусством было возможно только через изнурительные тренировки. Упражнения с тренировочным оружием, более тяжелым и громоздким, чем боевое, бег, прыжки, плавание – (*exercitatio*) – под руководством суровых и безжалостных инструкторов из числа легионеров, завершающих свою воинскую карьеру, являлись важнейшими занятиями для солдата с момента зачисления на службу.

Учебные маневры с марш-бросками и форсированием водных преград, привычные для современных армий, отличали римское войско, и прежде всего легионы, от армий других государств древнего мира. Трижды в месяц легионеры совершали марши на 15 км с полной боевой выкладкой (*Veg. Epitoma rei mil. I. 27*). Вес боевой выкладки, включая вооружение, обмундирование, запас питания на три дня, достигал 48 кг. Для сравнения: вес боевой выкладки на марше у русского пехотинца времен первой мировой войны, знаменитого своей выносливостью, достигал 38 кг¹. Солдаты должны были совершать марш в быстром темпе – со скоростью 6-8 км/ч. Не случайно римских легионеров называли "мулами" Мария, который установил содержание и вес походной амуниции солдата.

Поддержание высокой боеспособности воинов было предметом заботы наместников и командующих легионами. Римская историография с одобрением упоминала начальников, тренировавших до седьмого пота своих солдат, тогда как полководцы, не досаждавшие подчиненным чрезмерными учениями, порицались. Так, будущий император Сервий Гальба, находясь в должности легата Верхней Германии, прославился не только примерной организацией маневров, но и тем, что однажды после учений, в которых он принимал участие как простой воин – "со щитом в руке", 20 миль (30 км) бежал за колесницей принцепса Гая Калигулы (*Suet. Galba. 6,3*). Другой легат Верхней Германии – будущий император Траян известен не только восстановлением в полном объеме воинских тренировок, но и примерным участием в них (*Plin. Paneg. 13*). Известно, что большое внимание солдатским тренировкам уделял император Адриан.

В понятие *munera* (тяготы повседневной воинской службы) римляне вкладывали не только военную учебу, маневры, караульную службу, но и различные работы, главным образом строительные. По мнению римлян эпохи Империи, хорошая армия должна быть до предела загружена тренировками и работами. Главной работой для римских легионеров помимо несения караульной службы и боевых походов было строительство. Пожалуй, ни одна армия, за исключением советской, не строила столько, сколько строили римские легионеры. Строительная традиция римского войска уходит корнями в республиканскую древность, когда строили временные летние лагеря из дерна и земли для кратковременных стоянок (*castra aestiva*) и зимние лагеря для более длительного постоя (*castra hiberna*) с использованием дерева. Археологам известен один из таких лагерей – в Нуманции (Испания), датированный 130-ми гг. до н.э. Это древнейший римский военный

лагерь. С установлением Империи возникает цепь легионных лагерей на Рейне – одна из первых римских систем постоянных фортификационных сооружений.

Далекие от идеи постоянного лимеса, возлагавшие надежды в обороне римских границ на мобильные легионы и буферные вождства союзных Империи варваров, Август и его ближайшие преемники уделяли особое внимание укреплению границ, обеспечивавших безопасность непосредственно Италии. Римляне надолго запомнили нашествие кимбров и тевтонов в конце II в. до н.э., которых только под Аквилеей остановил великий Гай Марий с его "пролетарскими" легионами. "Metus Germanicus", испытываемый даже непобедимыми бойцами Юлия Цезаря, снова проявился в 9 г., когда в Тевтобургском лесу были уничтожены целых три легиона под командованием не последнего из римских генералов Квинтилия Вара.

Место для лагерей – а нужна была ровная местность прямоугольной формы – подбирали землемеры. Поверхность земли выравнивали, а при необходимости даже насыпали недостающий для требуемой площади грунт. Первые рейнские лагеря (Майнц, Ксантен и другие, менее долговечные) были типичными "зимними" обозами из дерна и дерева. Подобно другим легионным лагерям времени Августа – в Испании, Далмации – они строились с расчетом на размещение двух легионов и, вероятно, вспомогательных войск, а потому отличались гигантскими размерами (в среднем 600×900 м). Там же располагались ремесленные мастерские, обслуживающие войско. В середине I в. – при Клавдии и Нероне – на Рейне и в Далмации произошла перестройка деревянно-земляных лагерей в каменные и, по крайней мере, часть ремесленного производства была вынесена в канабы. Легионный лагерь из форпоста экспансии начал превращаться в крепость. В это же время строились легионные лагеря старого типа – из земли и дерева – в различных частях покоренной Британии и на Дунае.

С Веспасиана началось строительство лимеса – системы непрерывных пограничных укреплений – на рейнской и дунайской границах, в Британии и Сирии (прообраз лимеса, как полагают некоторые ученые. был апробирован при Августе в Далмации, где цепь оборонительных сооружений между двумя легионными лагерями Burnum и Gardun была призвана защищать римские города Адриатического приморья от набегов воинственных племен с Динарских Альп². Прежде всего перестраивались старые лагеря, рассчитанные на два легиона. Отныне каждый легион имел свой лагерь. Получили свои лагеря – castra, castellae, praesidia – вспомогательные части из 1000 и 500 человек. Но-

вые фортификационные сооружения строились, как правило, из земли и дерева.

Окончательно лимес оформился при Антонинах – в период от Траяна до Марка Аврелия. При Траяне разворачивается невиданное каменное строительство. В камень одеваются лагеря легионов и вспомогательных войск на всех рубежах Империи. Небольшие крепости – кастеллы – строятся по Рейну и Дунаю от Северного до Черного морей на расстоянии 15-60 км. Между ними – сторожевые башни (*burges*), отстоящие друг от друга на 10 км и рассчитанные на гарнизон до 50 человек. На Рейне и Дунае бурги нередко соединялись крепостными стенами наподобие Великой Китайской стены. Башни и форты строились на дорогах, проходящих вдоль лимеса и уходящих в глубь Империи, на морских берегах.

За первой линией пограничных укреплений находятся новые, расположенные во внутренних районах пограничных провинций. Возникли грандиозные фортификационные сооружения наподобие вала Адриана и Антонина Пия в Британии, пересекающие остров поперек и послужившие впоследствии прототипом для "монстров" фортификации XX в. – линии Мажино во Франции и линии Маннергейма в Финляндии. Впрочем, по мнению выдающегося исследователя римского лимеса Э. Бирли, вал Адриана в Британии не являлся фортификационным сооружением в строгом смысле, поскольку на нем располагалась лишь незначительные воинские подразделения. С точки зрения Э. Бирли, можно различать "открытый", т.е. мало насыщенный войсками и крепостными сооружениями, лимес (Нумидия, Дакия, Верхняя Германия) и "закрытый" лимес (Британия, Нижняя Германия, Паннония, Нижняя Мезия)³.

Линии земляных укреплений и башни строились не только на римской территории, но и по другую сторону границы. Сегодня ученые считают возможным говорить об элементах римского лимеса на черноморском побережье Грузии, в Крыму и на Днепровском лимане⁴. Римляне продолжали работы по укреплению лимеса до конца IV в., пока не перешли к принципиально иной модели обороны своих границ. На дунайском лимесе, оказавшемся в пределах Восточной Римской империи, фортификационные работы продолжались до VI в.

Легионные крепости римляне сооружали, как правило, на высоких берегах рек возле переправы. Лагерь, рассчитанный на один легион, обычно имел прямоугольную форму с длиной около 500 м, шириной – около 365 м. С каждой стороны крепости имелись ворота. Главными – *Porta Praetoria* – считались ворота, расположенные на одной из

коротких сторон, которая по канонам Ветрувия должна быть обращена на восток, к реке и дороге, что не всегда соблюдалось. Лагерь нередко опоясывали два ряда крепостных стен высотой 10-12 м, расположенных на расстоянии 4-8 м друг от друга. Со всех сторон, и прежде всего с лицевой, крепость окружалась несколькими расположенными в шахматном порядке линиями рвов и земляных валов. Еще один вал находился между крепостными стенами.

Крепость строили из крупных каменных блоков с использованием цемента. Строительным материалом чаще всего служили песчаник и гранит. Для возведения внутренних сооружений применяли кирпич, производимый, как и черепица, в легионных мастерских. На этих кирпичах и черепицах обычно ставился штемпель воинской части. С внешней стороны каменные блоки шлифовались, с внутренней же обычно оставались необработанными. Ширина крепостных стен колебалась от 1,2 до 4 м⁵. Во время осады на стенах размещали метательные орудия и арбалеты. Иногда под стенами строили подземные галереи, используемые в разведывательных целях и для внезапных вылазок. Вокруг и внутри крепостных стен были кольцевые дороги, пересекавшиеся с коммуникациями, выходящими за пределы крепости.

На дунайской границе римлянам пришлось столкнуться с проблемой дополнительного укрепления крепостных ворот, поскольку геты и даки в отличие от германцев и британских кельтов, умели штурмовать укрепления. Поэтому здесь впервые были апробированы располагавшиеся слева и справа от ворот башни, выдававшиеся вперед из крепостной стены. Ворота в дунайских лагерях делали двойные, а в случае прорыва через внешние ворота на боковых прилегающих к воротам стенах были устроены балконы, с которых легионеры могли истреблять врагов метательным оружием⁶. Что же касается башен, то первоначально римские лагеря обходились без них. Затем начали строить отдельные башни внутри лагеря. Когда же римские крепости стали подвергаться частым осадам, стали встраивать башни в стены на расстоянии 30-40 м друг от друга. Башни во времена принципата имели многогранную и круглую форму, как дошедшая до нашего времени башня Друза в Майнце (ФРГ)⁷.

Изнутри римский лагерь делился пополам пересекающей его в узкой части *via principalis*. В передней части (*praetentura*) – между главными воротами и *via principalis* – до вывода из легионных лагерей ауксилиариев находились казармы вспомогательных войск, а затем – помещение для военных занятий (*schola*), казармы легионеров и дома старших офицеров, иногда – плац.

Тыльная часть лагеря (*retentura*) условно может быть поделена на два сектора: в центре располагались штабные и хозяйственные постройки, а между ними и дорогой, которая шла вдоль крепостных стен во внутренней части лагеря (*via sagularis*), находились казармы. В центре крепости, прямо на пересечении *via praetoria* и *via principalis* помещались *principia* – штаб легиона и *praetorium* – резиденция командующего легионом. Возле них находилось знаменное святилище – *sacellum*, где наряду со значками когорт хранились легионный орел и бюсты императоров. В подвальной части святилища обычно была касса с солдатскими сбережениями. Там же держали металлолом, ценившийся в гарнизонах очень высоко ввиду удаленности от центров металлопроизводства. За штабом строили *quaestorium* – резиденцию лагерного префекта, которая являлась центром хозяйственной жизни крепости.

Далее по направлению к тыльной части лагеря находились гарнизонные мастерские – *fabricae*. На стадии оккупации, т.е. пока происходило утверждение римского господства на завоеванной территории, внутри лагеря имелось все необходимое для жизнеобеспечения производство. Когда же на прилегающих землях устанавливался мир, часть производства выносили в канабу. Некоторые мастерские, связанные главным образом с изготовлением и ремонтом оружия, оставались внутри лагеря. По соседству с ними находились большие амбары (*horrea*), вмещающие годовой запас зерна для всего гарнизона, и склады с вооружением.

Госпиталь (*valetudinarium*) не имел определенного места в планировке лагеря. Известны случаи устройства госпиталей как в передней, так и в тыльной части легионной крепости⁷. Строительство госпиталя было важным событием в жизни гарнизона и нередко сопровождалось торжественной установкой алтаря, посвященного Геркулесу или Эскулапу. Госпитальные постройки в I в. сооружали из дерева, начиная с Траяна – из камня.

Согласно реконструкциям археологов, римский легионный госпиталь представлял собой типовую застройку площадью 100×60 м⁸. Здание прямоугольной формы имело внутренний дворик. Большую часть госпиталя занимали солдатские палаты, в каждой из которых размещалось по 4-6 человек. В угловых, более просторных, комнатах устраивались офицеры. Каждый госпиталь был обеспечен системой центрального отопления. Операционные могли находиться в специальных небольших помещениях во внутреннем дворике. Лекарства и медикаменты хранились в керамических сосудах в особых складских помеще-

ниях. Непременным атрибутом госпиталя было святилище Эскулапа и Гигнеи. Важное место в римской системе оздоровления раненых и больных воинов играли водные процедуры. В каждом госпитале обнаружены ваннные комнаты, а то и целые бассейны. Порой бани выделялись в отдельное строение. Так, в легионной крепости Карлеон (Великобритания) недавно выявлено каменное строение терм квадратной формы с бассейном. Оно занимало огромную площадь (100×100 м) и отличалось оригинальной архитектурой⁹.

Солдатские казармы располагались в ретентуре вдоль *via sagularis*. Строили их из кирпича и крыли черепицей. В соответствии с количеством когорт в легионном лагере было десять казарм. Каждое отделение из 8 человек (*contubernium*) занимало отдельную комнату, что делало условия жизни римских легионеров более комфортными, чем, скажем, у солдат современной российской армии. Как выяснили голландские археологи, реконструировавшие казарму в легионном лагере Ниймеген, уже римляне практиковали двухъярусное расположение коек¹⁰. Любопытно, что солдатские казармы имели портик – элемент сакральной и гражданской архитектуры, нашедший широкое применение и в зданиях военного назначения. В основании казарм или по соседству располагались жилища центурионов. Их площадь составляла 240-390 кв.м¹¹.

Временный лагерь легионеры, как можно судить по сообщению Иосифа Флавия, строили за 3-5 часов (*Bell. Jud. V. 2*). Устройство стационарной каменной крепости занимало, видимо, несколько лет. Строительными работами руководили профессионалы-архитекторы и землемеры, которым помогали специалисты из числа иммунов и принципалов. Черновую работу, ясное дело, выполняли рядовые солдаты.

Вслед за сооружением лагеря легионеры приступали к строительству дорог. Дороги имели, прежде всего, стратегическое назначение. Они связывали между собой приграничные укрепления и соединяли лимес с внутренними территориями Империи. Планируя устройство дороги, землемеры выбирали для нее самый прямой маршрут. И сегодня путешественник, проезжающий по Англии или долиной Рейна, сможет легко отличить дороги, проложенные по следам римских трасс, от путей, основанных на извилистых средневековых коммуникациях. Приступая к строительству, римляне прежде всего выкапывали на месте будущей дороги широкую канаву глубиной около 1 м, которую заполняли пятью слоями покрытия. Нижний опорный слой составляли плотно пригнанные друг к другу крупные камни. Затем шла поперечная отмостка из плоских плит. Третий слой представлял собой неболь-

шие камни, связанные цементом. Далее следовал гравий и, наконец, каменные плиты. На римском шоссе (*via calceata*) устраивалась колея для колесного транспорта шириной 143 см, ставшая впоследствии образцом для железнодорожной колеи. Именно на римской колее в начале XIX в. проходили испытания первого паровоза Дж. Стефенсона.

Для лучшей сохранности покрытия середина дороги была значительно выше краев, а для стока воды по краям дороги рыли специальные канавы, иногда вместо траншеи на месте будущей дороги делалась плотная земляная насыпь, поверх которой укладывали камни. Дорога такого типа называлась *agger*, ее ширина достигала 15 м, а высота насыпи – до 1,5 м¹². Протяженность римских дорог составляла около 80 тысяч км. Остатки римских дорог сохранились в швейцарских Альпах, в прирейнских немецких городах Трире, Майнце, Кельне, в египетской пустыне. В XVI в. немецкий картограф Конрад Певтингер составил карту дорог Римской империи от Галлии до Индии. Используя эту карту, израильтяне во время войны 1948 г. провели по полусыпанной песком римской трассе колонну бронетехники и заняли Эйлат под носом у благодушествовавших арабов¹³.

На плечах римской армии лежало обустройство дорог милевыми камнями¹⁴, постоянными дворами, часто являвшимися и небольшими фортами. Для бесперебойного обеспечения легионной крепости водой легионеры строили акведуки. Например, для обеспечения водой лагеря Бурнум в Далмации около 20 г. был построен каменный акведук длиной 32 км¹⁵, который давал 1200 л воды в сутки. В полукилометре от крепости располагался огромный резервуар площадью 140×25 м, которым заканчивался акведук. Акведук длиной 88 км обеспечивал водой Колонию Агриппины (нынешний Кельн). Самый длинный акведук был построен во времена Траяна для обеспечения водой Карфагена (132 км). Наиболее сохранившийся и, пожалуй, самый известный из провинциальных – акведук Пон-дю-Гар в окрестностях Нима (Франция).

Римская армия активно привлекалась к гражданскому строительству. В провинциальных городах солдаты, воплощая благоволение императоров, строили амфитеатры, триумфальные арки и колонны, храмы, городские стены, участвовали в восстановительных работах после чужеземных нашествий и стихийных бедствий¹⁶. Легионеры рыли каналы, трудились в каменоломнях и шахтах. Значительность строительных работ в жизни легионеров подчеркивают инструменты каменщиков, порой изображавшиеся на солдатских надгробных памятниках: кирка (*dolabra*), мастерок (*ascia*), резец (*scalprum*), линейка (*regula*), наугольник (*norma*), циркуль (*circinus*)¹⁷.

Римские легионы, особенно расположенные на европейских рубежах, в обеспечении повседневными ремесленными изделиями и продовольствием были вынуждены рассчитывать преимущественно на свои силы.

Во времена Республики снабжение продовольствием армии, находящейся вне Италии, осуществлялось за счет поставок со стороны местного населения и частично путем подвоза с Апеннинского полуострова. Занимались этим офицеры-логистики. Задержка войск в провинциях нередко губительно сказывалась на их экономике, служила причиной разорения местного населения, что порой приводило к антиримским восстаниям. С установлением Империи, пока легионы не обрели постоянных мест дислокации, порядок снабжения сохранялся прежний. Согласно сообщению Иосифа Флавия, описывавшего войну в Иудее в 60-х гг., легионеры на марше несли с собой паек на трое суток и серпы для сбора зерна (Ios. Flav. Bell. Iud. 3. 5, 5).

Зерно составляло основу походного рациона: около 1 кг на человека в день. Каждое отделение (*contubernium*) имело ручные жернова, а также котелки и сковороды для приготовления пищи¹⁸. В маршевый рацион легионера входили каша или жесткие лепешки (*bucellatum*), дешевое вино с уксусом (*posca*) и бэкон¹⁹. Часто солдаты шагали без завтрака, хотя продолжительность дневного перехода с полной выкладкой составляла не менее 15 км (*Veg. Epitoma rei mil. I. 27*). Если учесть то обстоятельство, что вместе с легионом (около 5-6 тысяч человек) передвигались свыше 600 вьючных животных: мулов, быков; более 100 лошадей для кавалеристов и офицеров, а также скот для жертвоприношений, не вызывает сомнений, что на марше войска просто опустошали поля местного населения. Теоретически каждый солдат должен был платить за питание из своего жалования, однако на практике это правило едва ли соблюдалось.

Стабилизация легионов в постоянных лагерях требовала создания серьезной продовольственной базы. Порой основная тяжесть по снабжению войск ложилась на население пограничных и прилегающих к ним территорий, обязанное поставлять продовольствие по фиксированным ценам или в виде повинности. Так, рейнская группа войск – крупнейшая в I в. – обеспечивалась провиантом в значительной степени из Галлии, а в снабжении дунайских легионов заметную роль играла Аквилея – один из крупнейших городов северной Италии. Осуществлением задачи обеспечения армии продовольствием руководил специально назначаемый императором прокуратор всаднического ранга.

Кроме того, заключались контракты на поставку провианта с гражданскими торговцами.

На границах, удаленных от продовольственных житниц Империи, обеспечение провиантом в значительной степени ложилось на плечи самой армии. Солдаты выращивали скот, сопровождали обозы и корабли с продовольствием. Окружающая лагерь территория (*prata*, а позже – *territorium legionis*) использовалась для прокорма скота, за которым присматривали специальные воины – *resuarii*. Там же, возможно, устраивались земледельческие хозяйства. Немалое значение для продовольственного обеспечения войск имела охота. Солдатский рацион разнообразило посещение находившихся в канаве таверн.

Основу солдатского питания составляли хлебопродукты. Лагерные амбары, судя по их размерам, были способны вместить годовой запас зерна²⁰. Зерно – пшеница и ячмень – шло на приготовление хлеба (для солдат – грубого помола, для офицеров – более качественного), каш, супов и всевозможных паст – дальних "предков" современных спагетти, а также пива, любимого в римской армии. Достойное место в диете легионеров занимали овощи и фрукты, многие из которых благодаря римской армии распространились по Европе. Солдаты, как было свойственно уроженцам Апеннин, любили бобы, чечевицу, капусту и редис. При раскопках легионных крепостей археологи находят обугленные косточки персиков, слив, вишен, яблок и груш. Деликатесной пищей у солдат считались оливки, выдержанные в винном сусле. Легионеры не забывали орехи: грецкие, фундук, каштан²¹. Из сладкого на столе легионеров не выводился мед, хранившийся обычно в керамических амфорах.

Было бы, однако, заблуждением полагать, ориентируясь исключительно на сообщения античных авторов, что солдатская диета была чисто вегетарианской (*Veg. Epitoma rei mil.* III. 3). Находки археологов показывают, что заметное место в питании легионеров занимало мясо. В гарнизонах вне конкуренции была пища настоящих мужчин – говядина, баранина, свинина в жареном или вареном виде. Количество жертвенных животных, предназначенных в конечном счете для солдатского стола, поначалу было невелико, но с увеличением числа праздников во II-III вв. существенно возросло. Скот разводили для получения мяса, молока и сыра.

Любопытен рецепт походной солдатской похлебки, которую легионеры варили на привалах во время марша. Берется 0,5 л молотых с помощью ручных жерновов зерен пшеницы, 2 л воды, 0,5 столовой ложки молотого черного перца, 1 столовая ложка соли, 1 растертый

зубчик чеснока, 50 г порезанного кубиками шпига, 100 г порезанной кубиками сырой говядины и варится на костре около 45 минут. Запивать лучше сухим красным вином²².

Любимым развлечением легионеров являлась охота. Мясо оленей, кабанов, диких быков и медведей приятно дополняло рацион. На бобров, волков и лисиц охотились отчасти из-за меха, но больше из спортивного азарта. В военных лагерях часто и в больших количествах держали домашнюю птицу: кур, уток, гусей. На Рейне у легионеров пользовалась популярностью охота на белого гуся, ценимого не только из-за мяса, но и из-за великолепного пуха. Достойное место в рационе римских воинов занимали рыба и морепродукты. Легионеры отдавали предпочтение осетру, щуке, тунцу, треске и губану. Не забывали и острые рыбные соусы, которыми, как известно, славилась римская кухня. Если *agum* украшал в основном стол командиров, а для солдат являлся редким деликатесом в силу дороговизны, то более дешевая и незатейливая *trugia* была кушаньем рядовых легионеров. Пользовались успехом на солдатском столе устрицы, мидии и всевозможные моллюски не только из моря, но и из пресноводных водоемов.

Римские воины, будучи подлинными носителями античных ценностей, знали толк в винах. "Карта вин" легионера была весьма обширна. Винный уксус – смесь вина с водой – в римской армии алкоголем не считался и являлся неременным спутником солдата во время марша и на сторожевом посту. После службы солдаты могли промочить горло в таверне, находящейся в гарнизонном поселке, дешевым молодым вином из ближайших провинций. Знаменитые рейнские и мозельские виноградники появились, вне всякого сомнения, под влиянием находившихся здесь в течение четырех с лишним веков римских гарнизонов. Дорогие зрелые вина везли из Испании, южной Галлии. Лучшие вина привозили из Италии: *lumra* с виноградников Везувия, *amine* – великолепное выдержанное белое вино, *pradzion* – с привкусом смолы и т.д. Вина перевозили и хранили в глиняных амфорах и в дубовых бочонках, отдельные экземпляры которых были обнаружены археологами при раскопках временного легионного лагеря в местечке Oberaden на Рейне в 1938 г.

Неизменным успехом у легионеров пользовался фруктовый коктейль *conditum tinctum*. Секрет его приготовления сообщает знаток быта римских воинов М. Юнкельман: 0,5 л сухого белого вина, желативно, греческого, с привкусом смолы, смешать с 0,5 л меда в большой емкости; нагревать до кипения, размешивая, снять пену; затем добавить 30 г грубо помолотого черного перца, 10 лавровых листьев,

10 г шафрана и 5 вымоченных предварительно в вине фиников без косточек; поварив эту смесь несколько минут, снять с огня; долить еще 1,5 л того же вина; употреблять охлажденным²³.

Не вызывает сомнений, что рацион легионеров был богаче, чем у типичных низов римского гражданства. Строгий контроль военных медиков за приготовлением пищи исключал возможность отравления в гарнизонах. Разнообразное и качественное питание, интенсивная физическая активность и эффективная медицинская помощь обеспечивали солдатам лучшее здоровье по сравнению с гражданскими лицами²⁴.

Напряженный ритм гарнизонной жизни солдат прерывался периодическими увольнениями. Иногда легионеры получали отпуск домой, но наиболее распространенным проведением солдатского досуга являлось посещение расположенных в гарнизонном поселке питейных заведений и борделей – лупанаров. Казалось бы, уклад жизни легионеров не оставлял времени и места на частную жизнь. Тем большее удивление вызывает то обстоятельство, что вопреки законодательному запрету на вступление легионеров в законный брак, существовавшему со времен Августа, и неустроенности гарнизонной жизни, некоторые легионеры умудрялись заводить стабильные семьи с женщинами-вольноотпущенницами. Об этом мы узнаем из солдатских эпитафий, в которых подруги легионеров определяются терминами *coniunx*, *uxor*, т.е. супруга, а также упоминаются их дети.

Возможно, феномен "солдатских жен" существовал еще во времена высокой мобильности легионов, но по источникам он прослеживается по мере их стабилизации. Раньше всего – к середине I в. – указанное явление обнаруживается на рейнской границе, при Флавиях – на Дунае. Вероятно, солдаты вступали в семейный союз чаще всего со своими бывшими рабынями. Есть, впрочем, мнение, что легионеры формально обращали в рабство свободных женщин peregrinского статуса из окрестного населения, а затем "освобождали" их для того, чтобы дети могли получить права римского гражданства. Как известно, дети вольноотпущенниц и отставных легионеров получали права римского гражданства, тогда как для peregrinов приобретение этого права было большой проблемой. Встречались среди солдатских подруг и урожденные римские гражданки, невесты как попавшие на далекую границу. Проживали солдатки с потомством в гарнизонных поселках – канабах. Основным источником их существования являлась финансовая поддержка "супруга". Не исключено, что для своего пропитания они обзаводились огородами на "легионной территории", занимались мелкой торговлей.

Командование, судя по всему, закрывало глаза на существование этих незаконных семейных союзов, но, что интересно, солдаты, обремененные такими связями, заканчивали службу чаще всего рядовыми²⁵. Императоры династии Северов признали право солдат вступать в законный брак и даже разрешили им жить с семьями за пределами военного лагеря. Тогда же легионеры получили дозволение на приобретение земли за пределами "Territorium Militaris" в частную собственность и на занятие предпринимательской деятельностью. Впрочем, есть основания полагать, что участие солдат в сделках по купле – продаже земли в пограничных провинциях начинается еще при Антонинах²⁶.

Семейные солдаты до эпохи Северов находились в явном меньшинстве. Социумом, в котором существовал легионер в течение 20, а то и более лет своей службы, служило отделение, в немалой степени – центурия и отчасти – легион. Интересно, что основная часть заздравных посвячительных надписей, составленных легионерами, касается центурии. Равным образом, центурия, а не когорта указывалась на личном оружии легионера наряду с его именем. Очевидно, когорта – коллектив из 500 человек – являлась чисто тактической единицей и воспринималась солдатами только как формальное объединение. Видимо, в основном, внутри центурии, составлявшей 80-100 человек, завязывались товарищеские отношения, складывались компании легионеров. В солдатских эпитафиях часто встречаются такие обращения, как *contubernalis*, *commilitio*, *contiro*, *frater* в значении "друг"²⁷, хотя слово "*amicus*" также использовалось нередко. Именно друзья-сослуживцы чаще всего устраивали погребение умершему солдату, наследовали его имущество – *peculium castrense*. Солдат связывали земляческие узы, общность "призыва", приверженность какому-либо специфическому культу²⁸. Существовали также объединения солдат, занимавших одинаковые посты и исполнявших одинаковые функции в среде иммунов и принципалов: бенефициариев, аквилиферов, имагиниферов и т.д. Люди, связанные таким образом, в надписях именовались *collegae*.

При Северах для воинов такого уровня было разрешено создание коллегий, игравших роль касс взаимопомощи не только в случае погребения, как обычно указывается в литературе, но и в случае различных чрезвычайных ситуаций, подстерегавших воина во время службы. Объединенные в микрогруппы воины воспринимали свой легион как особое сообщество и гордились принадлежностью к нему. Сражение часто превращалось в подлинное соревнование в доблести и воинском

мастерстве между центуриями легиона и между легионами. В римской армии не существовало единой униформы, а легионы различались значками на щитах, особым украшением на шлемах, цветом покрытия доспехов, каким-либо специфическим оружием, например, кинжалами, бывшими в моде среди легионеров в Германии.

На страхе потерять уважение патрона – императора и своих сослуживцев была основана система штрафов и наказаний в римской армии. У римлян сохранялась давняя традиция сурового карания ослушавшихся воинов. С легендарных времен практиковалась казнь выбираемого по жребью каждого десятого из воинской части, утратившей свое знамя, бежавшей с поля боя или взбунтовавшейся – *decimatio*. В начале III в. до н.э. был принят закон о смертной казни для уклонявшихся от военной службы²⁹. Прославлялись воины, которые предпочли самоубийство пленению³⁰.

Угроза децимации, как крайней меры наказания, сохранялась в римской армии и во времена принципата. Мера эта, рассчитанная обычно для центурии или когорты, могла быть распространена на целый легион. Смысл процедуры состоял в том, чтобы кровью искупить позор, павший на воинскую часть. Каждый десятый воин провинившегося подразделения, выбранный по жребью, подвергался казни, называемой *fustuarium*. Четверо сослуживцев должны были забить приговоренного палками до смерти перед всем строем. Децимации мог быть подвергнут и отдельный солдат за оставление караульного поста, нарушение субординации в тяжелой форме или четырехкратное совершение более легких проступков³¹. Необходимо отметить, что во времена принципата децимация как коллективная мера наказания применялась исключительно редко. Источники лишь однажды сообщают, как при императоре Тиберии была децимирована когорта легиона III Augusta в Нумидии (Тас. *Ann.* III. 21). Право децимации имели только император, распоряжавшийся жизнью и смертью воинов на правах *patris familias*, либо его непосредственный заместитель – наместник провинции.

Римская децимация, очевидно, послужила образцом для распространенного в российской и прусской армиях Нового времени наказания шпицрутенами, описанного Л.Н. Толстым в рассказе "После бала". С децимацией было связано наказание, налагавшееся на остальных воинов проштрафившегося подразделения. Они должны были разместиться за пределами лагеря, подвергаясь насмешкам товарищей и угрозам нападения врагов, а также с пшеничного хлеба перейти на ячменный.

Следующей карательной мерой являлась позорная отставка без наград и привилегий – *missio ignominiosa*, налагавшаяся как на целые воинские части, так и на отдельных воинов в случае проступков, при наказании за которые можно было избежать смертной казни. В случае целых подразделений позорная отставка сопровождалась *damnatio memoriae* – забвением памяти, которая выражалась в стирании любых официальных письменных упоминаний о данной воинской части. Любопытно, что даже казармы подразделения, подвергнутого децимации, позорной отставке или разгромленного в бою, подлежали уничтожению.

Распространенным наказанием как коллектива, так и индивида являлись денежные штрафы. Практиковалось также разжалование и перевод в менее престижный род войск: например, из легиона во вспомогательные войска, из конницы в пехоту. За меньшие прегрешения наказывали заключением в карцер, который был в каждой легионной крепости, или суточным стоянием у позорного столба возле резиденции легата в унижительной позе и с каким-либо вызывающим смех предметом в руках. Кроме того, провинившихся лишали увольнения, назначали дополнительную строевую подготовку, караульную службу, какую-либо работу. Все эти наказания мог налагать командир легиона.

В случае менее значительных нарушений легионеры подвергались телесным наказаниям – *castigatio*, налагавшимся и исполнявшимся центурионами, у которых всегда наготове были розги. Тацит упоминает злоупотреблявшего этим правом центуриона, имевшего прозвище "Давай новую!", так как в экзекуторском восторге тот часто ломал розги о солдатские спины (Тас. Ann. I. 23).

ГЛАВА VI

РЕЛИГИЯ И ПРАЗДНИКИ РИМСКИХ ЛЕГИОНОВ

О религиозной жизни римской армии республиканской эпохи известно немного, ибо вплоть до военных реформ Гая Мария солдаты полностью идентифицировали себя с гражданским коллективом и не нуждались в особых формах проявления религиозных чувств. Другое дело, что менталитет и, соответственно, религия гражданского коллектива римского полиса имели черты, которые, по нашему мнению, можно определить современными понятиями "милитаризм" и "империализм"¹. После военной реформы Гая Мария появилась первая форма культовой практики, присущая исключительно военным: почитание боевых значков и, особенно, легионного орла.

С возникновением Империи и образованием постоянных легионов оформляется удивительный феномен "военной" религии. Предназначенные для армии культы были призваны обеспечить лояльность войска правителю, а также способствовать приобщению провинциализирующихся легионов к системе римских духовных ценностей².

В каждом военном лагере, а именно в здании комендатуры, находилось *aedes principium* – знаменное святилище. Замечательная реконструкция такого святилища была предпринята на рубеже XIX-XX вв. Т. Моммзенем при восстановлении рассчитанного на когорту кастелла времен Септимия Севера на германском лимесе в Заальбурге. Там находились войсковые значки, легионный орел, статуи наиболее почитаемой в Римской империи капитолийской триады: Юпитера, Юноны и Минервы, а также статуи принцевсов. Кроме того, своеобразные часовни были в каждом строении внутри лагеря и прежде всего в казармах.

Юпитер – главный бог римлян – почитался военными под многими эпитетами: *Conservator*, *Depulsor*, *Fulgurator*, *Fulminator*, *Monitor*, *Paternus*, *Salutaris*, *Prestitus*, но чаще всего *Optimus Maximus* (Всеблагой Величайший). Именно в последнем качестве он выступал покровителем Римского государства. Главным имперским богом Юпитер стал не сразу. Поначалу он был оттеснен богами – персональными покрови-

телями властвующих особ: Венерой, Марсом, Аполлоном. Нерон возродил ведущую роль Юпитера как патрона принцепса в государственной религии³. Войска и связанное с ними приграничное население на постулат о связи императора и Юпитера ответили строительством гигантских каменных колонн, посвященных Юпитеру Всеблагому Величайшему и царствующим особам. Наиболее известная колонна Юпитера находится в Майнце⁴. Юпитеру посвящались триумфы и овации, а также *supplicatio* – праздничные молебны – в капитолийском храме по случаю выдающихся побед римского оружия. Каждый год, 3 января, в день принесения присяги, на легионном плацу торжественно устанавливали новый алтарь в честь Юпитера Всеблагого Величайшего, а старый алтарь зарывали в землю. Немало таких алтарей обнаружено при раскопках военных лагерей в Британии⁵. Юпитеру приносилась главная жертва в день рождения легиона. Подобно тому как строительство города римского права начиналось с сооружения храма капитолийской триады, образование ветеранских колоний начиналось с торжественного установления алтаря в честь Юпитера. Известно множество индивидуальных посвящений Юпитеру Всеблагому Величайшему от военных самых разных рангов и от ветеранов. С Юпитером был связан легионный орел – самая большая святыня среди войсковых знамен, потеря которой вела к расформированию воинской части. Легионного орла в сражении охраняла первая – тысячная – когорта под руководством центуриона-примипила. Легионные орлы изготовлялись из бронзы и покрывались либо позолотой, либо серебром. В эпоху принципата легионный штандарт представлял собой прикрепленную к длинному древку фигурку орла в вертикальном положении с распростертыми крыльями и удлиненным хвостом (как на германском гербе). После реформ Константина орлы на римских штандартах сохранились, но их стали изображать в горизонтальном положении (как на гербе США)⁶.

Минерва и, особенно, Юнона поодиночке не были особенно популярными у военных, за исключением принципалов, часто посвящавших индивидуальные инскрипции Минерве как патронессе *litterati homines*, т.е. людей, причастных к занятиям, требующим грамотности и квалификации⁷.

Из божеств официального пантеона за пределами "большой тройки" особым расположением легионеров пользовался Марс, наделенный множеством эпитетов: *Ultor*, *Pater*, *Victor*, *Militaris* и т.д. Наиболее знаменит Марс-мститель (*Ultor*), активно пропагандируемый Октавианом-триумвиром ввиду неизбежного возмездия убийцам Цезаря, а также парфянам. Персональные посвящения Марсу-мстителю от

простых воинов появились, по всей видимости, в связи с победами над внутренними и внешними врагами, которых человеку всегда было свойственно рассматривать как обидчиков. Археологи часто находят внутри легионных лагерей посвящения Марсу-кампестеру (полевому), оставленные военными инструкторами из числа иммунов и принципалов.

Начиная с Траяна приобретает популярность в войсках Геркулес, считавшийся при Антонинах покровителем императоров. Принцепсамстоикам, а вместе с ними и воинам весьма импонировал сын Юпитера – непобедимый воин, неустанный борец за улучшение жизни простых людей⁸. Известно немало посвящений Геркулесу от солдат и гражданского населения лимеса.

Еще при Августе складывается круг абстрактных божеств, олицетворяющих морально-этические ценности Империи и потому чтимых в армии. Центральное место среди них занимает богиня победы – Виктория. Пропаганде Виктории как богини военной победы уделяли значительное внимание Гай Марий и Юлий Цезарь⁹. Поначалу считавшаяся богиней военных побед, Виктория при Антонинах стала богиней любых жизненных успехов, а потому широко почиталась и гражданским населением западных провинций¹⁰. В отличие от других абстрактных божеств, иконографическая идентификация которых затруднительна, Виктория изображалась, как правило, в виде женщины, возлагающей венок на голову императора¹¹.

Из римских божеств, обозначавших определенные морально-этические качества, военными наиболее почитались те, которые имели непосредственное отношение к войсковой службе: *Virtus*, *Disciplina*, *Honos* и *Pietas*. Особую популярность эти культы приобрели при Антонинах, уделявших много внимания укреплению боевого духа и дисциплины в занятых сооружением лимеса войсках¹². Император Адриан считался переоснователем культа Дисциплины. С того времени, по мнению ученых, и возник культ Дисциплины в армии¹³. В связи с переходом к системе местного комплектования актуальным был введенный Адрианом культ Рима (*Roma Aeterna*). Тесно связанный с культом императоров, этот культ должен был укреплять духовную связь легионеров, большинство которых никогда не бывало в Риме, с имперской столицей, вселять в них уверенность в вечности Рима не только как города, как столицы, но и как воплощения идеи Империи в целом¹⁴.

С установлением принципата в провинциях возник культ Августа и Рима. Культ этот имел в большей степени политическую окраску и призван был демонстрировать лояльность провинциальных элит к вла-

дыкам Рима. Когда начиная с Веспасиана в номенклатуре принцепсов в качестве постоянного элемента утвердился титул императора¹⁵, культ лояльности Римскому государству можно стало с полным основанием называть императорским. Если на Востоке императорский культ формировался по инициативе региональных элит, стремящихся через участие в этом культе, предполагавшем общение с живым правителем, влиять на положение дел в своих провинциях, то на Западе этот культ инициировался представителями Римского государства, прежде всего высшими военными командирами. Равно как на Востоке существовала давняя традиция обожествления правителей, так и на Западе был известен обычай героизации выдающихся вождей. Его проявлением, как мы полагаем, можно считать культ Августа. Один из самых ранних примеров подобного рода известен в Испании. По завершении войн на северо-западе Пиренейского полуострова в 19 г. до н.э. легат Л. Сестий установил три (по количеству участвовавших в войне легионов) алтаря, посвященных Августу¹⁶. Это святилище, как полагает Р. Этьен, способствовало становлению возникшего здесь впоследствии римского муниципия *Lucus Augusti* в качестве религиозного центра региона¹⁷. С деятельностью видных военачальников – Друза и Тиберия – связано образование провинциального центра культа Августа в *Lugdunum* (12/10 г. до н.э.) и *Ara Ubiorum* (8/7 г. до н.э.-5 г.), который не стал культовым центром провинциального значения только по причине задержки с образованием провинции Нижняя Германия. Вероятно, после смерти Августа был организован провинциальный центр культа Августа в столице Норика *Virunum*¹⁸. В конечном счете центры императорского культа появились в каждой провинции. М. Крашенинников, первым из русских ученых обратившийся к изучению императорского культа на Западе империи, выявил интересную закономерность, подтвержденную со временем: чем менее романизирована территория, тем раньше там возник императорский культ¹⁹.

Особенностью императорского культа на протяжении почти трех столетий являлось то, что согласно римской традиции правитель при жизни богом не считался. В глазах римлян Август, сравнимый с греческими Героями, находился между миром людей и миром богов. Как и боги, Август обладал *pumen* – сверхчеловеческой силой, которая сама по себе, подобно гению и добродетелям принцепса, становилась объектом культа. Обожествлению подлежали только те из умерших императоров, которые, по мнению сената, имели право на апофеоз. Однако и в этом случае *divus* принцепс не становился подлинным богом. В I-II вв. к нему никогда не обращались с молитвами и обетами²⁰. При Ад-

риане возобновилось впервые введенное Калигулой посмертное обоже-
ствление членов императорской фамилии, в том числе женщин²¹.
Септимий Север установил пожизненное обожествление членов императорской семьи. В германских гарнизонах, например, особо почиталась его супруга Юлия Домна, обладавшая титулом *Mater castrorum* (Мать лагерей). С этого времени статуи правящих императоров и их родственников стали выставляться в знаменных святилищах наряду со статуями государственных божеств и знаменами. Впрочем, впервые титул *Mater Castrorum* получила супруга Марка Аврелия Фаустина-младшая во время сарматских войн²².

Ориентализация императорского культа, начатая Септимием Севером, продолжалась во второй половине III в. В условиях жесточайшего кризиса, охватившего государство, была предпринята попытка теологизации императорского культа²³. Культ императоров, называвших себя "бог и господин", стал тесно связан с культом солнца и культом времени. Каждый из правителей-временщиков, изображаемых обычно в лучистой короне, декларировал наступление "счастливого века", между тем, как "век" их был весьма короток: на императорском престоле в III в. сменилось свыше 30 правителей. В III в., как показывают источники, изменяется характер религиозности солдат и офицеров по отношению к официальным божествам, включая культ императоров. Если прежде исполнение официальных культов носило коллективный и в какой-то степени формальный характер, то в III в. появляется значительное количество индивидуальных обращений с молитвами и обетами²⁴.

Императорский культ не был распространен среди гражданского населения в такой степени (его поддерживали, в основном, провинциальные верхи; состоятельная и общественно активная часть вольноотпущенников, объединенная в коллегии севиров и августалов; а также ветеранство), как в армии. Специфической армейской формой императорского культа являлся культ знамен. Каждая манипула в легионе имела специальный значок с изображением правителя или члена его семьи (*imago*). Большие статуи властвующих особ, также игравшие роль *imago*, в III в. стояли в каждом знаменном святилище, а маленькие статуэтки и медальонные изображения можно было обнаружить в каждой солдатской казарме. В период правления Юлиев-Клавдиев портреты принцев и членов их семей изображались на солдатских медалях. С культом правителей во многих случаях были связаны и *signa* – имевшиеся в каждой манипуле значки с легионной эмблемой (см. приложение I). За редким исключением, на легионных эмблемах

изображались животные, как правило, соответствующие принятым в Риме знакам Зодиака. Выбор легионной эмблемы мог быть определен исходя из дня рождения основателя легиона или даты основания самого легиона, выдающегося события в жизни воинской части. Порой он зависел от бога, в честь которого назван легион²⁵. Наиболее популярные в качестве легионных эмблем бык и козерог связаны с месяцами, на которые пришлось дни рождения основателей большинства воинских частей – Юлия Цезаря (17 апреля – 18 мая) и Октавиана Августа (17 декабря – 15 января)²⁶. Соответственно, Лев и Пегас (знак халдейской зодиакальной системы, приверженцем которой был Веспасиан) появились на эмблемах легионов, основанных родоначальником династии Флавиев, а Овен – на эмблеме легиона, образованного Домицианом²⁷ и т.д. До реформ Септимия Севера изображения животных на знаменах помещали под фалерами, а затем – наоборот²⁸. По представлениям легионеров, *signa*, включая легионного орла, обладали сверхъестественной силой – *pumen*, наподобие подлинных богов. Некоторые ученые полагают, что в придании *signa* сверхъестественных способностей проявлялся тотемизм²⁹. Начиная с Траяна в легионах появились новые виды знамен – заимствованные у парфян или задунайских народов значки с изображением драконов.

Все перечисленные культы находили отражение в религиозном календаре римской армии. Римский календарь как таковой сложился под воздействием не только хозяйственного, но и военного годового цикла. Думается, не случайно год у римлян начинался в марте – месяце, посвященном богу войны, когда возобновлялись военные действия. В архаический период война у римлян была занятием систематическим: боевые действия против соседей ежегодно начинались в марте и заканчивались в октябре, зима же традиционно считалась мирным временем года. Соответственно, существовали мартовский и октябрьский циклы празднеств, посвященные началу и окончанию военных действий³⁰. Присущих только военным религиозных празднеств и ритуалов в республиканский период, видимо, не было. Многие же ритуалы республиканской поры, как, например, очищение (*lustratio*) легионов и военных лагерей после завершения военных действий, совершались и в эпоху Империи (CIL V. 808; XIII. 6618. 6623; III. Suppl. 8112). Так, люстрация легиона осуществлялась путем принесения тремя сигниферами (знаменосцами) в жертву свиньи, барана и быка под призором центуриона-примипила³¹.

Первый исследователь культовой практики императорской армии А. Домашевски высказал убежденность в возникновении при принци-

пате особого, "военного", религиозного календаря. Мнение это утвердилось в научной литературе первой половины XX в. Между тем в 1932 г. американская археологическая экспедиция под руководством М.И. Ростовцева при раскопках римской крепости III в. *Dura Europos* в Сирии обнаружила папирус с расписанием праздничных дней находившейся там когорты вспомогательных войск на 224-235 гг.³² В тот период разница между вспомогательными частями и легионами, как известно, стерлась и, следовательно, этот календарь – *Feriale Duranum* – был принят во всей римской армии. Его исследование, опубликованное А. Ноком уже после кончины М.И. Ростовцева, показало, что религиозный календарь армии незначительно отличался от гражданского³³. Большую часть "красных дней" календаря составляли дни рождения обожествленных и здравствующих правителей, а также их родни, начиная с Юлия Цезаря. Важное место в календаре занимали празднества, связанные с традиционными римскими богами. Самым значительным из них были Сатурналии (17-23 декабря). Сугубо военных праздников было несколько: 7 января – день выплаты первого жалования новобранцам и увольнения ветеранов; *Rosalia signorum* – день поминовения предков (10 и 31 мая), который в армии выражался в почитании украшенных розами боевых значков³⁴. Интересно, что именно войсковые праздники (в первую очередь принесение присяги, сопровождаемое почитанием *imago* императора, и Розалии) стали объектом критики раннехристианских писателей³⁵. Раннехристианская традиция, стремясь опорочить старые культы, нередко придумывала о них всякие небывшие, как, например, о человеческих жертвоприношениях во время армейских Сатурналий³⁶. Типично военным празднеством являлся также день рождения легиона, когда основным объектом почитания становился значок с эмблемой легиона. Значительное расширение военного праздничного календаря во II и особенно в III в. ученые рассматривают как вынужденную меру, направленную на романизацию воинов-уроженцев пограничных провинций, зачастую не следовавших в должной мере римско-италийским традициям. Праздники, случавшиеся в среднем через каждые две недели, давали солдатам легальную возможность отдохнуть от тягот гарнизонной жизни. В эти дни допускались послабления в режиме, организовывались обильные угощения с мясом, фруктами и вином.

Мы полагаем, что чисто войсковые ритуалы римскими воинами воспринимались как действия религиозного характера. Основной формой войскового ритуала являлся парад. Парад сопутствовал любому торжественному событию в жизни воинской части: государственным

праздникам, принятию присяги, выплате жалования, выдаче донативов и боевых наград. Готовясь к параду, солдаты чистили до блеска вооружение и приводили в порядок боевую экипировку. Неначищенное оружие считалось признаком недисциплинированного солдата, а у римлян это граничило со святотатством. Парадная форма существовала только у командного состава, включая центурионов (парадные доспехи и шлемы). Парадные шлемы имелись также у отдельных категорий солдат: всадников и сигниферов. Остальные выходили на парад в обычном снаряжении, но поверх панцыря надевали боевые награды, а к шлему прикрепляли плюмаж и расчехляли обычно зачехленные щиты.

Для парадов возле крепости строили специальный плац площадью около 3 га³⁷. Вдоль плаца ставились алтари важнейших богов Римского государства. Сооружался также трибунал – особая трибуна, с которой командующий, а то и сам император принимал парад. Согласно давней традиции, перед парадом командующий обращался к личному составу с речью. Любопытно, что некоторые императоры, как, например, Антонин Пий, никогда не бывавшие в войсках, в целях пропаганды выпускали монеты с собственным изображением в военной форме во время принятия парада войск³⁸. У трибунала устанавливались легионные знамена. Парад устраивался и во время военных действий для поднятия духа у своих и устрашения противника, как, например, сделал командующий римской армией Тит Флавий во время напряженной битвы за Иерусалим (Ios. Flav. Bell. Iud. VI. 9).

Особым событием в жизни воинской части, как упоминалось, являлся день принятия присяги – 3 января. Присягу приносили все воины независимо от года службы. В отличие от республиканских времен, когда текст присяги зачитывал один человек, а остальные хором повторяли "idem in me" (также и я), в императорской армии все воины хором произносили слова присяги – *sacramentum* – перед значками с изображениями принцепса, что, кстати, также резко критиковалось раннехристианскими писателями. Строго говоря, римские воины в течение года присягали дважды: 3 января и в день инаугурации правящего принцепса. Присяга считалась священной клятвой, нарушение которой влекло за собой кару со стороны людей и богов. После принесения присяги старый алтарь Юпитера Всеблагого Величайшего, стоявший на краю парадного плаца, торжественно зарывали и устанавливали новый.

В праздничные дни воинам выдавали жалование (*stipendium*), премиальные (*donativa*) и боевые награды (*dona militaria*). Во времена Республики у римлян существовали следующие виды вознаграждения

отличившихся в бою воинов: денежная премия, больший по сравнению с остальными размер добычи, трофеи в виде оружия и украшений с поверженных противников, а также *dona militaria* – особые знаки воинского отличия³⁹. Награды последнего типа распространяются в основном после военной реформы Гая Мария. Феномен *dona militaria* наряду с возникшей в то же время проблемой ветеранского вознаграждения свидетельствует, на наш взгляд, о зарождении в среде военных профессионализма. Для солдат все большее значение приобретала оценка их заслуг не гражданским коллективом в целом, а сослуживцами и командованием в специфических, понятных прежде всего воинам формах. Prestиж боевых наград в представлении легионера превышал их денежную стоимость. Наиболее распространены были следующие типы *dona militaria*: венки различных достоинств (*coronae*), флажки (*vexilla*), особые копыя, не применявшиеся в бою (*hasta pura*), ожерелья (*torques*), браслеты (*armillae*), медали (*phalerae*). Ни в одной армии древнего мира не существовало столь развитой системы боевых наград, как у римлян.

С установлением Империи и завершением процесса профессионализации армии награды стали делиться на офицерские и солдатские. За редкими исключениями, венки, флажки, копыя становятся офицерскими наградами. Круг солдатских наград ограничивается ожерельями, браслетами и медалями⁴⁰. Ожерелья и браслеты известны как воинские украшения и символы знатности у некоторых индоевропейских народов: скифов, кельтов и т.д. У римлян они входят в обиход, скорее всего, в результате войн с галлами, первоначально как вид военного трофея. Однако, если противники римлян носили ожерелья на шею, а браслеты – на запястьях рук, то римские солдаты крепили их при помощи специальных кожаных петель на нагрудную часть панциря⁴¹. С начала Империи ожерелья и браслеты вручались отличившимся воинам от рядового до центуриона обычно парами и часто одновременно: и ожерелья, и браслеты. Изготавливались эти награды из различных металлов, покрывались серебром и золотом. Позолоченные награды считались более почетными. Отсутствовал единый дизайн изготовления использовавшихся в качестве *dona militaria* ожерелий и браслетов. Археологам эти награды практически не попадаются, и судить о их внешнем виде можно только по изображениям на солдатских надгробиях. Известно чуть более тридцати памятников со всей территории Римской империи, где изображены *dona militaria*⁴². На них можно наблюдать как замкнутый, так и не замкнутый тип ожерелья. Среди браслетов преобладали плоские, широкие, лишенные каких бы то ни было укра-

шений, хотя попадались и украшенные "змеиным" рисунком. Как индивидуальные награды *dona militaria* вручались только воинам, обладавшим правами римского гражданства. Известны случаи, когда почетными ожерельями и браслетами награждались целые воинские части, причем и из вспомогательных войск, состоявших обычно из неграждан. Макет награды прикреплялся к знамени воинского подразделения, а сам факт награждения отражался в его названии. Так, некоторые конные и пехотные части вспомогательных войск носили титул *Torquata* или *Armillata*.

В эпоху раннего принципата римские воины одновременно с награждением ожерельями и браслетами часто отмечались медалями. Медали (*phalerae*) как знак воинского отличия известны у римлян с начала Республики, однако награждались ими первоначально только конники. В период поздней Республики медали становятся наградой и для легионеров – пехотинцев. Наиболее известны металлические – чаще бронзовые и покрытые серебром или золотом – медали. Больше всего их обнаружено на Рейне, где в первой половине I в. располагалась наиболее многочисленная группировка римских войск. Научное изучение металлических медалей началось в середине XIX в.⁴³ Римские металлические медали представляли собой большие и маленькие диски, разнообразные по оформлению. Известны гладкие и плоские фалеры, а также с шишечкой в центре и с расходящимися от него концентрическими кругами. Такие медали порой трудно отличить от похожих на них бляшек, украшавших португепу солдат и конскую упряжь⁴⁴. На медалях изображались также головы богов, духов подземелья, птиц, львов⁴⁵. Наиболее популярными были изображения Горгоны Медузы. Судя по изображениям на солдатских памятниках, металлические медали выдавались легионерам не по одной, как принято в современных армиях, а целыми наборами из 5, 7, 9 штук. У римских медалей не было колодок. Различными способами они, часто разные по величине и рисунку, крепились к кожаным ремням, которые в свою очередь соединенные вместе наподобие португеи, через голову одевались поверх доспехов.

Менее распространены были медали из стекла, чаще всего, темно-синего цвета. В настоящее время известно около 70 их экземпляров⁴⁶. Большинство стеклянных медалей имеет диаметр 37-42 мм⁴⁷. Известные ученым с XIX в., они не всеми специалистами воспринимались как *dona militaria*. Дело в том, что стеклянные фалеры всегда попадались археологам поодиночке, тогда как римские военные медали, по мнению ученых, привыкших к *dona militaria* из металла, должны

быть в комплекте из 5, 7, 9 штук. То обстоятельство, что стеклянные медали встречались археологам без рамки и крепежного механизма, позволяло считать их разновидностью гемм. Кроме того, наряду с иконографическими сюжетами, типичными для фалер из металла: горгонами, божествами из разряда *dii militares* – Викторией, Геркулесом и т.д., на большинстве стеклянных медалей изображены не встречавшиеся до того на военных наградах мужские головные портреты, иногда – в сопровождении детей, изредка – одиночные женские головные портреты.

Сопоставление этих изображений с иконографией римских гемм и монет, а также скульптурных портретов не оставляет сегодня сомнений в правоте германского знатока римского искусства Л. Курциуса, впервые предположившего, что это – портреты реальных людей с явно выраженными индивидуальными чертами⁴⁸. Визуальные изображения императоров и членов их фамилий широко использовались в развитой династической пропаганде I в.⁴⁹. Вслед за А. Альфельди многие ученые сегодня считают, что на стеклянных фалерах изображались императоры и наследные принцы из династии Юлиев-Клавдиев с сыновьями, изредка – их жены⁵⁰. А. Альфельди одним из первых предположил, что стеклянные фалеры – разновидность *dona militaria*, крепившиеся, вероятно, к панцрю посредством металлической рамки с застежкой на кожаные ремни портупей⁵¹. В середине 70-х гг. догадка А. Альфельди была подтверждена хорватом Б. Илаковацем и швейцарцем Г. Юкером, на основании обнаруженных фрагментов реконструировавших механизм крепления стеклянных фалер к панцрю⁵². Наиболее часто на стеклянных фалерах изображались поодиночке или с сыновьями императоры Тиберий, Клавдий, а также Германик – видный полководец, любимец рейнских легионов, намечавшийся, если бы не его внезапная кончина, в преемники Тиберия⁵³. Единственной из женщин императорской фамилии удостоилась изображения на военных медалях Агриппина Старшая – жена Германика и мать Гая Калигулы, очень популярная в армии и в восточных провинциях, считавшаяся воплощенным идеалом патрицианской матроны⁵⁴.

В конце XIX в. французский знаток античной торевтики М. Бабелон опубликовал каталог камей из собрания Парижской Национальной библиотеки, в котором несколько гемм из полудрагоценных камней он на основании находившихся на их тыльной стороне перекрещивающихся каналов определил как воинские медали эпохи ранней Римской империи⁵⁵. По мнению М. Бабелона, на этих геммах были изображены Горгоны. Предположение М. Бабелона, обнаружившего еще

один тип римских воинских медалей, долго игнорировалось специалистами. Между тем активная работа по публикации каталогов античной тореvтики из европейских музеев, развернувшаяся в 1960-1970-х гг., подтвердила существование очень небольшой группы римских фалер из полудрагоценных камней (халцедона, агата, сардоникса, топаза, ультрамарина), на которых изображались главным образом персоны из императорского дома Юлиев-Клавдиев⁵⁶. На некоторых геммах сохранились фрагменты металлической оправы. Возможно, у каменных фалер были разные способы крепления: индивидуальный, аналогичный имевшемуся у стеклянных медалей, и посредством пропускания кожаных ремешков через сквозные отверстия в тыльной стороне подобно фалерам из металла. Круглые или овальные по форме геммы – фалеры имеют диаметр от 15 до 60 мм. В конце 1980-х гг. ведущий российский специалист по античной тореvтике О.Я. Неверов предположил о существовании еще одной разновидности римских каменных фалер – с изображением так называемых "Амуров" – на основе анализа двух гемм из собрания Петербургского Эрмитажа⁵⁷. Стиль изображения "Амура" на них единообразен: луноподобное лицо симпатичного малолетнего ребенка с характерной косичкой, спущенной с темени на лоб. Геммы с "Амурами" из Эрмитажа имели на тыльной стороне пересекающиеся сквозные каналы, как и у некоторых каменных медалей. О.Я. Неверов предложил интересную интерпретацию изображения "Амура" на военной медали. С его точки зрения, в качестве "Амура" на этих фалерах изображен Гай – умерший в малолетстве сын Германика и Агриппины Старшей, старший брат будущего императора – тоже Гая – Калигулы⁵⁸. Аналогичные геммы с "Амурами", на что обратил внимание О.Я. Неверов, находятся в собрании Парижской Национальной библиотеки⁵⁹. Уже после публикации Неверова подобную каменную гемму также с крестообразными следами крепления на тыльной стороне, хранящуюся в Краковском Национальном музее, опубликовал Й. Слива⁶⁰. Польский исследователь считает эту гемму римской солдатской медалью и принимает неверовскую интерпретацию изображенного на ней "Амура". В 1990 г. при раскопках позднегладеновского некрополя Мокино в окрестностях Перми археологи Пермского университета в захоронении со следами сарматского влияния нашли халцедоновую гемму с изображением "Амура" и пересекающимися крест-накрест каналами на тыльной стороне⁶¹. О.Я. Неверов, осмотревший находку пермских археологов, признал ее римской фалерой, аналогичной хранящимся в Эрмитаже. Не касаясь дискуссии о путях проникновения античной геммы на Урал⁶², мы предполагаем, что серия каменных медалей с "Амурами"

(см. приложение 2) была изготовлена в правление императора Гая Каллигулы для награждения участников германского похода 39 г. Стремясь укрепить пошатнувшуюся лояльность рейнских легионов, принцепс приказал изобразить на медалях, вручаемых участникам переправы через Рейн, помимо своего портреты популярных в германской группе войск своих родителей – Германика и Агриппины⁶³, а также, по нашему мнению, умершего в раннем детстве брата – тезки императора.

Выпуск в качестве военных наград стеклянных и каменных медалей с изображениями членов императорской фамилии характерен только для периода правления Августа и династии Юлиев-Клавдиев (14-68 г.), когда еще не были забыты республиканские традиции и не был выработан принцип престолонаследования. Подданическая психология у наиболее значимых с точки зрения поддержки правящего режима социальных слоев еще только формировалась, а потому каждому новому императору приходилось завоевывать популярность, опираясь на традиционный институт патроната и клиентелы, а также на тесно связанный с ним механизм династической пропаганды. Боевые награды вручались легионерам чаще всего от лица императоров, реже – от имени полководцев, принадлежащих к императорской фамилии, таких как Тиберий и Германик в правление Августа, в единичных случаях – от лица военачальников, удостоенных триумфальных отличий, как было во времена Августа⁶⁴. Обыкновенно награды выдавались по случаю победных кампаний, удостоенных триумфа. В солдатских эпитафиях, как правило, указывается, какой именно император удостоил легионера награды и за какую войну. Порой авторы текстов эпитафий шли на нарушение *damnatio memoriae*, увековечивая в камне имя официально подвергнутого забвению того или иного правителя, как было, например, с Домицианом. Похоже, что факт награждения не оказывал значительного влияния на дальнейшую карьеру легионеров, и это было очевидной слабостью римской наградной системы. Металлические медали в качестве *dona militaria* для легионеров от рядового до центуриона использовались до начала II в., а затем они стали чисто центурионской наградой.

В эпоху Антонинов (II в.) начинается вытеснение *dona militaria*, включая браслеты и ожерелья, чисто материальными методами стимулирования отличившихся воинов: денежной премией, увеличением продуктового пайка, дополнительным увольнением и т.д. В эпоху Северов – период важных реформ в римской армии – *dona militaria* постепенно выходят из обращения. Одной из основных причин отказа от *dona militaria* является провинциализация легионов. Служба в легио-

нах к тому времени стала уделом солдатских сыновей и жителей прилегающих к лимесу территорий. Им республиканские военные традиции, рассчитанные на уроженцев Рима и Италии, были уже, безусловно, чужды, чего, впрочем, нельзя сказать об античной идеологии в целом. Кроме того, в течение II в. постепенно стиралась разница в социальном составе легионеров и солдат вспомогательных войск. К началу военных реформ Септимия Севера вспомогательные войска почти целиком набирались из римских граждан, а потому отпала необходимость подчеркивать специальными наградами особый статус легионеров. Со времени Маркоманских войн Марка Аврелия легионы начинают терять положение основного рода императорской армии, испытывая возрастающую конкуренцию со стороны вспомогательных войск.

Религиозная практика армии не ограничивалась исполнением официальных культов. Корпоративизм, присущий античному обществу, проявлялся у римлян в существовании культа гениев (духов-покровителей) всевозможных объединений и сообществ. Однако еще больше, чем среди гражданского населения, культ гениев был распространен в армии во II-III вв.⁶⁵

Культ гениев носил частный характер и потому посвящения гениям археологи находят, как правило, за пределами военных лагерей. Наибольшее число посвящений связано с гениями центурии и легиона, что говорит о том, что солдаты идентифицировали себя прежде всего с этими подразделениями. Гении были у погребальных коллегий, распространившихся при Северах среди солдатской верхушки. Не удивительно, что авторами посвящений являлись чаще всего иммуны и принципалы – воины, относящиеся к старшим солдатским рангам. В соответствии с римскими верованиями, гениев имели также императоры, боевые знамена и даже присяга⁶⁶. Постепенно культ гениев распространяется на топографию местности. Своих гениев обретали легионный лагерь, плац, казармы, госпиталь, склады и т.д. "Военные" гении изображались в виде безбородых молодых людей, обнаженных, реже – в тоге, держащих в руках рог изобилия и чашу с вином⁶⁷.

Важное место в религиозной жизни армии имели неофициальные культы заимствованных богов. Под воздействием работ Ф. Кюмона в литературе оформилось мнение, что иноземные, прежде всего восточные культы возникали в армии в основном благодаря солдатам, поскольку верования восточного происхождения якобы получили широкое распространение в народных низах в период ранней империи. Современные исследования позволяют говорить о том, что восточные

культы, связанные, как правило, с мистериями и идеей божества-спасителя, распространялись во II-III вв. преимущественно сверху, через патронажно-клиентские связи. Заимствованные с Востока божества культивировались принцепсами и имперской элитой в качестве персональных хранителей, а через них распространялись в среде государственных служащих и военных.

Египетско-эллинистические культы, издавна популярные у римской знати, распространились среди иллирийских легионов на рубеже I-II вв. Известные из Далмации и Паннонии изображения Исиды, Гора и Анубиса в военном снаряжении или с легионерским оружием хорватский ученый П. Селем связывает с культом императоров Домициана и Траяна⁶⁸.

Большую популярность в римской армии приобрели культы переднеазиатского происхождения. Одним из первых стал поддерживаться в римской армии – особенно среди рейнских легионов – культ Ваала из сирийского городка Долихена, воспринимавшегося солдатами как ипостась Юпитера (Юпитер Долихенский). Этот бог изображался в виде молодого бородатого мужчины, стоящего на быке, одетого в воинский панцирь, фригийский колпак, с топором и молнией в руках. Юпитер Долихенский пользовался особым покровительством династии Северов. Святилища его были уничтожены в течение нескольких лет ярым антагонистом Северов – Максимином Фракийцем⁶⁹.

Самым популярным из восточных богов в армии, безусловно, был иконографически близкий Юпитеру Долихенскому Митра. Первоначально считавшийся помощником Ахурамазды в персидском огнепоклонничестве, Митра постепенно стал самостоятельным богом. Под влиянием халдеев его культ был обогащен астральными мистериями. Первыми митраистами стали легионеры, вернувшиеся на Дунай после войн с парфянами в конце I в. Однако подлинный расцвет этого культа начался при Коммодe (конец II в.) и продолжался в течение всего III в. В это время митраизм являлся самой популярной восточной религией в зоне лимеса. В IV в. под воздействием гонений со стороны христианских императоров, а также в результате крушения античного общества на пограничных территориях Империи митраизм пришел в упадок.

Этот культ имел ряд черт, отличавших его от других восточных религий. Прежде всего митраизм не являлся культом умирающего и воскресающего бога. Кроме того, культ был лишен оргиастической окраски, поскольку Митра не имел божественной супруги. К участию в культе допускались только мужчины и от них требовалось неукоснительное соблюдение строгого морального кодекса. Согласно мифу

Митра был рожден скалой 25 декабря. Главный подвиг Митры – поимка и заклание белого быка. Эта акция рассматривалась как жертва богу Солнца, призванная победить смерть и освободить человечество. В соответствии с мифологией, святилища митраистов устраивались в пещерах или подземельях, которых немало обнаружено в Иллирике, на Рейне и в Британии. Участвовали в культе только избранные. Мистерии Митры показывали прохождение души через семь ступеней (семь астральных ворот) к Солнцу. Соответственно, существовали семь рангов посвящения: Ворон, Молодожен, Воин, Лев, Перс, Гелиодром, Патер. Каждый ранг имел посвященные ему планету, металл, а также специальные атрибуты. Ворон – самый младший в митраистской иерархии, игравший роль посланника Солнца, был наделен жезлом Меркурия, следующие за ним Молодожен – факелом и лампой, Воин – походным мешком, шлемом и копьем, Патер – представитель Митры на Земле – серпом Сатурна, фригийским колпаком, перстнем и жезлом⁷⁰. На митраистских собраниях все посвященные были скрыты под специальными одеждами и масками. Сами посвященные воспринимали себя как борцы со злом. Религия Митры, вселявшая в верующих оптимизм и любовь к жизни, тем не менее обходила стороной вопросы загробной жизни и посмертного воздаяния, приобретающие все большую актуальность.

Особняком относительно других восточных культов стояло христианство, распространявшееся прежде всего в нижних стратах общества. В армии христиане появляются в конце II в., что зафиксировано Тертуллианом (*Tertul. De corona militis*). Христианская традиция способствовала надолго утвердившемуся в научной литературе представлению о том, что евангельское учение едва ли не с начала своего существования подвергалось систематическим гонениям со стороны Римского государства, а христиане избегали военной службы. Современные исследования позволяют утверждать, что христианство подвергалось систематическим репрессиям, породившим феномен евангельского мученичества, только во второй половине III в., а многие христиане служили в римской армии, в том числе в легионах⁷¹. Религиозная терпимость, присущая римскому обществу в I-II вв., позволяла находить компромисс между требованиями лояльности императору и ненарушением христианских норм. Другое дело, что экстремисты от христианства – донатисты, к числу которых, видимо, принадлежал Тертуллиан, провоцировали единоверцев на принятие мученической смерти во имя Господа и призывали их, в частности, отказываться от принесения присяги и не принимать боевых наград.

Кроме восточных культов в легионах в II-III вв. были широко распространены местные – кельтские и германские – верования, что неудивительно, если принять во внимание источники комплектования легионов. Индивидуальные посвящения им ученые находят за пределами воинских лагерей.

ГЛАВА VII

СНАРЯЖЕНИЕ РИМСКОГО ЛЕГИОНЕРА

Вооружение римского легионера менялось с эволюцией тактики. Не касаясь детально военной тактики римлян, отметим только, что главной тенденцией ее модификации на протяжении республиканского периода был переход от монолитной фаланги-легиона, образованной по греческому образцу, к небольшим тактическим единицам – когортам, каждая из которых являлась фалангой в миниатюре, но более маневренной и защищенной. Соответственно, основной линией развития вооружения легионера к началу Империи было его облегчение и универсализация с тем, чтобы каждый воин был способен сражаться как в строю, так и индивидуально.

Защитное вооружение. Основу защитного вооружения римского воина составлял панцирь. До военной реформы Гая Мария (конец II в. до н.э.) легионеры чаще всего пользовались нагрудником из круглых и квадратных бронзовых пластин величиной 15-20 см, крепившихся к портупее¹. Затем нагрудник был вытеснен железной кольчугой (*logica hamata*), заимствованной, возможно, у кельтов. Кольчуга с короткими рукавами была удобна в ношении, не сковывала движения. Она эффективно защищала от колющих и рубящих ударов, значительно ослабляя силу удара дротиков и копий. Весила кольчуга 8-10 кг. В начале Империи появляются кольчуги с двойным покрытием на плечах, особенно популярные у кавалеристов. Облегченные (до 5-6 кг) и укороченные кольчуги находят применение во вспомогательных пехотных частях. Кольчуга оказалась типом брони, как свидетельствуют археологические источники, наиболее широко распространенным в римской армии вплоть до конца Империи².

Начиная с I в. входит в обиход панцирь из железных пластин, крепившихся медной фурнитурой к кожаной основе. Происхождение пластинчатой кирасы не совсем ясно. Возможно, она была заимствована легионерами из вооружения гладиаторов-крупеллариев, участвовавших в мятеже Флора Сакровира в Германии (21 г.). Таким образом можно было бы объяснить популярность защитного снаряжения этого

типа в рейнских легионах³. Пластинчатый панцырь был на несколько килограммов легче кольчуги. Если кольчуга при ударе вдавливалась в тело, то пластинчатый панцырь благодаря особой эластичности "поглощал" силу удара. Существенным достоинством пластинчатой кирасы являлась легкость ее изготовления. Панцыри данного типа, однако, быстро ржавели, что и служило главным препятствием их широкому применению.

При Северах среди римских легионеров распространяются чешуйчатые доспехи (*logica squamata*), видимо, под влиянием парфян⁴. Формой и величиной они напоминали кольчуги, хотя были более тяжелыми. Вес чешуйчатого панцыря определялся тем, крепились ли железные чешуйки на полотно, кожу или кольчугу⁵. Этот тип панцыря трудно было надеть. Кроме того, он сковывал движения, но надежно защищал от ударов противника. Будучи поначалу дорогими и поэтому доступными только офицерскому составу, чешуйчатые панцыри были быстро освоены римскими военными ремесленниками и стали наиболее распространенным типом защитного вооружения в III в.

У римлян существовала специфическая мода покрывать железные доспехи оловом, что придавало воинскому снаряжению нарядный вид. Видимо, также больше из соображений моды римские легионеры носили своеобразные передники из толстых кожаных ремней, ставшие при принципате элементом парадного облачения легионера.

Одним из основных элементов защитного вооружения римского легионера являлся щит. Сперва тяжело вооруженные легионеры использовали большой круглый щит – *clipeus*, заимствованный, вероятно, от этрусков и вышедший из употребления с отказом от фалангового строя⁶. *Parma* – маленький круглый щит, сначала принадлежавший легковооруженным пехотинцам, уже во времена Республики становится атрибутом конников. Основным щитом легионеров эпохи принципата был *scutum* – большой овальный щит с характерным прогибом по длинной оси, знакомый римлянам еще с VII в. до н.э. Правда, при Августе форма его несколько изменилась: щиты приобрели прямоугольную форму (овальные сохранились только у преторианцев), стали легче (не более 10 кг), короче (высотой около 1,2 м, шириной около 0,8 м). Щит склеивался из трех слоев осиновых или тополевых дощечек, каждый из которых имел толщину около 2 мм. Для придания щиту прочности внутренний слой дощечек располагался перпендикулярно внешним. Выпуклая форма щита была призвана облегчить отражение вражеских ударов⁷. В центре щита, с его внешней стороны, находилось конической формы навершие из бронзы или железа. Оно защищало

руку солдата, держащую щит. Известно, что в мирных условиях во внутренней части наверхшия солдаты нередко хранили деньги и другие ценности⁸. Деревянную поверхность щита с внешней стороны покрывали полотном, а затем слоем толстой кожи, причем сыромятной. Кожа пришивалась по краям щита навывлет. Края щита обивались бронзовым кантом. Кроме того, часто на внешнюю сторону щита для прочности набивали железные полосы или просто гвозди. Следует отметить высокую надежность легионерских щитов, которые можно было пробить только дротиком с близкого расстояния или стрелой, пущенной из катапульты. Лучшей рекламой скутуму служат слова Цезаря о том, что после одного из сражений в щите некоего центуриона обнаружили следы от 120 стрел противника (Caes. De Bel. Gal. I. 25. 2-4). Кроме толщины щита, достигавшей 7 см, обеспечивала защиту воина также его стойка, в соответствии с которой щит надо было держать на некотором удалении от корпуса. Известно, что римляне виртуозно использовали щит не только как средство обороны, но и при атаке, разя противника острым наверхшием щита⁹.

Во времена Империи стало модным украшать щиты различными эмблемами: молниями, крестами, звездами, крыльями и т.д. Некоторые исследователи полагают, что эти знаки позволяли идентифицировать воинские части¹⁰. Аналогичным целям служили упомянутые Вегецием Ренатом надписи на внутренней стороне легионерских щитов (Veg. Epitoma rei mil. II. 18). В мирное время и на марше щит закрывали чехлом, чтобы уберечь от высыхания и намокания. Чехлы для щита часто шили из козьих шкур, украшали аппликациями с номерами легионов и их символикой¹¹. На марше легионеры переносили тяжелые и большие щиты на спине, используя крепление из двух ремней, один из которых охватывал грудную клетку и правое предплечье, а второй – наподобие лямки рюкзака – левое плечо¹². Не все легионеры были вооружены щитами-скутумами. Солдаты, несшие легионных орлов, знамена и трубачи в силу своих функций защищались маленькими круглыми щитами-пармами. Прямоугольный скутум находился на вооружении легионеров до начала III в., когда происходит возврат к овальному, но уже плоскому щиту¹³. Скутумами были вооружены не только легионеры, но и преторианцы. Ими пользовались и некоторые вспомогательные когорты, и это обстоятельство фиксировалось в их названии.

Существенным элементом защитного вооружения легионера являлся шлем. Традиционно римляне пользовались тремя вариантами шлемов. Шлем типа "Монтефортино" имел на верхушке оловянный шишак с отверстием для перьев. Шлем "аттического" типа, как и пре-

дыдущий, был обеспечен щитками для защиты щек, но вместо шишака в верхней части был оснащен своеобразными рогами-трубками, в которые вставлялись перья. Шлем "этруско-коринфского" типа закрывал лицо полностью, оставляя лишь узкую щель для глаз¹⁴. Интересно, что римляне в отличие от греков не опускали шлем на лицо, а носили на макушке наподобие шапки. С наступлением Империи легионеры, служившие на Рейне, первыми отказываются от традиционных шлемов и берут на вооружение шлемы галльского типа. Последние, изготовленные из бронзы или железа, были более прочными, лучше защищали щеки, подбородок и затылок¹⁵.

Особого внимания заслуживают плюмажи римских шлемов, указывавшие на статус легионеров и игравшие психологическую роль. Еще Полибий обратил внимание на то, что различные варианты плюмажей на шлемах служили для идентификации разных легионов (Polyb. XXIII, 12). Существовало несколько способов крепления плюмажей к шлему. Наиболее распространенный заключался в креплении плюмажа (традиционно – перьев, в конце Республики – конских хвостов, с установлением принципата – частичного возврата к консервативным нормам) к макушке каски. На многих шлемах сохранились следы креплений для перьев по бокам каски. Как полагает М. Бишоп, перья на боках шлема наподобие хохолок на голове жаворонков, обитавших в северной Галлии, служили отличительными признаками знаменитого V Жаворонкова (*Alauda*) легиона¹⁶. Судя по изображениям на солдатских надгробиях, боковые украшения часто соседствовали с плюмажем на макушке шлема. Хорошо известна привычка римских центурионов носить плюмаж поперек шлема, чтобы выделяться во время сражения. Вероятно, со времен Республики возникла традиция у легионных знаменосцев поверх шлемов носить медвежьи и волчьи шкуры, а на парадах – шлемы-маски. С I в. шлемы-маски появились на вооружении у дислоцированных на Дунае легионных всадников¹⁷. Большее распространение они получили в конных вспомогательных войсках и особенно тяжелой панцирной кавалерии – у клибанариев, катафрактариев, ферратов – введенной при Септимии Севере. До сих пор не решен окончательно вопрос, являлись ли шлемы-маски боевыми, тренировочными или парадными шлемами. На этих масках чаще изображались суровые мужские лица с венками, диадемами, в обрамлении буйных кудрей. Встречались, как это ни удивительно, шлемы-маски в виде женского лица – скорее всего испепеляющего врагов лица Горгоны Медузы или менады, а может быть, детского лица Амуркифареда. Эти изображения, вероятно, связаны с *interpretatio militaria*

вакхических сюжетов, воспевающих опьянение стихией битвы¹⁸. В период династии Юлиев-Клавдиев, как показывают находки из воинских погребений, на парадных шлемах-масках порой изображались медали с портретами правящих императоров¹⁹. Возможно, такие шлемы являлись видом *donna militaria*. С начала Империи римляне овладели техникой сверления, а потому появилась возможность для крепления в мирной обстановке шлема за козырек к нагрудной части панцыря. На шлемах, как и на щитах, нередко выцарапывались имена хозяев, их центурия, реже – название легиона²⁰. Шлемы галльского типа перестают использоваться со времени великого кризиса III в.²¹ В течение IV в. легионы, превратившиеся в пограничную крестьянскую милицию, вообще отказываются от тяжелых металлических шлемов, равно как и от панцырей, что в немалой степени предопределило постоянные поражения, которые в конце IV в. терпит римская пехота от бронированной конницы готов, гуннов и парфян (*Veg. Epitoma rei. mil. I, 20*).

Наступательное вооружение. Короткий меч, удобный для нанесения как колющих, так и рубящих ударов, считается "визитной карточкой" римских легионеров. Между тем этот меч, короткий (длина клинка 40-55 см), узкий (ширина клинка 5,5-7,5 см), обоюдоострый, появился у римлян только во вторую Пуническую войну. Римляне заимствовали его у кельтоиберов Испании, а потому этот меч получил в науке название *gladius Hispanicus*. Знакомство с испанским мечом пришлось на пору тактических перемен, когда римляне переходили от сражения сомкнутым строем в стиле греческой фаланги к рассыпному рукопашному бою²². Используемый римскими легионерами со времен Республики меч обладал длинным суживающимся острием и был достаточно тяжел (его вес доходил до 1,5 кг)²³. С середины I в. этот тип меча, известный как "майнцкий", начинает вытесняться более легкой модификацией (около 1 кг). Этот меч "помпейского" типа (так как впервые был обнаружен в Помпеях) являлся основным у легионеров до конца II в. Появление "помпейского" типа меча ученые объясняют упрощением технологии изготовления оружия в условиях лагерных мастерских, а также изменением стойки легионера, ставшей более прямой в условиях более тесного, чем прежде, боевого порядка²⁴. Как правило, меч легионеры носили справа, за исключением центурионов и знаменосцев. Рукоятка меча изготовлялась либо из дерева, либо из кости (в том числе слоновой), нередко украшалась серебром. Ножны для меча делали из дерева или меди, часто используя бронзовые накладки.

Конные легионеры, равно как и всадники из вспомогательных частей, пользовались длинным кельтским мечом, называемым *spatha*.

Длина клинка этого меча доходила до 80 см. Во время маркоманских войн в римской кавалерии распространились длинные сарматские мечи с характерным кольцеобразным навершием на рукоятке²⁵. В III в. длинный меч, ориентированный на нанесение рубящих, а не колющих ударов, становится основным оружием и у римских пехотинцев. Аргументы Вегеция Рената, касающиеся преимуществ традиционно римских колющих мечей перед рубящим варварским оружием, пришлось не ко времени (Veg. Epitoma rei mil. I. 12).

При Августе среди солдат рейнских легионов распространяется мода на ношение кинжалов. Короткие, с широким лезвием и рукояткой t-образной формы кинжалы, по всей видимости, также были позаимствованы римлянами от испанцев, но во времена Республики использовались, как правило, солдатами союзнических когорт. В I в. кинжалы становятся любимым оружием легионеров, прежде всего Рейнской группы войск²⁶. Кинжалы сохранились в арсенале легионеров до конца принципата. Они являлись боевым оружием, не раз выручавшим своих хозяев в случае поломки или утери меча. Меч и кинжал солдаты часто носили на едином поясном ремне, хотя для ношения меча нередко использовали и перевязь, надеваемую через плечо²⁷.

Другим знаменитым оружием римских легионеров из разряда наступательного являлся pilum – педифический дротик, состоящий из длинного деревянного древка (около 1 м) и металлического острия примерно той же длины²⁸. Идея применения пилума заключалась в том, что его необходимо было метать за несколько секунд до начала рукопашной схватки (с расстояния 20-25 м, с которого начиналась атака) в щит противника. Тяжелое (до 3 кг) и длинное острие обеспечивало силу дротика, пробивавшего любой щит. Для того чтобы пилум застревал в щите, его острие делали из незакаленного железа, а для крепления острия к древку вместо металлического гвоздя нередко использовали деревянный кольшечек²⁹. Щит, пробитый пилумом, в силу тяжести и величины последнего, было невозможно использовать для защиты тела. Наряду с тяжелыми существовали и более легкие дротики, которыми стремились пробить панцырь противника. Современные испытания показывают, что римский пилум с расстояния 5 м пробивал 30-миллиметровую сосновую доску или 20-миллиметровую фанеру³⁰. Массированная атака дротиками-пилумами в исполнении опытных профессионалов была способна привести в замешательство первый ряд строя любого вражеского войска. Вероятно, во времена Цезаря и Августа в ходу были больше легкие дротики. С середины I в. как показывают источники, утяжеленные пилумы вновь вошли в обиход³¹. Дроти-

ки-пилумы являлись фирменным оружием римских легионеров до конца принципата и изредка использовались позже (Veg. Epitoma rei mil. I. 20). Происхождение этого оружия не совсем ясно. Возможно, пилум был изобретен латинами или позаимствован у этрусков или самнитов, а может у кельтоiberов³².

В отличие от дротика-пилума копье у римских легионеров служило оружием рукопашного боя. Копье традиционно находилось на вооружении у римлян. Известно, что еще до военной реформы Гая Мария копьями были вооружены легионеры из разряда ветеранов – триарии. Несмотря на разнообразную терминологию, используемую самими римлянами для обозначения копий, обнаружить существенные различия между римскими копьями затруднительно. Более того, нередко сложно выделить собственно римские копья, поскольку они не имели каких-либо особенностей. Древко копья часто изготовлялось из ясеня или орешника для обеспечения прочности и гибкости, а железные наконечники были самой разной формы в зависимости от функционального назначения копья. Старшие солдатские чины: бенефициарии, фрументарии, спекуляторы, часто выполнявшие специальные поручения, имели копья особой формы, подчеркивавшие их статус. Наконечники их копий украшались железными кольцами³³. Известно о существовании у римлян особой боевой награды – золотого или серебряного копья (*hasta pura*). В эпоху Империи им награждались, как правило, офицеры легионов начиная со старших центурионов³⁴.

Поскольку в этой главе рассматривается исключительно персональное вооружение легионеров, мы не останавливаемся на метательных машинах, приданных легиону: баллистах – камнеметах и катапультах, стрелявших тяжелыми стрелами. Античная артиллерия, достигшая у римлян высокого развития, заслуживает особого разговора. Любопытный читатель может почитать о римской артиллерии у древних авторов: Витрувия (*De Architectura*. X; Витрувий Поллион. Об архитектуре. Л., 1936), Аполлодора (*Apoll. Poliorketika*; Аполлодор. Полиоркетика / Пер. М.Н. Страхова // Греческие полиоркетики. СПб., 1996. С.27-63), Вегеция (Veg. Epitoma rei mil. II. 25; IV. 22, 29; Вегеций. Краткое изложение военного дела // Греческие полиоркетики. Флавий Вегеций Ренат. серия "Античная библиотека". СПб., 1996. С.208-209; 278-279, 283), Афиней Механика (*Athaeneus Mechanicus, Peri Mehanematon*; Афиней Механик. О машинах / Пер. М.Н. Страхова // Греческие полиоркетики. СПб., 1996. С.65-86), а также в специальных исследованиях современных ученых³⁵.

Такие распространенные в древности виды метательного оружия как луки со стрелами, пращи и арбалеты, вопреки мнению Вегеция (Veg. *Epitoma rei mil.* II. 15-16), легионерами I-III вв. не использовались, а входили в арсенал вспомогательных частей.

Возникновение профессиональной армии привело к появлению специфической "военной" одежды и обуви. Рубашка-туника обычно белого или красного цвета, которую легионер носил в мирных условиях и перед боем надевал под броню, была короче, чем у гражданских лиц³⁶. В III в. на туниках римских легионеров появляются длинные рукава. Зимой солдаты надевали гамашы, которые вошли в широкий обиход во время дакийских войн Траяна³⁷. Незаменимым элементом легионерского снаряжения являлся плащ, согревающий на марше и на ночевках в холодное время года. В I-II вв. наиболее популярна была *paenula* – короткий шерстяной плащ темного цвета с капюшоном. В III в. ему на смену пришел *sagum* – плащ без капюшона, прежде неверно считавшийся классическим римским военным плащом. Особенность римского военного снаряжения составляла кожаная портупея, к которой крепились броня, холодное оружие, боевые регалии, а также шлем во время марша. Легионеры носили разнообразную обувь, которая обозначалась единым термином *caligae*. Наиболее распространены в I – начале II в. были кожаные сандалии без каблуков, подошвы которых укреплялись набойками из металлических гвоздей. Вот почему деньги, выдаваемые солдатам для перехода, назывались "гвоздевыми" – *clavarium*. Согласно данным М. Юнкельмана, такие сандалии обладали большой прочностью и выдерживали марш в 600 км³⁸. Во II в. основным видом солдатской обуви становятся кожаные короткие сапоги, прежде носимые только офицерами. Одевание легионера, дополненное скрипом ремней и грохотом подошв, заметно выделяло его из гражданской толпы и служило в какой-то мере, как отметил М. Бишоп, специфической чертой его особого социального статуса³⁹. В целом же, несмотря на отличие боевого снаряжения легионеров от вооружения других родов войск римской армии, оно было достаточно варибельным и в немалой степени определялось регионом, в котором располагалась воинская часть, а также характером боевого снаряжения противника.

ПРИМЕЧАНИЯ

К главе I

¹ Kiepert H. *Formae orbis antiqui*. Berlin, 1893-1914; Miller K. *Itineraria Romana*. Stuttgart, 1916; Tafel G.L.F. *De viae romanorum militaris Egnatiae parte orientali*. Tuebingen, 1841; *Tabula Imperii Romani: Aquincum – Sarmizegethusa – Sirmium*. L 34. Budapest, 1968; *Tabula Imperii Romani: Romula – Durostorum – Tomis*. L 35. Bucarest, 1969; *Tabula Imperii Romani. Naissus – Dyrrhachion – Scupi – Serdica – Thessalonike*. K 34. Ljubljana, 1976. Из обширного круга литературы, характеризующей результаты археологических изысканий, связанных с римскими легионами, наиболее, на наш взгляд, представительны: Petrikovits H. *Das Roemische Rheinland*. Koeln, 1960; Lenguel A. *The Archaeology of Roman Pannonia*. Lexington. Budapest, 1980; новую литературу по вопросу см.: Jones R.F.J. *Death and Distinction // Military and Civilian in Roman Britain*. Ed. T.F.C. Blagg, A.C. King. Oxford, 1984. P.219-225.

² Alfoeldy G. *De Statu Praesenti Corporis Incriptionum Latinarum et De Laboribus Futuris Ad Id Pertinentibus // Epigraphica*. 1995. LVII. P.292-295.

³ Fink R.O. *Roman Military Documents on Papyrus*. Cleveland, 1971; Bowman A.K. *The Roman Writing Tablets from Vindolanda*. London, 1983.

⁴ *Prosopographia Imperii Romani* / Ed. E. Klebs. Berolini, 1897. Vol.I; / Ed. H.Dessau, Berolini, 1897. Vol.II; / Ed. P.von Rhoden, Berolini, 1898. Vol. III; *Prosopographia Imperii Romani / Editio altera*, Berolini, 1933. Переводы латинских надписей на русский язык см.: Избранные латинские надписи по социально-экономической истории ранней Римской империи / Пер. Е.М. Штаерман // ВДИ. 1955. №2-4; 1956. №1-4; 1957. №1; Федорова Е.В. Латинские надписи. М., 1976.

⁵ *Corpus Inscriptionum Latinarum*. XVI.

⁶ *Ibid.* III, 1-3.

⁷ Tacitus Cornelius. The Histories. With an English translation by С.Н.Мооре; The Annals. With an English translation / By J. Jackson. Cambridge (Mass.); London, 1956; Тацит К. Сочинения: В 2 т. / Пер. А.С. Бобовича и Г.С. Кнабе. Л., 1969; Dio Cassius Cocceianus. Dio's Roman History / With an English translation by Earnest Cary. London; New York, 1914-1927. Vol. I-IX. На русском языке имеется только перевод его 53-60 книг: Дион Кассий. Римская история: Методические указания к семинарам по истории древнего Рима / Пер. С.К. Сизова, Е.А. Молева, А.В. Махлаюка и др. Нижний Новгород, 1982-1995; Дион Кассий. Римская история (кн. 60) / Пер. Н.Н. Трухиной // Хрестоматия по истории древнего Рима / Под ред. В.И. Кузищина. М., 1987. С. 176-189; Plutarchus. Plutarch's Lives. With an English translation by В. Perrin. Vol. I-XI. Cambridge (Mass.); London, 1968; Плутарх Херонейский. Сравнительные жизнеописания. М., 1961-1964. Т. I-III; С. Plini Caecili Secundi Epistularum libri novem, Epistularum ad Traianum liber, Panegyricus / Recensuit M. Schuster. Lipsiae, 1958; "Письма" Плиния Младшего / Пер. М.Е. Сергеевко, А.И. Доватура, В.С. Соколова. М., 1983; Scriptores Historiae Augustae / Ed. C. Samberger, W. Seyfarth. Lipsiae, 1971; Писатели "Истории Августов" // ВДИ. 1957. №1-4; 1958. №1-4; 1959. №1-4. Vegetius Flavius Renuatus. Epitoma rei militaris. ed. K. Lang. Lipsiae, 1885; Флавий Вегеций Ренат. Краткое изложение военного дела / Пер. С.П. Кондратьева. СПб., 1996.

⁸ Дигесты Юстиниана. М., 1984.

⁹ Thulin С. Corpus agrimensorum romanorum. Lipsiae, 1913; фрагментарный перевод на рус. яз.: Гигин Младший (Громатик). Устройство лимитов / Пер. И.А. Гвоздевой // Хрестоматия по истории древнего Рима / Под ред. В.И. Кузищина. М., 1987. С. 191-201.

¹⁰ Mommsen Т. Die Conscriptionsordnung der roemischen Kaiserzeit // Mommsen Т. Gesammelte Schriften. Berlin, 1910. Bd. VI; Domaszewski А. Die Rangordnung des roemischen Heeres. Koeln; Graz, 1967.

¹¹ Кулаковский Ю. Надел ветеранов землей и военные поселения в Римской империи. Киев, 1881; Он же. Армия в Римской империи. Киев, 1894.

¹² Ritterling E. – Stein E. Die Kaiserlischen Beamten und Troppenkoerper im roemischen Deutschland unter dem Prinzipat. Wien, 1932.

¹³ Syme R. The Roman Revolution. Oxford, 1960; Idem. The Augustan Aristocracy. Oxford, 1986.

¹⁴ Birley E. Senators in the Emperor's Service. Proceedings of the British Academy. London, 1953. P.197-214; Birley A.R. The fasti of

Roman Britain. Oxford, 1982; Franke T. Die Legionslegaten der roemischen Armee in der Zeit von Augustus bis Traian. Bochum, 1991; Eck W. Senatoren von Vespasian bis Hadrian. Muenchen, 1970; Alfoeldy G. Die Legionslegaten der Roemischen Rheinarmeen. Koeln; Graz, 1967; Alfoeldy G. Konsulat und Senatorenstand unter den Antoninen. Bonn, 1977.

¹⁵ Devijver H. Prosopographia militarium equestrum quae fuerunt ab Augusto ad Gallienum. Leuven, 1976. Vol. I-III; Dobson B. Die Primpilares. Koeln; Bonn, 1978.

¹⁶ Klauss M. Untersuchungen zu den principales des roemische Heeres von Augustus bis Dioclezian. Bochum, 1973; Forni G. Il reclutamento delle legioni da Augusto a Diocleziano. Milano; Roma, 1953; Forni G. Estrazione etnica e sociale dei soldati delle legioni nei prime tre secoli dell' Impero // ANRW. II, 1. P.339-391.

¹⁷ Mann J. Legionary Recruitment and Veteran Settlement during the Principate. London, 1983; Vittinghoff F. Roemische Kolonisation und Buergerrechtspolitik unter Caesar und Augustus. Wiesbaden, 1952.

¹⁸ Машкин Н.А. Принципат Августа, М.; Л., 1949; Утченко С.Л. Кризис и падение Римской республики. М., 1965. С.174; Игнатенко А.В. Древний Рим: от военной демократии к военной диктатуре. Свердловск, 1988. С.112.

¹⁹ Alfoeldy G. Das Heer in der Socialstruktur des roemischen Kaiserreiches // Alfoeldy G. Roemische Heeresgeschichte. Amsterdam, 1987. S.69.

²⁰ Campbell J.B. The Emperor and the Roman Army. Oxford, 1984. P.441; Bleicken J. Verfassung- und Socialgeschichte des roemischen Kaiserreiches. Padeborn, 1978. Bd.I. S.51-54; Wittwer R. Kaiser und Heer in Spiegel der Reichsmuenzen. Tuebingen, 1987. S.35-49.

²¹ Macmullen R. Roman Legion as Society // Historia. 1984. Bd.33. S.440-456.

²² Lesquier J. L'armée romaine d'Egypte d'Auguste a Dioclétien. Caire, 1918; Devijver H. The Roman Army in Egypt // ARNW II. 1. P. 452-492.

²³ Cagnat R. L'armée romaine d'Afrique et l'occupation militaire de l'Afrique sous les empereurs. Paris, 1892; Le Bohec Y. La troisième légion Auguste. Paris, 1989; см. также рецензию А.В. Махлаюка на эту книгу // ВДИ. 1995. №1. С.211-218.

²⁴ Roldan Hervas J.M. Hispania y el Ejercito romano. Salamanca, 1974; Le Roux P. L'armée romaine et l'organisation des provinces Ibériques d'Auguste a l'invasion de 409. Paris, 1982.

²⁵ Kronemayer V. *Beitrage zur Socialgeschichte des roemischen Mainz*. Freiburg; Bern; New York, 1983 ; Alfoeldi G. *Die Legionslegaten der roemischen Rheinarmeen // Epigraphische Studien* 3, Koeln; Graz, 1967; Berard F. *Vie, mort et culture des vétérans d'après les inscriptions de Lyon // Revue des Études Latines*. 1992. №70. P.166-192; Ruprecht G. *Untersuchungen zum Dekurionenstand in den nordwestlichen Provinzen des Romischen Reiches*. Kallmuenz, 1975, Mrozewicz L. *Arystokracja municypalna w rzymskich prowincjach nad Renem i Dunajem*. Poznan, 1989, etc.

²⁶ Patsch C. *Der Kampf um den Donaauraum unter Domitian und Traian*. Beitrage zur voelkerkunde von Sued-osteuropa. Wien, 1932; Betz A. *Untersuchungen zur Militargeschichte der roemischen Provinz Dalmatien*. Baden bei Wien, 1938.

²⁷ Кудрявцев О.В. *Исследования по истории Балкано-Дунайских областей в период Римской империи и статьи по общим проблемам древней истории*. М., 1957; Златковская Т.В. *Мезия в I-II веках нашей эры*. М., 1951; Кругликова И.Т. *Дакия в эпоху римской оккупации*. М., 1955.

²⁸ Колосовская Ю.К. *Паннония в I-III веках*. М., 1973; Колосовская Ю.К. *К вопросу о социальном строе римского общества I-III в. н.э. (collegia veteranorum) // ВДИ*. 1969. №4. С.122-129; Колосовская Ю.К. *Рабство в дунайских провинциях // Штаерман Е.М., Смирин В.М., Белова Н.Н., Колосовская Ю.К. Рабство в западных провинциях Римской империи в I-III вв. М., 1977. С.120-209.*

²⁹ Утченко С.Л. *Римская армия в I в. до н.э. // ВДИ*. 1962. №1; Колосовская Ю.К. *Ветеранское землевладение в Паннонии // ВДИ*. 1963. №4. С.96-116.

³⁰ Mocsy A. *Pannonia and Upper Moesia*. London, 1974.

³¹ Mrozewicz L. *Rozwoj ustroju municypalnego a postepy romanizacji w Mezji Dolnej*. Poznan, 1982; Mrozewicz L. *Roman Military Settlements in Lower Moesia (I-III Cent.) // Archeologia*. 1982. 33. S.79-105; Sarnowski T. *Wojsko rzymskie w Mezji Dolnej i na polnocnym wybrzezu morza Czarnego*. Warszawa, 1988.

³² Alfoeldy G. *Bevolkerung und Gesellschaft der roemischen Provinz Dalmatien*. Budapest, 1965; Wilkes J. *Dalmatia*. London, 1969; Zaninovic M. *Rimska vojska u razvitku antike na nasoj obali // Materiali. IX Kongres arheologu Jugoslavije*. Zadar, 1976. Vol.XII. S.169-184; Zaninovic M. *Podrucje Neretve kao vojni mostobran rimske antike // Dolina rijeke Neretve od prehistorije do ranog srednjeg vijeka*. Split, 1980. S.173-180, etc.

³³ Fitting H. *Das Castrense Peculium*. Halle, 1871.

³⁴ Parker H.M.D. *The Roman Legions*. New York, 1928; Webster G. *The Roman Imperial Army of the First and Second Centuries A.D.* London, 1969.

³⁵ Macmullen R. *Soldier and Civilian in the Late Roman Empire*. Cambridge (Mass.), 1963; Wierschowski L. *Heer und Wirtschaft*. Bonn, 1984; Junkelmann M. *Die Legionen des Augustus. Der roemische Soldat im archaeologischen Experiment*. Mainz, 1986.

³⁶ Domaszewski A. *Die Fahnen im roemischen Heere*. Wien, 1885; Domaszewski A. *Die Religion des roemischen Heeres // Westdeutsche Zeitschrift fuer Geschichte und Kunst*. 1895. 14. S.1-128; Domaszewski A. *Abhandlungen zur roemischen Religion*. Leipzig; Berlin, 1909. Birley E. *The Religion of the Roman Army // Birley E. The Roman Army. Papers 1929-1986*. Amsterdam, 1988. P.397-398.

³⁷ Richmond I. *Roman Legionaries at Corbridge, their Supply-base, Temples, and Religious cults // Archaeologia Aeliana*. 1943. 21. 4th series. P.149-214; Richmond I. *The Roman Army and Roman Religion // Bulletin of the John Rylands Library*. Manchester, 1963. 45. P.185-197; Birley E. *The Deities of Roman Britain // ANRW II*, 18; Henig M. *Throne, Altar and Sword: Civilian Religion and the Roman Army in Britain. Cultural Relationships in a Frontier Province / Ed. T.F.C. Blagg, A.C. King // BAR British series. №136*. London, 1984. P.227-248; Solway P. *Roman Britain*. Oxford, 1982; Frere S. *Britannia. A History of a Roman Britain*. London, 1991.

³⁸ Alfoeldi G. *Geschichte des religiosen Lebens in Aquincum // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1961. Vol.13. S.103-124; Savaria / Hrsg. A. Mocsy. Budapest, 1971; Fitz J. *Les Syriens a Intercisa*. Bruxelles, 1972; Fitz J. *Die Vereinigung der Donauprovinzen in der Mitte des 3. Jahrhundert // Studien zu den Militargrenzen Roms: Vortrage des 6. Internationalen Limeskongresses in Sueddeutschland. Bonner Jahrbuecher*. 1967. 19. S.113-121; Mocsy A. *Pannonia and Upper Moesia*. London; Boston, 1974; *Archaeology of Pannonia / Ed. A. Lenguel*. Boston; Budapest, 1980, etc.

³⁹ Cumont F. *Textes et Monuments figures aux mystères de Mithra*. Bruxelles, 1896-1899. T.1-2; Tudor D. *Corpus Equitum Donaviarum*. Leiden, 1969-1976. T.1-2; Speidel M. *The Religion of Juppiter Dolichenus in the Roman Army*. Leiden, 1977, etc.

⁴⁰ Cumont F. *The Oriental Religions in Roman Paganism*. Chicago, 1911; Liebshuetz W. *Continuity and Change in Roman Religion*. Oxford, 1979; MacMullen R. *Paganism in the Roman Empire*. New Heaven; New

York, 1981; Штаерман Е.М. Социальные основы римской религии. М., 1987; Jaczynowska M. Religie swiata rzymskiego. Warszawa, 1990, etc.

⁴¹ Из колоссального массива литературы назовем лишь несколько книг: Parker H.M.D. The Roman Legions. New York, 1958; Webster G. The Roman Imperial Army in the 1-3 Centuries A.D. London, 1976; Dabrowa E. Rozwoj i organizacja armii rzymskiej // Filomata. 1990. №399. S.412-420. Helgeland J. Roman Army Religion // ANRW II. 16. 2. P.1470-1505; Birley E. The religion of the Roman Army // Birley E. The Roman Army. Papers 1929-1986. Amsterdam, 1988. P.396-433.

⁴² Кошеленко Г.А. Религия римской армии // Вопросы истории. 1963. №4.

⁴³ Винклер П. Оружие. М., 1992; Дельбрюк Г. История военного искусства. СПб., 1994. Т.1-2.

⁴⁴ Hoffiler V. Oprema rimskoga vojnika u prvo doba carstva // VHAD. 1910-11. 11. S.145-240; 1912. 12. S.16-123.

⁴⁵ Couissin P. Les Armes Romaines. Paris, 1926.

⁴⁶ Robinson H.R. The Armour of Imperial Rome. London, 1975; Journal of Roman Military Equipment Studies / Ed. M. Bishop. 1990-1996, №1-5; Bishop M.C., Coulston C.N. Roman Military Equipment from the Punic Wars to the Fall of Rome. London, 1993. Там же исчерпывающая библиография по данной проблеме. Мою рецензию на эту книгу см.: Античность и средневековые Европы. Пермь, 1996. С.273-277.

К главе II

¹ Wierschowski L. Heer und Wirtschaft. Das roemische Heer der Prinzipatszeit als Wirtschaftsfaktor. Bonn, 1984. S.214.

² Ростовцев М.И. Рождение Империи. Пг., 1918. С.48.

³ Le Bohec Y. Op. cit. P.125.

⁴ Speidel M. Legionaries from Asia Minor // ANRW II. 7, 2. Berlin; New York, 1980. P.745.

⁵ Chilver G.E.F. Cisalpine Gaul. Oxford, 1941. P.74-77; Zajac J. Od Wenetow do Rzymian. Studium epigraphiczno-antropomasticzne (I w. p. n.e.– I w. n.e.). Torun, 1991. S.157-159.

⁶ Chilver G.E.F. Op. cit. P.77.

⁷ Mommsen T. Die Conscriptionsordnung der roemischen Kaiserzeit // Mommsen T. Gesammelte Schriften. Berlin, 1910. Bd.VI. S. 20-117.

⁸ Saller R.P., Shaw B.D. Tombstones and Roman Family Relations in the Principate: Civilians, Soldiers and Slaves // JRS. 1984. №74. P.124-156.

⁹ Davies R. Joining the Roman Army // Bonner Jahrbuecher. 1969. 169. P. 208-233.

¹⁰ Junkelmann M. Die Legionen des Augustus. Der roemische Soldat im archaeologischen Experiment. Mainz, 1986. S.109.

¹¹ Junkelmann M. Op. cit. S.109.

¹² Marquardt J. Roemische Staatsverwaltung. Leipzig, 1876. Bd.II. S.447; Дельбрюк Г. История военного искусства. СПб., 1994. Т.1. С.312-316.

¹³ Domaszewski A. Die Rangordnung des roemischen Heeres. Koeln; Graz, 1967. S.68.

¹⁴ Junkelmann M. Op. cit. S.121.

¹⁵ Ibidem. S.94.

¹⁶ Sarnowski T. Die ritterlichen Tribunen der Legio I Italica // Prosopographica / Hrsg. L. Mrozewicz, K. Ilski. Poznan, 1993. S.75.

¹⁷ Parker H.M.D. The Roman Legions. New York, 1958. P.189; Sarnowski T. Op. cit. S.65.

¹⁸ Parker H.M.D. Op. cit. P.188.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Campbell J.B. Who were the "viri militares"? // JRS. 1975. N65. P.11-31; Zyromski M. Untermoesische Legionslegaten im Prinzipat im Vergleich zu anderen Gebieten des Kaiserreiches // Prosopographica / Hrsg. L. Mrozewicz, K. Ilski. Poznan, 1993. S.39.

²¹ См.:Alfoeldy G. Das Heer in der Socialstruktur des roemisches Kaiserreiches // Alfoeldy G. Roemische Heeresgeschichte. Amsterdam, 1987. S.28.

²² Dobson B. The "Rangordnung" of the Roman Army // Breeze D., Dobson B. Roman Officers and Frontiers. Stuttgart, 1993. P.129-142.

К главе III

¹ Ковалев С.И. История Рима. Л., 1986. С.361 и т.д.; Машкин Н.А. История древнего Рима. М., 1956. С.232-233.

² De Blois L. The Roman Army and Politics in the First Century B.C. Amsterdam, 1987. P.1.

³ См., например: Ковалев С.И. Указ. соч. С.478 и далее.

⁴ MacMullen R. *Op. cit.*; Махлаюк А.В. Воинское товарищество и корпоративность римской императорской армии // ВДИ. 1996. №1. С.18-37.

⁵ Mocsy A. Das Territorium Legionis und die Canabae in Pannonien // *Acta Archaeologica*. 1953. №3. S.199.

⁶ Fitting H. *Das Castrense Peculium*. Halle, 1871. S.10.

⁷ Kaser M. *Roman Private Law*. Durban, 1966. P.67.

⁸ Roby H.J. *Roman Private Law in the Times of Cicero and of the Antonines*. Cambridge, 1902. Vol.1. P.67.

⁹ Thomas J.A.C. *The Institutes of Justinian: Text, Translation and Commentary*. Amsterdam, 1975. P.28.

¹⁰ Lammert F. *Stipendium* // RE. Stuttgart, 1929. HB.6. Col.2536-2538.

¹¹ Davies R. *Op. cit.*, P.224.

¹² Breeze D. The Career Structure below the Centuriate // ANRW. II,1. P.441.

¹³ Fiebinger. *Donativum* // RE. Stuttgart, 1905. Bd.5. Col.1542-1545.

¹⁴ Maxfield V. *The Military Decorations of the Roman Army*. London, 1981.

¹⁵ Колобов А.В. Социальное положение солдат и ветеранов легионов в западных провинциях Римской империи: Дис. ... канд. ист. наук: Машинопись. М., 1990. С.91.

¹⁶ Forni G. *Il reclutamento...* P.125.

¹⁷ Mueller G. *Die Roemischen Graberfelder von Novaesium*. Bonn, 1977; Рим: эхо имперской славы. М., 1997. С.130.

¹⁸ Mrozek S. *Prix et Rémunération dans l'Occident Romain*. Gdansk, 1975. P.120 ff.

К главе IV

¹ Keppie L. *Colonisation and veteran Settlement in Italy. 47-14 B.C.* London, 1983. P.44.

² Mann J.C. *Legionary Recruitment and Veteran Settlement during the Principate*. London, 1983. P.1.

³ Утченко С.Л. Юлий Цезарь. М., 1984. С.90-92.

⁴ Keppie L. *Op. cit.* P.1.

⁵ Vittinghoff F. *Roemische Kolonisation und Buergerrechtspolitik unter Caesar und Augustus*. Wiesbaden, 1952. S.41-75.

⁶ Моммзен Т. История Рима. М., 1995. Т.3. С.375; Clavel M. *Béziers et son territoire dans l'antiquité*. Paris, 1970. P.162-166.

- ⁷ Моммзен Т. Там же; Keppie L. *Op. cit.*, P.96.
- ⁸ Keppie L., *Op. cit.*, P.98.
- ⁹ Junkelmann M., *Op. cit.* Taf. 27a.
- ¹⁰ *Ibid.*
- ¹¹ Ковалев С.И. История Рима. Л., 1986. С.457.
- ¹² Keppie L. *Op. cit.* P.77.
- ¹³ *Ibid.* P.93, 95.
- ¹⁴ *Ibid.* P.109.
- ¹⁵ *Ibid.* P.44.
- ¹⁶ *Ibid.* P.77.
- ¹⁷ Кузищин В.И. Генезис рабовладельческой латифундии в Италии. М., 1976. С.140.
- ¹⁸ Alfoeldy G. Spain // *The Cambridge Ancient History*. Cambridge, 1996. Vol.X. P.453-457.
- ¹⁹ Blazques J.M. Estado de la Romanizacion de Hispania bajo Cesar y Augusto // *Emerita*. 1962. №30. P.120; Машкин Н.А. История древнего Рима. М., 1956. С. 348, 351.
- ²⁰ Stevenson G. *Roman Provincial Administration...* P.139, 141.
- ²¹ Keppie L. Colonisation and Veteran Settlement in the First Century A.D. // *Papers of the British School at Rome*. 1984. Vol.7. P. 77.
- ²² Stevenson, *Op. cit.* P.146.
- ²³ Corbier M. L'Aerarium Saturni et L'Aerarium Militare. Administration et Prosopographie senatoriale. Rome, 1974. P.572.
- ²⁴ Keppie L. *Op. cit.*, P.106.
- ²⁵ *Ibid.* P.79.
- ²⁶ *Ibid.* P. 108-114.
- ²⁷ Wilkes J. Dalmatia. London, 1969. P.110; Betz A. Untersuchungen zur Militaergeschichte der roemischen Provinz Dalmatien. Wien, 1938. S.11-12; Ritterling E. Legio // *RE*. 1923. HB.IX. Col.1243; Mocsy A. Die Bevolkerung von Pannonien bis zu Markommanenkriegen. Budapest, 1959. S.83.
- ²⁸ Keppie L. From Legionary Fortress to Military Colony (unpublished). P.1-8.
- ²⁹ Mrozewicz L. Arystokracja municipalna w rzymskich prowincjach nad Renem i Dunajem w okresie wczesniego Cesarstwa. Poznan, 1989. S.319 ff.
- ³⁰ Колосовская Ю.К. К вопросу о социальной структуре римского общества I-III вв. н.э. (collegia veteranorum) // *ВДИ*. 1969. №4. С.127-129.

³¹ Petrikovits H. *Das Roemische Rheinland*. Koeln, 1960. S.61; Rueger C. *Germania Inferior*. Koeln, 1966. S.74.

³² Mocsy A. *Die Bevolkerung...* S.36.

³³ Brunt P. *The Army and the Land in the Roman Revolution* // JRS. 1962. №52. P.82; Forni G. *Il reclutamento...*P.306; Raaflaub K.A. *The political Significance of Augustus' military reforms* // *Roman Frontier Studies 1977* / Ed. Hansson W., Keppie L. Oxford, 1980. P. 1013.

³⁴ Мейер Э. *Экономическое развитие древнего мира*. М., 1910. С.70; Rostovtzeff M. *The Social and Economic History of the Roman Empire*. Oxford, 1926. P.34 ff.

³⁵ Mocsy A. *Die Bevoelkerung von Pannonien...* S.91; Mocsy A. *Gesellschaft und Romanisation...* S.162; Wierschowski L. *Op. cit.*, S.103-104; Keppie L. *Colonisation and Veteran Settlement in Italy*. 47-14 B.C. P.124-125; Ternes J.-M. *Roemische Deutschland*. Stuttgart, 1986. S.311; Nikolov D. *Les Grandes Proprietes Foncieres dans la Thrace Romaine* // *Archeologia*. 1975. №75. P.65; Колосовская Ю.К. *Ветеранское землевладение в Паннонии* // *ВДИ*. 1963. №4. С.105; Branga N. *Italicii si veteranii din Dacia. Marturi epigrafice si arheologice*. Timisoara, 1986. S.130 ff., etc.

³⁶ Утченко С.Л. *Римская армия в I веке до н.э.* // *ВДИ*. 1962. №1. С.38.

³⁷ Колосовская Ю.К. *К вопросу о социальной структуре...* С.97.

³⁸ Кузищин В.И. *Генезис рабовладельческой латифундии в Италии*. М., 1976. С.140; Штаерман Е.М. *Расцвет рабовладельческих отношений в эпоху Империи* // *История Европы / Под ред. Е.С. Голубцовой*. М., 1988. Т.1. С.534-593.

³⁹ Колосовская Ю.К. *Указ .соч.* С.115.

⁴⁰ Колобов А.В. *Социальное положение солдат и ветеранов легионов в западных провинциях Римской империи при Юлиях-Клавдиях: Дис.... канд. ист. наук: Машинопись*. М., 1990. С. 171-174.

⁴¹ Schulten A. *Canabae* // *RE*. Stuttgart, 1899. Bd.3. Col.1455. *Подробный критический анализ литературы по этому вопросу см.: Oliva P. Pannonia and the Onset of Crisis in the Roman Empire*. Praha, 1962. P.238.

⁴² Petrikovits H. *Vetera* // *RE*. Stuttgart, 1958. Bd.9. Col.1825; Gerov B. *Zum Problem der Entstehung der roemischen Stadte am Unteren Donaulimes* // Gerov B. *Beitrage zur Geschichte der roemischen Provinzen Moesien und Thrakien*. Amsterdam, 1980. S.350, 355; Mocsy A. *Pannonia and Upper Moesia*. London, 1974. P.148, 218; Oliva P. *Pannonia and the Onset of Crisis in the Roman Empire*. P.239.

⁴³ Alfoeldy G. Das Heer in der Socialstruktur des roemisches Kaiserreiches.// Alfoeldy G. Roemische Heeresegegeschichte. Amsterdam, 1987. S.69 ff.

⁴⁴ Mrozewicz L. Canabenses, consistentes et la question du loyalisme d'etat dans les provinces limitrophes // Epigrafia e antichita. 1992. №12. P.91-100.

К главе V

¹ Junkelmann M. Op. cit. S.199.

² Patsch C. Bosnia und Hercegovina einst und jetz. Wien, 1922. S.48.

³ Birley E. Hadrianic Frontier Policy // Birley E. The Roman Army. Papers 1929-1986. Amsterdam, 1988. P.13-20.

⁴ Bujskich S.B. Zum Limes in nordischen Schwarzmeerraum // Bonner Jahrbuecher des Rheiniches Landesmuseum in Bonn. 1994, №184. S.165-174.

⁵ Biernacka-Lubanska M. The Roman and Early-Byzantine Fortifications of Lower Moesia and Northern Thrace. Wroclaw, 1982. S.12.

⁶ Ibid. P.175.

⁷ Press L. Valetudinarium at Novae and other Roman Danubian Hospitals // Archeologia. 1988. №34. S.73

⁸ Ibid. P.86.

⁹ Из неопубликованного доклада директора музея Карлеон Д. Зенкевича, прочитанного в Познанском университете 9 ноября 1994 г.

¹⁰ Davidson J.K. The Barracks of the Roman Army // Bonner Jahrbuecher. 1992. №192. P.655.

¹¹ Донеvски П. О лагере XI легиона в Дуросторуме // Balcanica Posnaniensia. 1995. T.VII. C.266.

¹² Маркс Э., Тинджэй Г. Римляне. М., 1994. С.18.

¹³ Peddie J. The Roman War Machine. New York, 1994. App.C.

¹⁴ Wilkes J. Boundary Stones in Roman Dalmatia // Arheoloski Vestnik. 1974. №25. P.258-274; Herzig H. Rzymskie kamienie milowe z Italii. Poznan, 1996.

¹⁵ Подробней см.: Паковас В. Burnum II. Der roemische Aquadukt Plavno Polje-Burnum. Wien, 1984.

¹⁶ Wierschowski L. Op. cit. S.136.

¹⁷ См., например: Suic M. Noviji natpisi iz Burnuma // Diadora. 1970. №5, n.3; RLiO. 1926. XVI, 31; AE. 1954, 119.

¹⁸ Junkelmann M. Op. cit. Taf. 65b.

¹⁹ Davies R. Service in the Roman Army. Edinburgh, 1989. P.188.

²⁰ Ibid, P.187.

²¹ Ibid, P.198.

²² Junkelmann M. Op. cit. S.125.

²³ Ibid. S.126.

²⁴ Burn A.R. Hic breve vivitur // Past and Present. 1953. №4. P.4-15.

²⁵ Колобов А.В. Семейное положение римских легионеров в западных провинциях империи при Юлиях-Клавдиях // Вестник МГУ. Сер.8. История. 1990. №3. С.54-63.

²⁶ Wierschowski L. Op. cit. S.88.

²⁷ Keparova J. Frater in Militarinschriften – Bruder oder Freund? // Listy filologicke. 1986. №109. Fasc.1. S.11-14.

²⁸ Махлаюк А.В. Воинское товарищество и корпоративность римской императорской армии // ВДИ. 1996. №1. С.18-37.

²⁹ Штаерман Е.М. Социальные основы римской религии. М., 1987. С.97.

³⁰ Подробнее о воспитании римской молодежи времен Республики в воинственном духе см.: Маяк И.Л. Значение воинской службы для воспитания идеального гражданина // Античность и средневековье Европы. Пермь, 1996. С. 122-127.

³¹ Junkelmann J. Op. cit. S. 128.

К главе VI

¹ Le Bonniec H. Aspects religieux de la guerre á Rome // Problems de la Guerre á Rome/ Ed. J.-P. Brisson. Paris, 1969. P.101-115; Jaczynowska M. Narodziny i rozwój imperializmu rzymskiego. Poznan, 1996.

² Dabrowa E. Op. cit. S.413.

³ Fears J. The Cult of Jupiter and Roman Imperial Ideology // ANRW. 17, 1. P.71.

⁴ См.: Domaszewski A. Die Iuppitersaeule in Mainz // Domaszewski A. Abhandlungen zur roemischen Religion. S.139-147.

⁵ Birley E. Op. cit. P.401.

⁶ Ladomirski A. L'aigle légionnaire de Novae // Antiquitas. 1993. №17. S.132-134.

⁷ Birley E. Op. cit. P.403.

⁸ Jaczynowska M. Religie swiata. S.148.

⁹ См. Weinstock S. Victoria // RE. Bd.VIII. Stuttgart, 1958. Col.2530.

¹⁰ Fears J. The Cult of Virtues // ANRW. II. 17. P. 931.

¹¹ Etienne R., *Le Culte Impérial dans la péninsule Ibérique d'Auguste à Dioclétien*. Paris, 1958. P.326.

¹² Beaujeu J. *La religion romaine à l'apogée de l'empire*. Paris, 1955. P.67-68; Fears J. *Op. cit.* P.931.

¹³ Wittwer K. *Kaiser und Heer...* S.61.

¹⁴ Jaczynowska M. *Op. cit.* S.149.

¹⁵ Wittwer K. *Op. cit.* S.190.

¹⁶ Etienne R. *Op. cit.* P.380-384; Л.Ольшевски небезосновательно полагает, что алтари были посвящены не только Августу, но и Риму: Olszewski L. *Roma et Augustus. Rzemska wladza wobec spolecznosci prowincji w okresie Augusta // Meander*. 1994. №11-12. S.591-592.

¹⁷ Etienne R. *Op. cit.* P.384.

¹⁸ Olszewski L. *Op. cit.* S.591.

¹⁹ Krascheninnikoff M. *Ueber die Einfuehrung des provincialen Kaiserkultus im roemischen Westens // Philologus*. 1894. №53. S.169.

²⁰ Шгаерман Е.М. *Указ. соч.* С.177.

²¹ Jaczynowska M. *Op. cit.* S.152.

²² Wittwer K. *Op. cit.* S.91.

²³ Шгаерман Е.М. *Указ. соч.* С.276.

²⁴ Birley E. *Op. cit.* P.406.

²⁵ Parker H.M.D. *The Roman Legions*. P.261.

²⁶ *Ibid.* P.104, 261.

²⁷ Domaszewski A. *Die Tierbilder der Signa // Domaszewski A. Abhandlungen zur roemischen Religion*. S.1, 10.

²⁸ Domaszewski A. *Op. cit.* S.13.

²⁹ Parker H.M.D. *Op. cit.* P.261.

³⁰ Об обрядах, устраиваемых в этой связи коллегией жрецов-салиев, см: Le Bonniec H. *Aspects réligieux de la guerre à Rome // Problèmes de la guerre à Rome / Ed. J.-P. Brisson*. Paris, 1969. P.101-115; Сморгчов А.М. *О характере культа жреческой коллегии салиев // Античность и средневековые Европы/ Под ред. И.Л. Маяк, А.З. Нюркаевой*. Пермь, 1996. С.44-54.

³¹ Domaszewski A. *Lustratio Exercitus // Domaszewski A. Abhandlungen zur roemischen Religion*. S.16-17.

³² Nock A.D. *The Roman Army and the Roman Religious Year // Harvard Theological Review*. 1952. Vol.44. № 4. P.187.

³³ *Ibid.* P.187-240.

³⁴ Jaczynowska M. *Op. cit.* S.158-159.

³⁵ *Ibid.* S.158.

³⁶ См.: Bazior A. Meczennicy chrzescijanscy nad dolnym Dunajem // *Studia Moesiaca II* / Ed. L. Mrozewicz, K. Ilski. Poznan, 1994. S.98

³⁷ Bishop M. On Parade: Status, Display and Morale in the Roman Army // *Akten des 14. Internationalen Limeskongresses*. Wien, 1990. Bd.1. S.22.

³⁸ Wittwer K. *Op. cit.* S.65.

³⁹ Saglio E. Phalerae // *Dictionnaire des Antiquites grecques et romaines*. T.IV, fasc.1. P.426; Steiner P. Die Dona Militaria // *BJ*. 1905. №114/115. S.1-98; Lammert F. Phalerae // *RE*. Bd.XIX. 1938. S.1660; Schuppe E. Torques // *RE*. 1937. Bd.XVI. S.1880. Buettner A. Untersuchungen ueber Ursprung und Entwicklung von Auszeichnungen in roemischen Heer // *BJ*. 1957. №157. S.127-180; Maxfield V. *The Military Decorations of the Roman Army*. London, 1981; Petrovic P. *Dona Militaria* // *Starinar*.1991. N42. S.63-78; Колобов А.В. Боевые награды римских легионеров эпохи Принципата // *Вестник Пермского университета*. 1998. Вып. 2. История. С.27-33.

⁴⁰ Maxfield V. *Op. cit.* P.64.

⁴¹ Maxfield V. *Op. cit.* P.94.

⁴² Maxfield V. A Soldier's Tombstone from Emona // *Arheoloski Vestnik*. 1986. 37. P.282.

⁴³ Jahn O. Die Lauersforter Phalerae // *Fest-programm zu Winckelmanns Geburtstage am 9 December 1860 / Herausgegeben vom Vorstaende des Vereins von Altertumsfreunden in den Rheinlanden*. Bonn, 1860.

⁴⁴ Bishop M., Coulston J. *Roman Military Equipment from the Punic Wars to the Fall of Rome*. London, 1993. P. 130, 135.

⁴⁵ Maxfield V. *The Military Decorations of the Roman Army*. London, 1981. P.91.

⁴⁶ Boschung D. Roemische Glasphalerae mit Portraetbuesten // *BJ*. 1987. №187. S.257.

⁴⁷ Alfoeldi A. Roemische Portraetmedaillons aus Glas // *Ur-Shweiz*. 1951. №15. S.70.

⁴⁸ Scherer P. Saeculum Augustum – Concordia Fratrum // *Jahreshefte des Osterreichischen Archaeologischen Institutes in Wien*. 1988. Bd.58. S.115-127.

⁴⁹ Trillmich W. Familienpropaganda der Kaiser Caligula und Claudius. Agrippina Maior und Antonia Augusta auf Muenzen. Berlin,1978. S.4-43; Pekary T. Das Roemische Kaiserbildnis in Staat, Kults und Gesellschaft. Berlin, 1991. 165 S. 48.

⁵⁰ Alfoeldi A. Roemische Portraetmedaillons aus Glas // *Ur-Schweiz*. 1951. Bd.15. S.66-80; Megow W.-R. Kameen in Rheinischen Landes-museums Bonn // *BJ*. 1986. №186. S.458-468; Boschung D. *Op. cit.* S.194.

⁵¹ Alfoeldi A. *Op. cit.* S.68.

⁵² Plakovac B. Portretna medalja iz Burnuma // *Anticno steklo v Jugoslaviji*. Kolokvij ob 150-letnici Narodnega muzeja v Ljubljani. Supplementum Arheoloski vestnik. 1974. №25. S.161; Jucker H. Glas-phalerae mit dem Portraet des Nero Julius Caesar // *Schweizer Muenzblatt*. 1975. №25. S.50-60.

⁵³ Boschung D. *Op. cit.* S.194.

⁵⁴ *Ibid*; Trillmich W. *Op. cit.* S.32-45.

⁵⁵ Babelon M.E. Catalogue des camées antiques et modernes de la Bibliothèque Nationale. Paris, 1897. Plate XVIII.

⁵⁶ Vollenweider M.-L. Die Steinschneidekunst und ihre kunstler in spaetrepublikanischer und Augustischer Zeit. Baden-Baden, 1966. S.25, Taf.14; Henig M. A Corpus of Roman Engraved Gemstones from British Sites. London, 1974. P.82; Zweierlein-Diehl E. Die Antike Gemmen des Kunsthistorischen Museums in Wien. Muenchen, 1979. Bd.2. S.109, № 1037; S.115, № 1042.

⁵⁷ Неверов О.Я. Античные геммы в собрании Эрмитажа (каталог). Л., 1988. С. 73. № 101, 102.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Babelon M.E. *Op. cit.*

⁶⁰ Sliwa J. Rzymska falera ze zbiorow Muzeum Narodowego w Krakowie // *Filomata*. 1993. №417. S.388-397.

⁶¹ Соболева Н.В. Раскопки Мокинского могильника // Археологические открытия Урала и Поволжья. Ижевск, 1991. С.73; Мельничук А.Ф. Раскопки Мокинского могильника близ Перми // Археологические открытия 1994. М., 1995. С.223-224.

⁶² Статья "Римская фалера из Пермского Приуралья", написанная А.В. Колобовым в соавторстве с А.Ф. Мельничуком и Н.В. Кулябиной, передана для публикации в "Вестник древней истории".

⁶³ Trillmich W. *Op. cit.* S.32, 43.

⁶⁴ Maxfield V. *Op. cit.* P.117.

⁶⁵ Speidel M., Dimitrova-Milceva A. The Cult of the Genii in the Roman Army and a New Military Deity // *ANRW*. II. 16. P.1545; см. о культе гениев в армии также: Latte K. *Roemische Religionsgeschichte*. Muenchen, 1960. S.332 ff.

⁶⁶ Speidel M., Dimitrova-Milceva A. *Op. cit.* P.1545.

⁶⁷ *Ibid*.

⁶⁸ Selem P. Nekoliko zapazanja o difuziji egipatskih kultova po rimskoj Dalmaciji // VAHD. 1979. №72/73. S.79-90.

⁶⁹ Jaczynowska M. Op. cit. S.202.

⁷⁰ Более подробно о митраистских мистериях см.: Jaczynowska M. Op. cit. S.213 -215.

⁷¹ Wypustek-Krzyszowski A. Chrescijanie i armia rzymska – "De corona militis" Tertulliana // Pod znakami Aresa i Marsa / Ed. E.Dabrowa. Krakow, 1995. S.125-142.

К главе VII

¹ Dabrowa E. Rozwoj i organizacja armii rzymskiej (do poczatku III wieku n.e.) // Filomata.1990. №3 Specjalny. S.395.

² Ibidem. S.396.

³ Bishop M., Coulston. Op. cit. P.85.

⁴ Dabrowa E. Op. cit. S.398.

⁵ Hoffiler V. Op. cit. // VHAD. 1912. №12. S.38-39.

⁶ Винклер П. Указ. соч. С.65.

⁷ Connolly P. Historia armiji Rzymskiej. Wroclaw, 1994. P.50.

⁸ Винклер П. Указ. соч. С.66.

⁹ Dabrowa E. Op. cit. S.399.

¹⁰ Dabrowa E. Op. cit. S.399. Иную точку зрения по данному вопросу см.: Bishop M. Op. cit. P.82.

¹¹ Bishop M. Op. cit. P.82.

¹² Junkelmann M. Op. cit. S.177.

¹³ Bishop M. Op. cit. P.82.

¹⁴ Connolly P. Op. cit. S.19.

¹⁵ Hoffiler V. Op. cit. S.191-204.

¹⁶ Bishop M. Legio V Aladae and the crested lark // Journal of Roman Military Equipment Studies. 1990. №1. P.161-164.

¹⁷ Hoffiler V. Op. cit. S.210.

¹⁸ Beck F., Chew H. Masques de fer d'un officier romain du temps de Caligula. Musée des antiquités nationales de Saint-Germain-en-Laye. Paris, 1991. P.140.

¹⁹ Ibidem. P.138 ff.

²⁰ Hoffiler V. Op. cit. S.185.

²¹ Bishop M., Coulston J.C.N. Roman Military Equipment... P.118.

²² Dabrowa E. Op. cit. S.75-76.

²³ Junkelmann M. Op. cit. S.181.

²⁴ Bishop M., Coulston J.C.N. Op. cit. P.69.

- ²⁵ Shchukin M. Shields, swords and spears as evidence of Germanic – Sarmatian contacts and Barbarian – Roman relations // Beiträge zu roemischer und barbarischer Bewaffnung in der erster vier nachchristlicher Jahrhunderten / Hrsg. von Carnap-Bornheim C. Marburger Kolloquium 1994. Lublin; Marburg, 1994. S.491.
- ²⁶ Bishop M., Coulston J.C.N. Op. cit. P.74.
- ²⁷ Ibid. P.55.
- ²⁸ Connolly P. Op. cit. S.18.
- ²⁹ Ibid. S.35.
- ³⁰ Bishop M., Coulston J.C.N. Op. cit. P.48.
- ³¹ Albrecht C. Das Roemerlager in Oberaden und das Uferkastell in Beckinghausen an der Lippe. Dortmund, 1942. Bd.2. S. 24.
- ³² Dabrowa E. Op. cit. S.76.
- ³³ Ibid. S.126.
- ³⁴ Maxfield V. Military Decorations of the Roman Army. London, 1981. P.198.
- ³⁵ Marsden E.W. Greek and Roman Artillery: Historical Development. Oxford, 1969; Idem. Greek and Roman Artillery: Technical Treatises. Oxford, 1971.
- ³⁶ Bishop M., Coulston J.C.N. Op. cit. P.99.
- ³⁷ Ibid. P.101.
- ³⁸ Junkelmann M. Op. cit. Taf.61a.
- ³⁹ Bishop M., Coulston J.C.N. Op. cit. P.100.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ЛЕГИОНЫ ЭПОХИ ПРИНЦИПАТА

Название	Период существования	Место дислокации	Эмблема
I Augusta (Germanica)	конец I в. до н.э. – 70/71 г.	Испания, Верхняя Германия (Mogontiacum)	козерог (?)
I Italica	20.09.66 г.-IV в.	Мезия (Novae)	кабан
I Minervia	83 г. – 87 г. (?) или III в.	Мезия или Германия (?)	овен
I Adiutrix	22.12.68 г.– начало IV в.	Германия, Нижняя Паннония	козерог и пегас
I Parthica	197 г. – IV в.	Месопотамия	?
II Adiutrix	7.03.70 г. – рубеж III и IV вв.	Британия, Нижняя Паннония	пегас, козерог
II Augusta	середина I в. до н.э. – начало V в	Испания, Верхняя Германия (Mogontiacum, Argentoratum), Британия	пегас, козерог
II Traiana	101 г. (?)– IV в.	Дакия, Сирия, Египет	?
II Italica	168 г. – рубеж IV-V вв.	Норик	?
II Parthica	197 г. – рубеж IV-V вв.	Италия	?
III Augusta Pia Fidelis	середина I в. до н.э. – 238 г., распущен с damnatio memoriae	Африка (Lambaesis)	пегас, лев
III Cyrenaica	середина I в. до н.э. – начало V в.	Египет, Аравия	бык
III Italica	168 г. – рубеж IV-V вв.	Реция	аист
III Gallica	середина I в. до н.э. – рубеж IV-V вв.	Сирия, Финикия	бык

Название	Период существования	Место дислокации	Эмблема
III Parthica	197 г. – IV в.	Месопотамия	?
IV Macedonica	середина I в. до н.э. – 70/71 г.	Македония, Испания, Верхняя Германия (Mogontiacum)	бык, козерог
IV Flavia Felix	70 г.– рубеж III-IV вв.	Далмация, Мезия	лев
IV Scythica	середина I в. до н.э. – IV вв.	Сирия, Мезия	?
V Alaudae	середина I в. до н.э. – 86/92 г.	Нижняя Германия (Vetera), Мезия	слон
V Macedonica	середина I в. до н.э. – начало V в.	Испания, Дакия, Мезия	орел, бык
VI Ferrata Fidelis Constans	середина I в. до н.э. – III в.	Сирия, Палестина	волчица, Ромул и Рем
VI Victrix	середина I в. до н.э. – начало V в.	Испания, Германия (Novaesium, Vetera), Британия	бык
VII Claudia Pia Fidelis	середина I в. до н.э. – начало V в.	Далмация, Мезия	бык
VII Gemina	10.06.68 – начало V в.	Испания (Leon)	?
VIII Augusta	середина I в. до н.э. – рубеж IV-V вв.	Восток, Иллирик	бык
X Gemina	середина I в. до н.э. – начало V в.	Испания, Паннония, Германия	Нептун, Ромул и Рем, бык (?), волчица
XI Actiaca (Claudia Pia Fidelis)	середина I в. до н.э. – начало V в.	Далмация, Мезия	Нептун, Ромул волчица, Рем
XII Fulminata	середина I в. до н.э. – начало V в.	Сирия, Иудея, Каппадокия	бык (?)
Название	Период	Место	Эмблема

	существования	дислокации	
XIII Gemina	середина I в. до н.э. – начало V в.	Паннония, Германия, Дакия	лев
XIV Gemina (Martia Victrix)	середина I в. до н.э. – начало V в.	Паннония, Верхняя Германия (Mogontiacum), Британия	козерог и орел
XV Apollinaris	середина I в. до н.э. – начало V в.	Верхняя Паннония (Carnuntum) Каппадокия	козерог
XV Primigenia	39/43 г. – 70/71 г.	Германия	?
XVI Galeria	середина I в. до н.э. – 70-71 г.	Германия (Mogontiacum, Novaesium)	лев
I Flavia Firma	70 г. – нач. V в.	Галатия, Каппадокия, Сирия	лев
XVII	середина I в. до н.э. – 9 г.	Аквитания, Германия	?
XVIII	середина I в. до н.э. – 9 г.	Аквитания, Германия	?
XIX	середина I в. до н.э. – 9 г.	Германия	?
XX Valeria Victrix	середина I в. до н.э. – начало V в.	Испания, Далмация, Германия, Британия	кабан
XXI Rapax	середина I в. до н.э. – 92 г. (?)	Германия (Vonna, Mogontiacum)	козерог
XXII Deiotarorum	конец I в. до н.э. – 132-135 гг.	Египет, Иудея	козерог
XXII Primigenia	39-43 г. – рубеж IV-V вв.	Германия	козерог

Примечание: При составлении таблицы автор опирался на следующие работы: Domaszewski A. Die Tierbilder der Signa // Domaszewski A. Abhandlungen zur Roemischen Religion. Leipzig; Berlin, 1909. S.1-16; Ritterling E. Legio // RE. Stuttgart, 1923. HB.23. col.1186-1328; Parker H.M.D. The Roman Legions. New York, 1958; Junkelmann M. Die Legionen von Augustus. Mainz, 1986.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

КАТАЛОГ РИМСКИХ ФАЛЕР С ИЗОБРАЖЕНИЕМ "АМУРА"

1. Головка ребенка в виде Амура. I в. н.э. Темно-синий и белый агат. Овал: 21×19 мм. Место хранения: Парижская Национальная библиотека. Инв. № 167. Место обнаружения неизвестно. Следы крепления на тыльной стороне М. Бабелоном, опубликовавшим гемму, не отмечены. Как фалера атрибутирована О.Я. Неверовым (Античные геммы...С.73). Babelon M.E. Catalogue des camées antiques et modernes de la Bibliothèque Nationale. Paris, 1897. Plate XVIII.

2. Головка ребенка в виде Амура. I в. н.э. Коричневый сардоникс. Круг диаметром 30 мм. На тыльной стороне отмечены четыре пересекающихся отверстия. Место хранения: Парижская Национальная библиотека. Инв. № 170. Место обнаружения неизвестно. Как фалера атрибутирована М. Бабелоном (Catalogue... P.87). Babelon M.E. Catalogue des camées antiques et modernes de la Bibliothèque Nationale. Paris, 1897. Plate XVIII.

3. Головка ребенка в виде Амура. I в. н.э. Светлый халцедон. Круг диаметром 38 мм. Следы крепления М. Бабелоном, опубликовавшим гемму, не отмечены. Место хранения: Парижская Национальная библиотека. Инв. № 171. Место обнаружения неизвестно. Как фалера атрибутирована М. Бабелоном (Catalogue... P.87). Babelon M.E. Catalogue des camées antiques et modernes de la Bibliothèque Nationale. Paris, 1897. Plate XVIII.

4. Головка ребенка в виде Амура. I в. н.э. Пепельный халцедон. Круг диаметром 41 мм. На тыльной стороне отмечены четыре пересекающихся отверстия. Место хранения: Парижская Национальная библиотека. Инв. № 172. Место обнаружения неизвестно. Как фалера атрибутирована М. Бабелоном (Catalogue... P.88). Babelon M.E. Catalogue des camées antiques et modernes de la Bibliothèque Nationale. Paris, 1897. Plate XVIII.

5. Головка ребенка в виде Амура. I в. н.э. Сердолик (цвет камня О.Я. Неверовым, опубликовавшим гемму, не указан). Круг диаметром 28 мм. Следы крепления на тыльной стороне геммы О.Я. Неверовым не указаны. Место хранения: Эрмитаж, Санкт-Петербург. Инв. № 101.

До 1917 г. хранилась в собрании Добычиной (Санкт-Петербург). Место обнаружения неизвестно. Как фалера атрибутирована О.Я. Неверовым. Неверов О.Я. Античные геммы в собрании Эрмитажа. Л., 1988. С.73.

6. Головка ребенка в виде Амура. I в. н.э. Халцедон (цвет камня О.Я. Неверовым, опубликовавшим гемму, не указан). Овал: 31×22 мм. На тыльной стороне четыре пересекающихся отверстия. Место хранения: Эрмитаж, Санкт-Петербург. Инв. № 102. До 1917 г. хранилась в собрании Строгановых (Санкт-Петербург). Место обнаружения неизвестно. Как фалера атрибутирована О.Я. Неверовым. Неверов О.Я. Античные геммы в собрании Эрмитажа. Л., 1988. С.73.

7. Головка ребенка в виде Амура. I в. н.э. Голубой халцедон. Овал: 32×28 мм. Толщина: 15 мм. На тыльной стороне геммы четыре пересекающихся отверстия. Место хранения: Краковский Национальный музей. Инв. № MNK IV-ZL-1179. До конца XIX в. хранилась в собрании К. Шмидта-Цянжыньского. Место обнаружения неизвестно. Как фалера атрибутирована Й. Сливой. Sliwa J. Rzyska falera ze zbiorow Muzeum Narodowego w Krakowie // Filomata. 417. 1993. S.391.

8. Головка ребенка в виде Амура. I в. н.э. Голубовато-серый халцедон. Овал: 40×35 мм. Толщина: 22 мм. На тыльной стороне четыре пересекающихся отверстия. Место хранения: Пермский областной краеведческий музей. Инв. № 13917. Место обнаружения: Мокинский могильник близ Перми, датирован IV-V вв. Как фалера атрибутирована О.Я. Неверовым при устной консультации.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

ЛАТИНСКО-РУССКИЙ ВОЕННЫЙ СЛОВАРЬ

(ЭПОХА ПРИНЦИПАТА)

Представленные в словаре термины согласно общепринятой традиции поставлены в следующих грамматических формах: именительный падеж единственного числа, окончание родительного падежа единственного числа, в скобках – именительный падеж множественного числа, род (m – мужской, n – средний, f – женский).

Данные ниже слова относятся исключительно к легионам. Терминология, касающаяся других родов войск в словаре не представлена.

При работе над словарем автор опирался на оригинальные тексты латинских авторов, эпиграфические памятники, глоссарии, составленные другими исследователями и, в первую очередь, М. Юнкельманом (Junkelmann M. Die Legionen des Augustus. Der römische Soldat im archäologischen Experiment. Mainz, 1986).

Словарь призван помочь исследователям при чтении трудов латиноязычных авторов на языке оригинала, а также при анализе памятников изобразительного искусства, связанных с римской военной тематикой.

accseptum, -i, (acccepta), n – часть жалования, выдаваемая солдату на руки

accinctus, -i, (accincti), m – перепоясанный мечом: понятие правового характера, обозначающее солдата действительной службы

acetum, -i, n – уксус, кислое вино

acies simplex, duplex, triplex, quadruplex – боевой порядок в одну, две, три, четыре колонны

actarius, -ii (actarii), m – унтер-офицер при штабе

adiutor, -oris (adiutores), m – помощник командующего, адъютант

adiutrix, -icis (adiutrices), f — помощник, название легионов, набранных из военных моряков

adlocutio, -ionis (adlocutiones), f – обращение полководца к войскам

ad signa – "у знамен", деньги из солдатского жалования, в принудительном порядке помещаемые в кассу легиона

aedes principiorum, f – лагерное святилище, "знаменная комната"

aelia, f – название одного из легионов императора Адриана

aenator, -oris (aenatores), m – трубач

aerarium, -ii (aeraria), n – касса, казна, в военном лагере – подвал, хранилище под знаменным святилищем

aerarium militare, n – государственная казна для обеспечения военных ветеранов

aestiva, -orum pl., n – летний или маршевый лагерь

agger, -eris (aggeres), m – земляной вал, насыпь, выстраиваемая для осадных целей

agmen, -inis (agmina), n – маршевая колонна

agmen extremum, n – арьергард

agmen primum, n – авангард

- agmen quadratum, n – передвижение в форме каре
 ala, -ae (alae), f – "крыло" – конная часть из союзнического контингента численностью 500 или 1000 человек
 Alaudae gen., f – Жаворонков – название одного из набранных в Галлии легионов
 alveus, -i (alvei), m – земляное укрепление, окоп
 ambulatio, -ionis (ambulationes), f – марш в мирных условиях, тренировочный марш
 am(m)entum, -i (amenta), n – бросательная петля метательного копья
 ampulla, -ae (ampullae) f – стеклянная пузатая бутылка для масла, полевая фляжка, обтянутая кожей
 annona militaris, f – обеспечение армии хлебом
 ansa, -ae (ansae), f – ручка, эфес, ручка щита
 antesignanus, -i (antesignani), m – первоначально – солдаты первых рядов, сражающиеся впереди знамени, впоследствии – отборная часть легиона, которая поддерживала в бою конницу, занимала опорный пункт и т.д.
 apparitor, -oris (apparitores), m – штабной служащий низшего ранга
 aquila, -ae (aquilae), f – орел (орел Юпитера), знак и символ легиона
 aquilifer, -i (aquiliferi) m – носитель легионного орла, высший ранг легионных знаменосцев
 ara, -ae (arae), f – алтарь
 aries, -etis (arietes), m – "баран", таран
 arma, -orum, pl. – орудие, оборудование, оружие, снаряжение
 armamentarium, -ii (armamentaria), n – арсенал, оружейная комната
 armatura, -ae (armaturae), f – военная тренировка, фехтовальное обучение, вид оружия
 armilla, -ae (armillae), f – браслет, низший знак военного отличия
 armorum custos, m – хранитель оружия
 Augusta f – Августов – название нескольких легионов
 auguratorium, -ii (auguratoria), n – в лагере площадка перед палаткой полководца, откуда наблюдали за полетом птиц
 auspicium, -ii (auspicia), n – право наблюдать за птицами, которым обладал только высший военный командир

auxilia, -orum pl., n – вспомогательные войска из лиц, не обладавших гражданским статусом; вторая постоянная часть римского войска помимо легионов

ballista, -ae (*ballistae*), f – метательная машина, камнемет

balteus, -ei (*baltei*), m – портупея для ношения меча

basilica, -ae (*basilicae*) f – просторное здание в центре лагеря, разделенное на три части; служило местом собраний

basilica exercitatoria, f – крытая площадка для обучения строевой подготовке, плац

bellum, -i (*bella*), n – война

beneficiarius, -ii (*beneficiarii*), m – помощник офицера из числа старших солдат, часто самостоятельно выполнявший различные поручения

bracae, -arum pl., f – длинные штаны

buccelatum, -i (*buccelata*), n – сухарь

buccula, -ae (*bucculae*) f – часть шлема, защищающая щеки

bucina, -ae (*bucinae*), f – военный духовой инструмент

caespes, -itis (*caespites*) m – дерн; вырубленные куски дерна, используемые как строительный материал

caetra, -ae (*caetrae*), f – маленький круглый щит испанского происхождения для легко вооруженных воинов

calcar, -is (*calcaria*), n – шпора

calceus, -i (*calcei*), m – мягкие сапоги, которые носили римские офицеры

calciarium, -ii (*calciaria*), n – "дорожные" деньги

caliga, -ae (*caligae*), f – высокие сандалии, которые носили легионеры включительно до центуриона

calo, -onis (*calones*), m – слуга конного воина, денщик

camillus, -i (*camilli*), m – молодой человек, приносящий жертву

canabae, -arum pl., f – гражданское поселение около легионного лагеря

canaliculus, -i (*canaliculi*), m – рабочая часть метательной машины

capitium, -ii (*capitia*), n – капюшон

capitulum, -ii (*capitula*), n – натяжка торсионного устройства

capitus, -i (*capiti*), m – поводырь лошади, мула

capricornus, -i (*capricorni*), m – козерог, эмблема одного из легионов

capsarius, -ii (*capsarii*), m – солдат-санитар

capsulus, -i (*capsuli*), m – рукоять меча

- carcer, -eris (carceres), m – карцер
 cardo, -inis (cardines), m – главная улица города, военного лагеря
 carroballista, -ae (carroballistae), f – легкий, передвижной камне-
 мет
 cassis, -idis (cassides), f – тип шлема, каска
 castellum, -i (castella), n – маленький лагерь, форт, редут
 castigatio, -ionis (castigationes), f – телесное наказание
 castra, -orum, pl., n – лагерь, казарма
 castra stativa, pl., n – постоянный лагерь
 castris Ablat. pl. – "из лагеря", прозвище для солдатских детей,
 рожденных в канабах
 castrum, -i, n – крепость, форт
 catapulta, -ae (catapultae), f – машина, мечущая стрелы и дротики
 centuria, -ae (centuriae), f – сотня, пехотное соединение из 80 че-
 ловек
 centurio, -iones (centuriones), m – командир центурии, "капитан"
 cerveza, -ae (cervezia), f – пиво
 cervus, -i (cervi), m – заграждение из вбитых кольев
 cibaria, -orum, pl., n – продолжительность жизни, съестной запас
 солдата
 cingulum, -i (cingula), n – солдатский ремень, отличительный
 знак военных
 cippus, -i (cippi), m – свая, кол, пограничный либо могильный
 камень, частокол
 civitas Romana, f – римское гражданство, обязательное для кан-
 дидатов в легионеры
 clades, -is (clades), f – поражение, разгром
 classarius, -ii (classarii), m – военный моряк
 classicum, -i (classica), n – подразделение трубачей, коллективно
 исполняющее торжественные фанфары
 classis, -is (classes), f – цензовый класс, разряд, флот
 Claudia, f – Клавдиев, название некоторых легионов
 clavarium, -ii (clavaria), n – "гвоздевые" деньги, даваемые солда-
 ту для совершения перехода
 clavicula, -ae (claviculae), f – внешнее укрепление, лагерная баш-
 ня
 clipeus, -i (clipei) m – круглый или овальный щит, во времена Рес-
 публики также боевая награда
 coculum, -i (cocula), n – металлический котелок, кастрюля

cognomen, -inis (cognomina), n – прозвище, последняя часть трехчленной римской именной системы; имя ветви рода, семьи

cohors, -tis (cohortes), f – когорта, тактическое подразделение численностью около 500 человек; также вспомогательная часть численностью 500 или 1000 человек

colonia, -ae (coloniae), f – городская община римских граждан, обладающая привилегированным статусом

commeatus, -us, m – солдатский отпуск

commentariensis, -is, m – штабной чиновник из старших солдат, связанный с юридическим делопроизводством

commilitio, -onis (commilitiones), m – соратник

concubinatus, -us, m – "сожительство", фактический, но не признанный римскими законами союз между людьми разного правового статуса

concursum, -us (concursum), m – штурм, столкновение

conquisitor, -oris (conquistores), m – офицер-вербовщик

conscriptio, -onis (conscriptioes), f – принудительный набор по цензовым спискам

consul, -is (consules), m – высшее должностное лицо во времена Республики, коллегия из 2 человек; с началом Империи их число увеличилось, а объем власти сократился

contubernium, -ii, n – сообщество однопалаточников, группа из 8-10 человек, мельчайшее подразделение римской армии

contubernalis, -is (contubernales), m – товарищ по палатке, доброволец; человек из свиты командующего

contus, -i (conti), m – тяжелое копье

conubium, -ii (conubia), n – признаваемый римским правом брак

conus, -i (coni), m – конический наконечник шлема для крепления султана

coria, -arum, pl., f – войска

colpinus, -i (colpini), m – носильный короб легионера

cornicen, -inis (cornicines), m – трубач в рожок

cornicularius, -ii (cornicularii), m – старший солдат при штабе вроде фельдфебеля

corona, -ae (coronae), f – венок – военная награда, отличие триумфатора

crista, -ae (cristae), f – султан шлема

crista transversa f – султан шлема, прикрепленный поперек, знак отличия центурионов

cultellus, -i (cultelli), m – маленький нож

- culter, -tri (cultri), m – нож
 curator veteranorum, m – командир ветеранского подразделения
 cursim – поспешное передвижение
 cursus, -us (cursus), m – бег
 cursus honorum – "почетная карьера" римского гражданина от квестуры до консулата
 cuspis, -idis (cuspides), f – древко копья, колodka для метания копья
 custodia, -ae (custodiae), f – сторожевой пост, охрана
 damnatio memoriae f – официальный запрет упоминания конкретных персон или воинских частей
 decimatio, -ionis (decimationes) f – наказание целой воинской части, когда казни подлежит каждый десятый, выбираемый по жребию
 decurio, -ionis (decuriones), m – командир турмы, конного соединения в легионе
 decursio, -ionis (decursiones), f – атака, маневр
 deductio, -ionis (deductiones) f – организация переселения ветеранов в колонии и наделение их там земельными участками
 dei militares, pl., m – божества, почитаемые в армии
 depositum, -i (deposita), m – солдатские сбережения в войсковой части
 desertor, -oris (desertores), m – дезертир
 dies natalis aquilae, m – "день рождения легионного орла", празднично отмечаемая дата основания легиона
 dilectus, -us (dilectus), m – вербовка в армию, в основном добровольческая система набора
 diploma militare, n – военный диплом, закрепляющий правовые привилегии ветеранов по случаю получения римского гражданства; легионерам выдавался редко
 disciplina, -ae, f – военное воспитание и порядок; дисциплина почиталась в качестве божества
 dolabra, -ae (dolabrae), f – саперный инструмент, соединение мотыги и лопаты
 donativum, -i (donativa) n – денежный подарок солдатам от императора по случаю коронации или другому торжественному поводу
 donum militare, n – боевая награда
 duplicarius, -ii (duplicarii), m – старший солдат с двойным окладом
 emeritus, -i (emeriti), m – отставной солдат, ветеран

eques, -itis (equites), m – кавалерист; обладатель всаднического статуса

equites singulares, pl., m – конная лейбгвардия императора, при Флавиях набираемая из вспомогательных войск, сначала в 500, затем – в 1000 человек

evocatus, -i (evocati), m – вновь вызванный на военную службу ветеран, обычно – на командную должность

ex caliga – "из солдатских сандалий", обозначение выслужившегося из солдатской массы

excubiae, -arum, pl., f – сторожевой пост

exercitatio, -ionis (exercitationes), f – тренировка, военные упражнения

exercitus, -us (exercitus), m – войско, армия, часто – обозначение провинциальной войсковой группировки

explorator, -oris (exploratores), m – разведчик, солдат передового отряда

extra vallum tendere – наказание целой воинской части, когда последняя должна располагаться на постой вне лагеря, как правило, с более суровым, чем обычно, пищевым рационом

faber, -bri (fabri), m – военный ремесленник

falx, -cis (falces), f – серп, меч с изогнутым клинком

falx muralis, f – "стенной серп", устройство для разрушения стен

far, farris, n – мука грубого помола, жертвенная мука

fastigata, -ae (fastigatae), f – рогаткообразные вилы, на которых легионеры переносили свои пожитки

fastigatum, -i (fastigata), n – вверх скошенный вал, стена

feminalia, -ium pl., n – короткие брюки, чуть ниже колен, носимые легионерами

ferrarius, -ii (ferrarii), m – кузнец

Ferrata, -ae, f – Железный – название легиона

fetialis, -is (fetiales), m – член жреческой коллегии из 20 человек, используемой для объявления войны и ведения мирных переговоров

fibula, -ae (fibulae), f – пряжка, брошка

Fidelis, -is, f – Верный – название легиона

fides, -is, f – верность, лояльность, почитаемая как божество

fiscina, -ae (fiscinae), f – фашина, короб

fossa, -ae (fossae), f – ров

frenum, -i (frena), n – уздечка

Fretensis, -is, f – Образованный за проливом (в Сицилии) – название легиона

frumentarius, -ii (frumentarii), m – старший солдат, занимавшийся продовольствием или фуражом

Fulminata, -ae, f – Молниеносный – название легиона

funda, -ae (fundae), f – ручная праща

funis, -is (funes), m – канат, бечева палатки

furca, -ae (furcae), f – двузубая вилка, крестообразная жердь для солдатского скарба

fustuarium, -ii (fustuaria), n – смертная казнь посредством битья палками, приводимая в исполнение сослуживцами наказанного

galea, -ae (galeae), f – тип шлема

Gemina, -ae, f – Близнецов – название легионов, возникших в результате слияния нескольких легионов

genius, -ii (genii), m – дух – покровитель легиона, центурии, лагеря, персональный хранитель

gladius, -ii (gladii), m – меч средней длины с широким клинком

gradus, -us (gradus), m – фехтовальная позиция; воинский ранг или звание

gregalis, -is (gregales), m – рядовой солдат

groma, -ae (gromae), f – землемерный инструмент, необходимый при организации лагеря

gyrus, -i (gyri), m – круговой маневр, круглая тренировочная площадка для кавалерии

habenae, -arum, pl., f – узда

haruspex, -icis (haruspices), m – жрец, занимающийся гаданиями по птицам, ведающий жертвоприношениями

hasta, -ae (hastae), f – копье

hasta pura, f – серебряное копье, знак отличия для офицеров всаднического статуса

hiberna, -ae (hibernae), f – зимний лагерь

hibernacula, f – размещение на зимние квартиры

honesta missio f – почетное увольнение с военной службы со всеми полагавшимися привилегиями и материальным обеспечением

honos, -oris (honores), m – почет, воинское божество

hordeum, -ei (hordea), n – ячмень

horologium, -ii (horologia), n – лагерные часы – солнечные или водяные

horreum, -ei (horrea), n – кладовая, амбар

humerale, -is (humeralia), n – военная накидка, плащ

iaculum, -i (iacula), n – легкое метательное копье

imaginifer, -eri (imaginiferi), m – носитель императорских изображений

imago, -inis (imagines), n – значок с изображением императора

immunis, -is (immunes) m – старший солдат, освобожденный от рутинной службы, используемый для особых поручений

impedimenta, -orum pl., n – военный багаж, перевозимый на тягловых животных ; обоз

imperator, -oris (imperatores), m – носитель высшей военной власти – императора, победоносный полководец, начиная с Августа, постоянная часть имени правителя

impetus, -us impetus), m – натиск, напор, удар

insigne, -is (insignia), n – значок, украшение, обозначение на щите

intervallum, -i (intervalla), n – расстояние между лагерной стеной и расположением воинской части

iter iustum, n – обычный переход, марш

iter magnum, n – переход , передвижение целой армии

iugerum, -i (iugera), n – единица земельной площади, равная 2532 кв. м

iumentum, -i (iumenta), n – тягловое животное

lancea, -ae (lanceae), f – длинное метательное копье

laridum, -i (larida), n – шпиг

laterculi, pl., m – списки части или демобилизованных

laurea, -ae (laurea), f – лавр, лавровый венок, победа

lectus, -i (lecti), m – призванный в армию

legatus legionis, m – командир легиона, должность уровня современного бригадного генерала

legio, -onis (legiones), f – легион, воинская часть из римских граждан численностью 4-6 тысяч человек

legio vernacula, f – легион, в экстремальных условиях набираемый из негражданского населения

legionarius, -i (legionarii), m – легионер

levis armatura, f – легкое вооружение

librarius, -ii (librarii), m – секретарь, служащий архива из старших солдат

lictor, -oris (lictiores) m – ликтор – служащий (не раб) магистрата, носящий фасции – знак власти, приводящий в исполнение наказание; при консулах и проконсулах их 12, при преторах – 6, при легатах – 2

ligo, -onis (ligones), m – мотыга

ligula, -ae (ligulae), f – ложка

lilium, -ii (*lilia*), n – "лилия", солдатское обозначение волчьей ямы с частоколом

limes, -itis (*limites*), m – укрепленная граница

lituus, -i (*litui*), m – изогнутая сигнальная труба в кавалерии

lixa, -ae (*lixae*), m – рыночный торговец, обозный служака

locus gromae, m – центральная топографическая точка лагеря, перекресток *via praetoris* и *via principalis*

lorica, -ae (*loricae*), f – панцырь

lorica hamata, f – плетеный панцырь из железных колец, кольчуга

lorica segmentata, f – панцырь из металлических полос

lorica squamata, f – панцырь из металлических чешуек, нашитых на холстину

lorum, -i (*lora*), n – кожаный ремень

lustratio, -ionis (*lustrationes*), f – церемония очищения войска до и после военного похода

machina, -ae (*machinae*), f – общее обозначение осадной машины

manuballista, -ae (*manuballistae*), f – "ручная баллиста", само-стрел, арбалет

manubiae, -arum, pl., f – прибыль от продажи добычи

manubrium, -ii (*manubria*), n – рукоятка оружия

matrimonium iuris civilis, n – законный брак между римскими гражданами

medicus, -i (*medici*), m – главный врач военного госпиталя

medicus ordinarius, m – военный врач

medicus veterinarius, m – врач-ветеринар

mercator, -oris (*mercatores*), m – рыночный торговец

mercenarius, -ii (*mercenarii*), m – наемник

miles, -itis (*milites*), m – солдат вообще в отличие от гражданских, как рядовой в отличие от старших солдат

miles caligatus, m – обозначение солдат от рядового до центуриона

miles expeditus, m – солдат в боевой готовности, освобожденный от маршевого снаряжения

miles gregarius, m – "стадный солдат", рядовой

miles impeditus, m – солдат с маршевым снаряжением

miles medicus, m – санитар из старших солдат

milia passus – тысяча сдвоенных шагов, римская миля, около 1500 м

militaris, -is (*militares*), m – военный

militia, -ae (*militiae*), f – служба, не только военная

missio causaria, f – досрочное увольнение солдата по ранению или болезни

missio ignominiosa, f – позорное увольнение без выплат и привилегий

modius, -ii (*modii*), m – единица объема сыпучих тел, равная 16 римским секстариям, около 8,7 л

mola, -ae (*molae*), f – мельничный жернов, мельница, жертвенная мука

mucro, -onis (*mucrones*), m – наконечник копья или меча

multa pecunaria, pl., f – денежный штраф

mulus Marianus, m – "Мариев мул", прозвище легионеров, вынужденных после Мариевой реформы на себе переносить тяжелое походное снаряжение

municipium, -ii (*municipia*), n – самоуправляемая городская община, после 212 г. коллектив римских граждан

munifex, -ficis (*munifices*), m – солдат действительной службы, не имеющий освобождения от рутинных обязанностей

munus, -eris (*munera*), m – рутинная служба рядовых солдат, включая тяжелые строительные работы

munerum indictio, f – штрафная служба

nervus, -i (*nervi*) m – тетива лука, метательной машины

numina castrorum, pl., n – божества-покровители и духи лагеря, а также его частей

nomen gentile, n – родовое имя, вторая главная часть римской именной системы

obsessio, -ionis (*odsessiones*), f – окружение, блокада крепости

ocrea, -ae (*ocreae*), f – поножи, наголенники, обычно отличавшие центуриона от солдат

officialis, -is (*officiales*), m – старший солдат при штабе

officina armorum, f – военная мастерская

officium, -ii (*officia*), n – штаб, ставка

opera, -orum, pl., n – работы по обустройству лагеря, особенно по строительству стен

oppidum, -i (*oppida*), n – окруженное стеной поселение

optio, -ionis (*optiones*), m – заместитель центуриона, также низший офицер с самостоятельным заданием

optio ad spem, m – кандидат в центурионы

orbis, -is (*orbes*), m – круговое перестроение воинской части

orichalcum, -i, n – металл, из которого наиболее часто изготавливали оружие во времена принципата

origo, -inis (origines), f – "происхождение", указание места рождения в воинских эпитафиях

ornamenta triumphalia, n – триумфальные знаки отличия, которые в период принципата могли выдаваться без проведения триумфального шествия

ovatio, -onis (ovationes), f – малый триумф

paenula, -ae (paenulae), f – пончоподобный плащ с капюшоном, популярный у римских военных в I-III вв.

pala, -ae (palae), f – лопата

paludamentum, -i (paludamenta), n – офицерский плащ, накидка командующего

panarium, -ii (panaria), n – солдатский вещевой мешок

panis militaris, m – ржаной солдатский хлеб

parma, -ae (parmae), f – легкий круглый щит на вооружении значконосцев и трубачей

passus, -us (passus), m – "шаг", двойной шаг, единица длины около 1,5 м

patera, -ae (paterae), f – жертвенная посуда, кастрюля

raxillus tentoris, m – палаточный кольшеш

reculium castrense, n – имущество, юридически признанное как собственность солдата

pedes, -itis (pedites), m – пехотинец

pellis, -is (pelles), f – "шкура", кожаная палатка

pera, -ae (perae), f – кожаная сумка, ранец

peregrinus, -i (peregrini), m – "чужак", лично свободный обитатель Римского государства, не имеющий прав гражданина

pes, pedis (pedes), m – "ступня", единица длины, около 30 см

phalera, -ae (phalerae), f – медаль, знак солдатского отличия, посеребрянный диск, гладкий или с узорами

pharetra, -ae (pharetrae), f – колчан

Pia, f – Почтительный, Преданный долгу – названия легионов

pilum, -i (pili), n –тяжелое метательное копьё пехотинца с длинным тонким наконечником

pilum murale, n – входящие в походное снаряжение легионера колья, предназначенные для защиты лагеря

pinna, -ae, f – зубец стены, башенка

pluteus, -ei (plutei), m – переносная или стационарная защитная стенка из ивовых прутьев или шкур

porta decumana, f – задние ворота лагеря

porta praetoria, f – передние, главные ворота лагеря

- porta principalis dextra, f – ворота лагеря с правой стороны
 porta principalis sinistra, f – ворота лагеря с левой стороны
 porticus, -us (porticus), f – колоннада, при осаде - крытый коридор
 posca, -ae (poscae), f – вода, смешанная с уксусом или сухим вином, обычное питье солдат на марше
 рора, -ae (rorae), m – помощник жреца, разрезающий мясо во время жертвоприношения
 praefectus castrorum, m – комендант лагеря часто из числа бывших центурионов, одна из высших офицерских должностей в легионе
 praefectus fabrum, m – командир легионных ремесленников и саперов
 praefectus legionis, m – командир размещенного в Египте легиона
 praeiuratio, -ionis (praeiurationes), f – присяга времен Республики, текст которой произносил один солдат, тогда как остальные повторяли хором "Idem in me" – "И я также"
 praemium militare, n – деньги, выдаваемые ветерану после увольнения с военной службы
 praenomen, -inis (praenomina), n – преномен, личное имя, первая часть трехчленной римской именной системы
 praesidium, -iī (praesidia), n – стража, сторожевой пост, гарнизон
 praetentura, -ae, f – передняя часть лагеря (перед палатками)
 praetor, -oris (praetores), m – высший магистрат после консула во времена Республики, поначалу числом 2, наделялись военными полномочиями, при Августе их численность возросла до 10-16 человек
 praetorium, -iī (praetoria), n – палатка командующего в маршевом лагере, часть лагеря, зарезервированная для высшего командного состава
 pridianus, -i, m – годовой отчет воинской части
 primi ordines, pl., m – центурионы высшего ранга (первоначально 6, позже 5 из первой когорты)
 primipilus, -i (primipili), m – центурион высшего ранга, вроде полковника
 principalis, -is (principales), m – общее определение для старших солдат, исполнявших различные функции в центурии и при штабе
 principia, -orum, pl., n – штаб, штаб-квартира лагеря
 probatio, -ionis (probationes), f – проверка, предварительный осмотр призывников
 proconsul, -is (proconsules), m – наместник провинции из числа бывших консулов
 profectio, -ionis (profectiones), f – выступление воинской части

pteryges, -ium, pl., f – полосы из кожи и клееных полотен, прикрывающие низ живота, бедра либо плечи, кроме того, выполняющие декоративную функцию, часто украшались

rugio, -ionis (pugiones), f – кинжал

pullarius, -ii (pullarii), m – наблюдатель за священными курами

puls, pultis, f – наказание в виде каши из зерна грубого помола

punica, -ae (punicae), f – окоп с отвесными краями

quaestionarius, -ii (quaestionarii), m – солдат, осуществляющий пытки во время допроса

quaestor, -oris (quaestores), m – низшая должность в карьере сенатора, связанная с управлением финансами, при Августе квесторы часто использовались как командиры легионов

quaestorium, -ii (quaestoria), n – в лагере – резиденция квестора, позже – лагерного префекта

Rapax, -acis, f – "Хищный", "Стремительный", "Неудержимый" – названия легионов

religio castrensis, f – лагерные культы, "военная" религия

retentura, -ae, f – задняя часть лагеря

reticulum, -i (reticula), n – хлебный мешок, сетка

rosalia, -ium, pl., n – праздник поминовения усопших, у военных сопровождавшийся увенчанием розами боевых значков (rosalia signorum)

rutrum, -i (rutra), n – лопата

sacellum, -i (sacella), n – часовня, "знаменное" святилище в лагере

sacramentum, -i (sacramenta), n – присяга, во времена Империи приносимая каждым солдатом индивидуально

sagitta, -ae (sagittae), f – стрела

sagum, -i (saga), n – военный плащ, закрепляющийся булавкой на правом плече

sambuca, -ae (sambucae), f – арфа, род подъемного моста, используемого при штурме лагерных стен

sarcina, -ae (sarcinae), f – носимое имущество легионера

Saturnaliu castrense, n – лагерный праздник в середине декабря, отмечаемый с особым размахом и весельем

scalprum, -i (scalpra), n – нож для резки дерна

scamnum, -i (scamna), n – казарма

schola, -ae (scholae), f – место проведения тренировок, религиозных церемоний, общих собраний, своеобразный клуб

scorpio, -ionis (scorpiones), m – "скорпион", легкое метательное орудие

scutum, -i (scuta), n – большой выпуклый щит легионера

securis, -is (securēs), f – секира

sepositum, -i (seposita), n – часть солдатского жалования, хранящаяся в легионной кассе

sesquipilarius, -ii (sequipilarii), m – старший солдат, получавший жалование в полтора раза больше, чем рядовой легионер

signa conferre – собрать боевые значки вместе – сконцентрироваться для сражения

signa constituere – поставить боевые значки – совершить привал

signa convertere – повернуть боевые значки – повернуться кругом

signa ferre – нести боевые значки – маршировать

signa inferre – направить боевые значки – наступать

signa movere – двинуть боевые значки – выступать

signa obicere – развернуть боевые значки – контратаковать

signa referre – повернуть назад боевые значки – отступить

signa sequi – следовать за боевыми значками – дисциплинированно передвигаться, исправно нести воинскую службу

signa tollere – поднять боевые значки – выступать

signa transferre – перенести боевые значки – совершить переход

signatus, -i (signati), m – принятый на военную службу солдат

signifer, -eri (signiferi), m – солдат-носитель военных значков

signum, -i (signa), n – военный знак манипулы, турмы

sodalis, -is (sodales), m – товарищ, член какого-либо сообщества

spatha, -ae (spathae), f – длинный меч кавалеристов

speculator, -oris (speculatores), m – разведчик, шпион, входящий в свиту полководца, также палач

spiculum, -i (spicula), n – наконечник копья, стрелы

spolium, -ii (spolia) m n – трофей

statio, -ionis (stationes), f – сторожевой пост, гарнизон

stipendium, -ii (stipendia), n – годовое жалование, год службы

strator, -oris (stratores), m – денщик, слуга по уходу за лошадьми

striga, -ae (strigae), f – патруль

subsidium, -ii (subsidia), n – помощь, резерв

sub aquila – "под орлом" – на действительной военной службе

sub vexilla – служба ветеранов после истечения срока регулярной службы

suovetaurilia, -ium, pl., n – приносимая Марсу жертва в виде быка, барана, кабана

supplementum, -i (supplementa), n – пополнение, дополнительный набор солдат

tabernaculum, -i (tabernacula), n – палатка

tabularium, -ii (tabularia), n – архив

tegimentum, -i (tegimenta), n – чехол

tegula, -ae (tegulae), f – плоская черепица

telum, -i (tela) n (torques), m – наступательное оружие, особенно – снаряды, пули

tessera, -ae (tesserae), f – табличка с паролем, пароль

tesserarius, -ii (tesserarii), m – начальник охраны лагеря

testa, -ae (testae), f – обожженная черепица

testudo, -inīs (testudines), f – "черепаха", передвижной навес для осадных работ, крыша из щитов, образуемая солдатами во время штурма крепостных стен

thorax, -acis (thoraces), m – металлическая кираса, "мускульный"

панцырь

tibia, -ae (tibiae), f – берцовая кость, духовой инструмент с двойным рядом трубок наподобие гобоя, на котором играли во время жертвоприношений

tiro, -onis (tirones), m – новобранец

toga picta, f – тога триумфатора, пурпурная с золотыми звездами

torques, -is (torques), m – ожерелье – воинская награда низшего ранга, заимствованная у кельтов

tragula, -ae (tragulae), f – легкий дрозик кавалеристов

tres militiae, pl., f – военная карьера всаднического сословия, обычно включающая должности префекта когорты, легионного трибуна, префекта алы

tria nomina, pl., n – трехчленная именная система римских граждан, получившая широкое распространение начиная с Клавдия

tribunal, -alis (tribunalia), n – платформа, трибуна в лагере, где находился полководец во время парада

tribunus angusticlavius, m – военный трибун из всаднического сословия (с узкой пурпурной полосой на тунике, числом 5 в легионе), без определенного круга обязанностей, приглашался на штабную службу командиром легиона персонально

tribunus laticlavius, m – военный трибун из сенатского сословия (с широкой пурпурной полосой на тунике, один на легион), заместитель легата

tribus, -us (tribus), f – "племя", территориальный округ, к которому приписывался с рождения каждый римский гражданин

triumphus, -i (triumphi), m – триумф – высшая награда для победившего полководца, с Империи – только для императоров и членов их семей

trophaeum, -aei (trophaea), n – трофей, военная добыча, оружие противника, развешанное на дубе

tuba, -ae (tubae), f – труба, военный духовой инструмент

tumultus, -us (tumultus), m – солдатский мятеж

tunica palmata, f – расшитая пальмами туника триумфатора

turma, -ae (turmae), f – кавалерийское подразделение в составе легиона, включающее около 40 человек

turris, -is (turres), f – лагерная или осадная башня

tutulus, -i (tutuli), m – коническая прическа жреца-фламина, шанцевое укрепление перед лагерными воротами параллельно стенам

Ulpia, f – Ульпиев – название легиона

umbo, -onis (umbones), m – навершие щита

vacatio, -onis (vacationes), m – солдатский отпуск

valetudinarium, -ii (valetudinaria), n – госпиталь

vallum, -i (valla), n – вал, укрепленный палисадом

vallus, -i (valli), m – колья палисада

vas, vasis (vasa), n – полевая посуда

vectis, -is (vectes), m – рычаг, балка ворот

vestimentum, -i (vestimenta), n – обмундирование

veteranus, -i (veterani), m – ветеран: отставник или старослужащий солдат

vexillarius, -ii (vexillarii), m – знаменосец

vexillatio, -ionis (vexillationes), n – легионное подразделение, выполняющее самостоятельную задачу

vexillum, -i (vexilla), n – боевой значок в виде знамени на древке у ветеранских и вспомогательных подразделений; высший знак воинского отличия в виде маленького серебряного флажка

via praetoria, f – главная улица в лагере, ведущая от основных ворот к задним

via principalis, f – вторая по значению улица лагеря, идущая от левых ворот к правым

via quintana, f – улица в задней части лагеря, идущая параллельно via principalis, служащая для проведения военных тренировок

via sacra, f – священная дорога через римский форум к храму Юпитера на Капитолии – дорога триумфатора

via sagularis, f – дорога вокруг военного лагеря

viaticum, -i (viatica), n – "подъемные" деньги новобранца

vicarius, -ii (vicarii), m – человек, замещающий военнообязанного
 victimarius, -ii (victimarii), m – человек, приносящий животных в
 жертву на триумфе
 victoria, -ae (victoriae), f – победа, богиня победы
 Victrix, -icis, f – Победоносный – название легиона
 vicus, -i (vici), m – деревня, гражданское поселение возле не-
 большого лагеря
 vigilia, -ae (vigiliae), f – отрезок времени в 1/4 часть ночной вах-
 ты
 vinea, -ae (vineae), f – легкий навес из плетеных прутьев и шкур,
 крытый коридор или тоннель
 virtus, -us (virtus), f – мужество, отвага, военное божество
 vitis, -is (vites), f – виноградник, центурионский жезл из вино-
 градной лозы, знак корпоративного отличия центурионов
 voluntarius, -ii (voluntarii), m – доброволец

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ANRW – Aufstieg und Niedergang der Roemisches Welt. Berlin;
New York

BJ – Bonner Jahrbuecher des Rheinischen Landesmuseums in Bonn
und des Vereins von Altertumsfreunden im Rheinlande. Koeln

ВДИ – Вестник древней истории. Москва

JRS – Journal of the Roman Studies. Oxford

RE – Real Encyclopaedie der Alterthums. Stuttgart

RLiO – Der Roemische Limes in Oesterreich. Wien

VHAD – Vjesnik za Historiju i Arheologiju Dalmatinsku. Split

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Аппиан. Гражданские войны / Пер.; Под ред. С.А. Жебелева и
О.О. Крюгера. М., 1994.

Аполлодор. Полиоркетика / Пер. М.Н. Страхова // Греческие по-
лиоркетика. СПб., 1996. С.27-63.

Афинея Механик. О машинах / Пер. М.Н. Страхова // Греческие
полиоркетика. СПб., 1996. С.65-86.

Витрувий Поллион. Об архитектуре. Л., 1936.

Дигесты Юстиниана / Под ред. М. Перетерского. М., 1984.

Записки Юлия Цезаря о галльской войне / Пер. М.М. Покровского. М., 1991.

Избранные латинские надписи по социально-экономической истории ранней Римской империи/ Пер. Е.М. Штаерман // ВДИ.1955. №2-4; 1956. №1-4; 1957. №1.

Полибий. Всеобщая история / Пер. Ф.Г. Мищенко. СПб., 1994. Т.1-3.

Тертуллиан Септимий. Апологетические сочинения / Пер. П. Щеглова. Киев, 1910.

Федорова Е.В. Латинские надписи. М., 1976.

Bowman A.K. The Roman Writing Tablets from Vindolanda. L., 1983.

Corpus Inscriptionum Latinarum:

Vol.3, pars 1,2: Inscriptiones Illyrici / Ed. T. Mommsen. Berlin, 1873.

Vol. 13, pars 1, fasc.1: Inscriptiones Germaniae Superioris / Ed. C. Zangemeister. Berlin, 1905.

Vol. 13, pars 2, fasc.2: Inscriptiones Germaniae Inferioris / Ed. A. Domaszewski. Berlin, 1907.

Vol.16: Diplomata militaria / Post T. Mommsen ed. H. Nesselhauf. Berlin, 1936.

Cumont F. Textes et Monuments figurés aux mystères de Mithra. Bruxelles, 1896-1899. Т.1-2.

Dio Cassius Cocceianus. Dio's Roman History. with an English translation by Earnest Cary. London; New York, 1914-1927. Vol. I-IX; на русском языке имеется перевод его 53-60 книг: Дион Кассий. Римская история / Пер. С.К. Сизова, Е.А. Молева, А.В. Махлаюка // Методические указания к семинарам по истории древнего Рима. Нижний Новгород, 1982-1995; Дион Кассий. Римская история / Пер. Н.Н. Трухиной // Хрестоматия по истории древнего Рима / Под ред. В.И. Кузищина. М., 1987. С. 176-189.

Edictum Octaviani triumviri de privilegiis veteranorum // Fontes Iuri Romani Antejustiniani (FIRA). Pars 1 / Ed. S. Riccobono. Florentia, 1930. S.315-317.

Epistula Imp. Constantini et Licinii de privilegiis militum et veteranorum // FIRA. 1. P.455-459.

Fink R.O. Roman Military Documents on Papyrus. Cleveland, 1971.

Herzig H. Rzymskie kamienie milowe z Italii. Poznan, 1996.

Plakovac B. Burnum II. Der roemische Aquadukt Plavno Polje – Burnum. Wien, 1984.

Kiepert H. *Formae orbis antiqui*. Berlin, 1893 – 1914.

Miller K. *Itineraria Romana*. Stuttgart, 1916.

C.Plini Caecili Secundi *Epistularum libri novem, Epistularum ad Traianum liber, Panegyricus*. Recensuit M.Schuster. Lipsiae, 1958; "Письма" Плиния Младшего / Пер. М.Е. Сергеевко, А.И. Доватура, В.С. Соколова. М., 1983.

Plutarchus. *Plutarch's Lives*. With an English translation by B. Perrin. Cambridge (Mass.); London, 1968. Vol. I-XI; Плутарх Херонейский. Сравнительные жизнеописания. М., 1961-1964. Т. I-III.

Prosopographia Imperii Romani. Vol.I / Ed.E. Klebs. Berolini, 1897; Vol.II / Ed. H.Dessau, Berolini, 1897; Vol. III / Ed. P.von Rhoden, Berolini, 1898; *Prosopographia Imperii Romani*. Editio altera. Berolini, 1933.

Res Gestae divi Augusti / Ed. S.Barini. Milano, 1930; Октавиан Август. "Деяния божественного Августа" / Пер. А.Л. Смышляева // Хрестоматия по истории древнего Рима / Под ред. В.И. Кузищина. М., 1987. С.166-176.

Scriptores Historiae Augustae. / Ed. C. Samberger, W. Seyfarth. Lipsiae, 1971; Писатели "Истории Августов" // ВДИ. 1957. №1-4; 1958. №1-4; 1959; №1-4.

Tabula Imperii Romani:

Aquincum – Sarmizegethusa – Sirmium. L 34. Budapest, 1968.

Romula – Durostorum – Tomis. L 35. Bucarest, 1969.

Naissus – Dyrrhachion – Scupi – Serdica – Thessalonike. K 34. Ljubljana, 1976.

Tacitus Cornelius. *The Histories* / With an English translation by C.H. Moore; *The Annals* / With an English translation by J. Jackson. Cambridge (Mass.); London, 1956; Тацит К. Сочинения : В 2 т. / Пер. А.С. Бобовича и Г.С. Кнабе. Л., 1969.

Tafel G.L.F. *De viae romanorum militaris Egnatiae parte orientali*. Tuebingen, 1841.

Thomas J.A.C. *The Institutes of Justinian*. Text, Translation and Commentary. Amsterdam, 1975. P.28.

Thulin C. *Corpus agrimensorum romanorum*. Lipsiae, 1913; фрагментарный перевод на рус.яз.: Гигин Младший (Громатик). Устройство лимитов / Пер. И.А. Гвоздевой // Хрестоматия по истории древнего Рима / Под ред. В.И. Кузищина. М., 1987. С.191-201.

Tudor D. *Corpus Equitum Donaviarum*. Leiden, 1969-1976. T.1-2.

Vegetius Flavius Renuat. *Epitoma rei militaris* / Ed. K. Lang. Lipsiae, 1885; Флавий Вегетий Ренат. Краткое изложение военного дела / Пер. С.П. Кондратьева. СПб., 1996.

Wilkes J. *Boundary Stones in Roman Dalmatia* // *Arheoloski Vestnik*. 1974. №25. P.258-274.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Alfoeldy G. *Bevolkerung und Gesellschaft der roemischen Provinz Dalmatien*. Budapest, 1965.

Alfoeldy G. *De Statu Praesenti Corporis Incriptionum Latinarum Et De Laboribus Futuris Ad Id Pertinentibus* // *Epigraphica*. 1995. LVII. P.292-295.

Alfoeldy G. *Die Legionslegaten der Roemischen Rheinarmeen* // *Epigraphische Studien* 3. Koeln; Graz, 1967

Alfoeldy G. *Konsulat und Senatorenstand unter den Antoninen*. Bonn, 1977.

Alfoeldy G. *Das Heer in der Socialstruktur des roemischen Kaiserreiches* // *Idem. Roemische Heeresgeschichte*. Amsterdam, 1987.

Berard F. *Vie, mort et culture des veterans d'apres les inscriptions de Lyon* // *Revue des Etudes Latines*. 1992. №70. P.166-192.

Betz A. *Untersuchungen zur Militargeschichte der roemischen Provinz Dalmatien*. Baden bei Wien, 1938.

Birley A.R. *The fasti of Roman Britain*. Oxford, 1982.

Birley E. *Senators in the Emperor's Service*. *Proceedings of the British Academy*. London, 1953.

Bleicken J. *Verfassung- und Socialgeschichte des roemischen Kaiserreiches*. Padeborn, 1978. Bd.I.

Cagnat R. *L'armée romaine d'Afrique et l'occupation militaire de l'Afrique sous les empereurs*. Paris, 1892.

Campbell J.B. *The Emperor and the Roman Army*. Oxford, 1984.

Chilver G.E.F. *Cisalpine Gaul*. Oxford, 1941.

Davies R. *Joining the Roman Army* // *Bonner Jahrbuecher*. 1969. №169. P. 208-233.

Devijver H. *Prosopographia militarium equestrum quae fuerunt ab Augusto ad Gallienum*. Leuven, 1976. Vol. I-III.

Devijver H. *The Roman Army in Egypt* // *ARNW* II. 1. P. 452-492.

- Dobson B.* Die Primipilares. Koeln; Bonn, 1978.
- Domaszewski A.* Die Rangordnung des roemischen Heeres. Koeln; Graz, 1967.
- Eck W.* Senatoren von Vespasian bis Hadrian. Muenchen, 1970.
- Forni G.* Il reclutamento delle legioni da Augusto a Diocleziano. Milano; Roma, 1953.
- Forni G.* Estrazione etnica e sociale dei soldati delle legioni nei prime tre secoli dell' Impero // ANRW. II. 1. P. 339-391.
- Franke T.* Die Legionslegaten der roemischen Armee in der Zeit von Augustus bis Traian. Bochum, 1991.
- Jones R.F.J.* Death and Distinction // Military and Civilian in Roman Britain / Ed. T.F.C. Blagg, A.C. King. Oxford, 1984. P.219-225.
- Junkelmann M.* Die Legionen des Augustus. Der roemische Soldat im archaeologischen Experiment. Mainz, 1986.
- Klauss M.* Untersuchungen zu den principales des roemische Heeres von Augustus bis Dioclezian. Bochum, 1973.
- Kronemayer V.* Beitrage zur Socialgeschichte des roemischen Mainz. Freiburg; Bern; New York, 1983.
- Le Bohec Y.* La troisieme legion Auguste. Paris, 1989; см. также рецензию *А.В. Махлаюка*: ВДИ.1995. №1. С.211-218.
- Le Roux P.* L'armée romaine et l'organisation des provinces Ibériques d'Auguste a l'invasion de 409. Paris, 1982.
- Lenguel A.* The Archaeology of Roman Pannonia. Lexington, Budapest, 1980.
- Lesquier J.* L'armée romaine d'Egypte d'Auguste á Dioclétien. Caire, 1918.
- Macmullen R.* Roman Legion as Society // Historia. 1984. Bd.33.
- Mann J.* Legionary Recruitment and Veteran Settlement during the Principate. London, 1983.
- Marquardt J.* Roemische Staatsverwaltung. Leipzig, 1876. Bd.2. S.447.
- Mocsy A.* Pannonia and Upper Moesia. London, 1974.
- Mommsen T.* Die Conscriptionsordnung der roemischen Kaiserzeit // Ibid. Gesammelte Schriften. Berlin, 1910. Bd.6. S.127-210.
- Mrozewicz L.* Arystokracja municypalna w rzymskich prowincjach nad Renem i Dunajem. Poznan, 1989.
- Mrozewicz L.* Rozwoj ustroju municypalnego a postepy romanizacji w Mezji Dolnej. Poznan, 1982.
- Mrozewicz L.* Roman Military Settlements in Lower Moesia (I-III Cent.) // Archeologia. 1982. №33. S.79-105.

Patsch C. Der Kampf um den Donaauraum unter Domitian und Traian. Beiträge zur voelkerkunde von Sued-osteuropa. Wien, 1932.

Petrikovits H. Das Roemische Rheinland. Koeln, 1960.

Ritterling E. – Stein E. Die Kaiserlischen Beamten und Troppen-koerper im roemischen Deutschland unter dem Prinzipat. Wien, 1932.

Roldan Hervas J.M. Hispania y el Ejercito romano. Salamanca, 1974.

Ruprecht G. Untersuchungen zum Dekurionenstand in den nordwestlichen Provinzen des Romischen Reiches. Kallmuenz, 1975.

Saller R.P., Shaw B.D. Tombstones and Roman Family Relations in the Principate: Civilians, Soldiers and Slaves // JRS. 1984. №74. P.124 - 156.

Sarnowski T. Wojsko rzymskie w Mezji Dolnej i na polnocnym wybrzezu morza Czarnego. Warszawa, 1988.

Speidel M. Legionaries from Asia Minor // ANRW. II. 7. 2. Berlin; New York, 1980. P.745.

Syme R. The Roman Revolution. Oxford, 1960.

Syme R. The Augustan Aristocracy. Oxford, 1986.

Vittinghoff F. Roemische Kolonisation und Buergerrechtspolitik unter Caesar und Augustus. Wiesbaden, 1952.

Wilkes J. Dalmatia. London, 1969.

Wierschowski L. Heer und Wirtschaft. Das roemische Heer der Prinzipatszeit als Wirtschaftsfaktor. Bonn, 1984.

Wittwer R. Kaiser und Heer in Spiegel der Reichsmuenzen. Tuebingen, 1987.

Zajac J. Od Wenetow do Rzymian. Studium epigraphiczno-antropomasticzne (I w. p. n.e. – I w. n.e.). Torun, 1991.

Zaninovic M. Rimska vojska u razvitku antike na nasoj obali // Materiali. IX Kongres arheologu Jugoslavije. Zadar, 1976. Vol.XII. S.169-184.

Zaninovic M. Podrucje Neretve kao vojni mostobran rimske antike // Dolina rijeke Neretve od prethistorije do ranog srednjeg vijeka. Split, 1980. S.173-180.

Абрамзон М.Г. Римская армия и ее лидер по данным нумизматики. Челябинск, 1994.

Дельбрюк Г. История военного искусства. СПб., 1994. Т.1.

Златковская Т.В. Мезия в I-II веках нашей эры. М., 1951.

Игнатенко А.В. Древний Рим: от военной демократии к военной диктатуре. Свердловск, 1988.

Колосовская Ю.К. Паннония в I -III веках. М., 1973.

Колосовская Ю.К. К вопросу о социальном строе римского общества I - III в.н.э.(*collegia veteranorum*) // ВДИ. 1969. №4.

Колосовская Ю.К. Рабство в дунайских провинциях // Штаерман Е.М., Смирин В.М., Белова Н.Н., Колосовская Ю.К. Рабство в западных провинциях Римской империи в I-III вв. М., 1977. С.120-209.

Колосовская Ю.К. Ветеранское землевладение в Паннии // ВДИ. 1963. №4. С.96-116.

Кругликова И.Т. Дакия в эпоху римской оккупации. М., 1955.

Кулаковский Ю. Надел ветеранов землей и военные поселения в Римской империи. Киев, 1881.

Кулаковский Ю. Армия в Римской империи. Киев, 1894.

Кудрявцев О.В. Исследования по истории Балкано-Дунайских областей в период Римской империи и статьи по общим проблемам древней истории. М., 1957.

Машкин Н.А. Принципат Августа, М.; Л., 1949.

Парфенов В.Н. От Цезаря до Августа. Саратов, 1985.

Ростовцев М.И. Рождение Империи. Пг., 1918. С.48.

Утченко С.Л. Кризис и падение Римской республики. М., 1965.

Утченко С.Л. Римская армия в I в. до н.э. // ВДИ.1962. №1.

Штаерман Е.М. Этнический и социальный состав римского войска на Дунае // ВДИ. 1946. №3. С.256-269.

Штаерман Е.М. Социальные основы римской религии. М., 1987.

Учебное издание

Колобов Александр Викторович

**Римские легионы вне полей сражений
(Эпоха ранней Империи)**

Редактор *Е.А. Огиенко*

Технический редактор *Г.А. Ковальчук*

Художник *А.С. Стабровский*

Корректор *Г.А. Прозументик*

ИБ № 245

Лицензия ЛР № 020409 от 12.02.97

Подписано в печать 10.06.99. Формат 60×84 1/16. Бум. офс. Печать
офсетная. Усл.печ.л. 7,67. Уч.-изд.л. 8,19. Тираж 300 экз. Заказ .

Редакционно-издательский отдел Пермского университета

614600. Пермь, ул.Букирева, 15

Типография Пермского университета

614600. Пермь, ул.Букирева, 15
